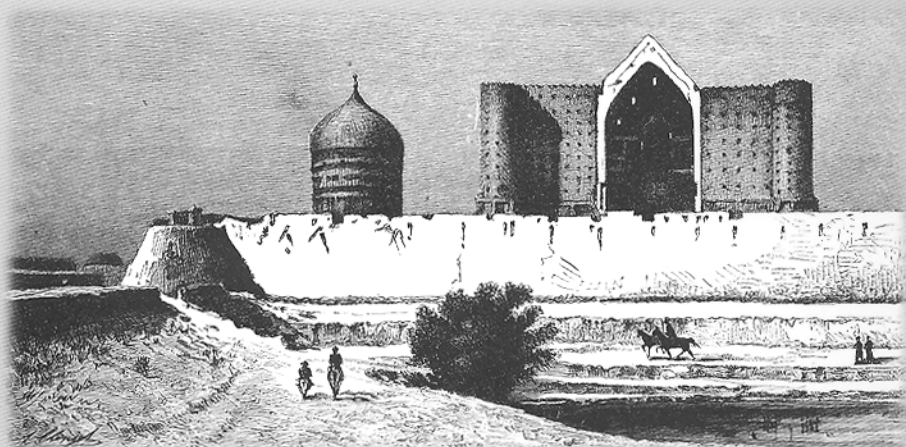

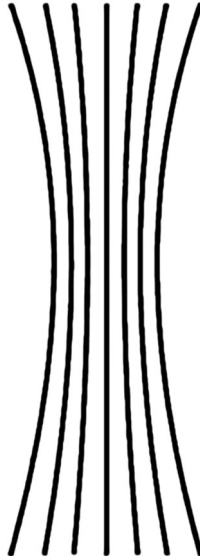
Ю.А. Ёлгин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
И
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ МАВЗОЛЕЯ
ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ

ҒЫЛЫМИ ҚАЗЫНА

Издание осуществляется в рамках межотраслевой программы Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
«Ғылыми Қазына»

Автор идеи логотипа – Аяган Б.Г., д.и.н., профессор.

Дизайн логотипа – Бекенова М.С., Нургожина Ж.Е.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА
ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М.О. АУЕЗОВА

Ю.А. ЁЛГИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ
**ИССЛЕДОВАНИЯ МАВЗОЛЕЯ
ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ**

Вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов
(Очерки и материалы)

АЛМАТЫ
2013

УДК
ББК
К

В оформлении обложки использован рисунок мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави предположительно В.В. Верещагина из книги Ю. Скайлера «Туркестан» (Нью-Йорк, 1876).

Ёлгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: Вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов: (Очерки и материалы). – Алматы, 2013. – 225 с.

Книга состоит из шести историографических очерков истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане, начиная с его предыстории в XVIII в. и до первой половины 1950-х годов. В её основу положен многообразный материал, почерпнутый в средневековых письменных источниках и литературных свидетельствах о памятнике второй половины XIX – начала XX вв. Особое место в ней занимают архивные материалы, отражающие ход исследования и многоэтапной реставрации мавзолея.

Издание адресовано в первую очередь историкам, археологам, этнологам, историкам архитектуры и реставраторам памятников культового зодчества ислама развитого и позднего средневековья. Благодаря помещённым в ней приложениям, содержащим малоизвестные сведения о памятнике из письменных и литературных источников, она может быть интересна и широкому кругу читателей, интересующихся историей архитектуры Казахстана.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
БАЙТАНАЕВ Б.А.,
член-корреспондент Национальной Академии наук
Республики Казахстан,
доктор исторических наук

Рекомендовано к печати Учёным советом Института археологии
им. А.Х. Маргулана КН МОН РК

ISBN XXX-XXX-XXXX-XX-X

Репродуцирование (воспроизведение) любым
способом без договора с издательством запрещается.

© Ёлгин Ю.А.
© Институт археологии им. Маргулана

ВВЕДЕНИЕ

Историки архитектуры единодушны во мнении, что мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави – один из ключевых памятников в понимании архитектурного наследия Средней Азии и Казахстана.

Теперь, когда место этого мавзолея в истории зодчества среднеазиатско-казахстанского региона определено, становится ясно, что он выступает как новаторское для своего времени произведение архитектуры, синтезирующее достижения строительного искусства IX – XIV вв.

В чём его новаторство заключается? Здесь можно выделить два основных момента.

1. Смелое развитие ранее сложившихся архитектурно-планировочных схем. Результат – логичность, гармония и предельная ясность плана здания. Мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави – один из немногих памятников, где развитие структуры многофункционального мемориального сооружения достигает кульминации.

2. Изобретение и успешное использование новых конструкций перекрытий. Нет ни одного конструктивного приёма сводов и куполов в архитектуре последующих столетий, который бы не встретился в туркестанском мавзолее, если не в развитом, то хотя бы, в зачаточном состоянии. Этим он в огромной мере определил зодчество эпохи тимуридов и бухарское зодчество XVI века.

Мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави вместе с тем создано традиционное. Новации сочетались в нём с присущими для времени Тимура принципами объёмно-пространственной композиции и орнаментального декора. Свою эпоху памятник отражает очень полно.

Таково вкратце архитектурно-художественное значение мавзолея Ясави. Оно было понято ещё современникам закладки памятника. И оно же становится объяснением появления довольно-таки обширной литературы о памятнике уже в начальный период его изучения. Загадку этого мавзолея пытались разгадать дореволюционные и советские учёные.

Специальное описание мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави может составить объемистый труд и в нашу задачу не входит. Но чтобы массовому читателю было понятно, о каких именно помещениях, архитектурных объёмах и деталях памятника впереди пойдёт речь, очень сжато опишем этот комплекс.

Возведён мавзолеем по указанию эмира Тимура в 1389 – 1399 гг. (основной строительный период) над захоронением популярного среди местных кочевников поэта-мистика и религиозного проповедника Ходжи Ахмеда Ясави (1103 – 1166).¹ Небольшой однокамерный мавзолеем, построенный над могилой Ходжи Ахмеда, в XII в. был включён в новую постройку. Зодчий Ходжи Хасан из Шираза оставил автографы над нишей северного портала и над нишей Ильяс-хана. Другой зодчий, Шемс абд-ал-Вахаба – на барабане купола гурханы. Ядром комплекса являлся казандык (получил название по казану, отлитому мастером Абд ал-Азизом из Тавриза из семи сплавов металла; установлен в центре помещения), предназначенный для собирания большого числа молящихся. Кроме того, казандык берёт на себя дополнительные функции распределительного вестибюля (из него можно попасть во все помещения комплекса). Он доминирует как своим положением в плане, так и внушительными размерами. С юга к казандыку примыкает грандиозный недостроенный необлицованный портал, с севера – усыпальница (гурхана). С восточной и западной сторон его окружают большие двусветные залы – Малый Ак-Сарай, кудукхана (колодезная), халимхана (кухня, где готовилась ритуальная пища – халим), китапхана (библиотека) и квадратные в плане худжры (кельи для паломников). Мечеть и Большой Ак-Сарай расположены по обеим сторонам гурханы. Восемь двухэтажных коридоров, перпендикулярных стенам казандыка, делят здание на восемь пространств-блоков. План мавзолея симметричен в целом и асимметричен в частях. Сложная структура здания почти

1 Даты жизни Ахмеда Ясави современными исследователями суфизма пересматриваются в свете новых источников. Предлагаемые варианты часто противоречивы и даже неправдоподобны. Ди Уис Д. предложил весьма приблизительно XII – начало XIII вв. как наиболее вероятное время жизни Ахмеда Ясави – См.: Ди Уис Д. Ахмад Йасави // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – М.: Изд. фирма «Восточная литер.» РАН, - 2003. – Вып.4.

не выявлена в его внешнем облике, заключена в чёткий прямоугольник стен. Все части мавзолея соразмерны и композиционно уравновешены. Мавзолей Ходжи Ахмеда воплощает в себе характерные черты зодчества эпохи Тимура: укрупнённые размеры, внутреннюю логику и законченность композиции, роскошь декора.

Новаторский характер проекта этого памятника заключается, прежде всего, в смелом использовании конструкций перекрытий, ранее не встречавшихся в зодчестве Средней Азии и Казахстана. Конструктивная схема состоит из множества сводчатых и арочных элементов, получивших развитие и распространение в первой пол. XV в. При этом зодчие достигли большого разнообразия в пределах одной арочно-сводчатой системы. В основе построения казандыка лежит квадрат и его производные, имеющий вид неправильного креста, образованного устроенными в стенах нишами, которые зрительно расширяют и без того огромное пространство казандыка. Он перекрыт самым большим в Средней Азии и Казахстане куполом, имеющим в диаметре 18,2 м. В подкупольных конструкциях казандыка впервые применены плоские балочные паруса. В архитектуре интерьера казандыка усилен декоративный момент: в целях маскировки конструкций плоских балочных парусов, на которые посредством восьмерика опирается купол, применена обильная лепнина – сталактиты причудливых форм. Сам купол выложен кольцевыми рядами клинчатой кладкой из квадратного кирпича.

Гурхана, где установлено надгробие (сагана) Ходжи Ахмеда Ясави, является идейно-образным и смысловым центром комплекса, где сосредоточены самые сильные средства архитектурной выразительности: укрупнённые формы, световой и колористический эффекты, синтез архитектурных и скульптурных (сталактиты) форм. По размерам гурхана значительно меньше казандыка. В общих чертах в ней повторяются его объёмно-пространственная композиция, планировочная и конструктивная схема. Но в отличие от казандыка купол не одинарный, а двойной и поднят на высокий барабан. Внешний купол, кроме защиты внутреннего от атмосферных осадков, никакой конструктивной роли не играет. Главная задача его чисто архитектурная и формообразующая. Он ребристый, что и подчёркивает его декоративный характер.

В плане мечети, имеющем вытянутые очертания, ясно читается четырёхарочная композиция с очень широкими нишами по осям. Ширина ниш равна ширине помещения, что необходимо для перевода продолговатого зала в квадрат и перекрытия его куполом. Здесь впервые в архитектуре Средней Азии и Казахстана мы видим конструкции

с пересекающимися арками. От квадрата, образуемого этими арками, с помощью балочных парусов осуществляется переход к невысокому восьмиграннику, на грани которого поставлено по два столбика (основания для купола). Между столбиками устроены окна. Барабан, таким образом, заменяется световым фонарём. Купол мечети сфероконический, двойной. В западной стене помещён михраб, представляющий собой нишу со стрельчатой аркой, обрамлённой прямоугольной декоративной рамой.

Перекрытия Большого и Малого Ак-Сараев, халимханы, китапханы, кудукханы и других помещений подчёркнуто обнажены и едины с архитектурным строем интерьеров. В них многообразно варьируется мотив двухъярусной аркады с глубокими нишами в первом ярусе и проходными галереями во втором.

Большой Ак-Сарай перекрыт двумя полусферическими куполами на пересекающихся арках. Малый Ак-Сарай – шестигранным куполом на парусах в виде щитов (прообраз щитовидных парусов).

Кудукхану венчает сфероконический купол на конических парусах, китапхана перекрыта куполом низкого подъёма на таких же парусах. В халимхане подпружные арки создают основание уже не для куполов, а для крестовых сводов, образованных пересечением на квадратном плане двух взаимно перпендикулярных стрельчатых сводов.

Перекрытия двухэтажных второстепенных помещений (коридоры, худжры) – это упрощённые варианты перекрытий китапханы и Малого Ак-Сарая.

Все части здания сложены из квадратного обожжённого кирпича на ганчевом растворе. Исходным материалом для кирпича и других керамических деталей служила местная саурановская глина.

Архитектурный декор мавзолея выполнен в духе парадного стиля эпохи Тимура. Здесь целиком использован весь комплекс художественных приёмов: широкое применение шлифованного и поливного кирпича в обработке больших поверхностей стен, куполов и барабанов, укрупнённый масштаб орнаментов и широкое использование цвета. Композиция наружных облицовок мавзолея (исключая недостроенный южный портал) имеет трёхчастное членение. В средней части трёх наружных стен повторяется больших масштабов мотив эпитафического орнамента; на восточном фасаде – мозаика из «восьмёрок» с квадратами, на западном – Х-образные кресты и орнаментированные надписи. Основой композиции цокольной части восточного и западного фасадов служит гирих, образуемый плитами из желтоватого известняка с майоликовыми вставками сине-зеленых тонов. Эпитафический фриз содержит стихи из Корана. Куфическая надпись вы-

ложена тройной лентой из голубых и синих кирпичиков на терракотовом фоне.

Центром северного фасада является наружный портал гурханы – самое красочное и насыщенное орнаментом место во внешнем облике мавзолея. Масштаб гириха стен северного фасада значительно меньше, чем на восточном и западном, рисунок более лёгкий и изящный. В оформлении портала использованы геометрические, эпиграфические. и растительные орнаменты.

Щедро украшен поливой и орнаментом купол над гурханой.

Интерьеры мавзолея Ахмеда Ясави построены по принципу контраста разнообразных приёмов композиции и отделки. В главных помещениях (казандыке, усыпальнице, мечети) сосредоточены наиболее сильные средства архитектурной выразительности: впечатляющие купола и ниши, скульптурный и живописный декор. Они представляют образец синтеза архитектурных, скульптурных форм и монументальной живописи.

История изучения мавзолея Ясави – это не просто одна из страниц истории зодчества Средней Азии и Казахстана. Она в полной мере отражает процесс становления и развития истории архитектуры региона как самостоятельной научной дисциплины. Эта история насчитывает более полутора веков, если не считать XVIII век и более раннее время, данные которых балансируют на грани источников, фиксирующих описания памятника, и материалов, несущих оттенок оценочного подхода.

Наши библиографические и архивные изыскания показали, что за этот период отложился огромный материал, далеко не полностью задействованный исследователями и реставраторами мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Безусловно, этот материал требует выхода и научного осмысления. Но за всю историю изучения памятника не было написано сколько-нибудь полного историографического труда о нём. Тому много причин. Одна из них в том, что архитектурная историография долгое время пребывала в застое.² В Казахстане она вообще отсутствовала, ибо сама история архитектуры начала формироваться сравнительно недавно. Только в наши дни стали появляться редкие статьи по истории изучения отдельных памятников средневековой культовой архитектуры.

Автор первого монографического исследования о мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави М.Е. Массон³ историографических задач перед собой не ставил. Впервые истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави уделила внимание

2 Аскарлов Ш.Д. Проблемы архитектурной науки Узбекистана // САУ. – 1991. – №6. – С.28.

3 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типолит. №2 Узполиграфтреста, 1930. – 23 с.

Л.Ю. Маньковская в своей диссертации по исследованию и реставрации памятника.⁴ Во введении ею была намечена только канва этого вопроса. Впоследствии Л.Ю. Маньковская написала по этой теме специальную работу, имея в виду в перспективе издание капитальной монографии по мавзолею Ясави. Этот историографический обзор остался неопубликованным.⁵ Несмотря на то, что Л.Ю. Маньковская является, на наш взгляд, наиболее авторитетным исследователем мавзолея Ясави, данная работа не стала исчерпывающим историографическим очерком по мавзолею Ахмеда Ясави. Она не учитывала многое, что было известно о памятнике уже в то время (1960-е годы), и на современный взгляд явно устарела.

1970-е – начало 1980-х годов отмечены оживлением работ на мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави. Но публикаций о нём, тем более отдельных изданий, было мало. В 1972 г. вышла небольшая книжка архитектора Т.К. Басенова,⁶ в 1980 году – прекрасно изданный альбом, содержащий часть графического материала Л.Ю. Маньковской. Автором вступительной статьи второго издания был человек, весьма далёкий от истории архитектуры и науки вообще, художник Н.-Б. Нурмухаммедов.⁷ В текстах этих изданий история изучения памятника не освещалась.

Только в 1989 г. появилась в печати специальная работа, рассказывающая об истории исследований и реставрации мавзолея Ахмеда Ясави в г. Туркестане.⁸ Её автор – ташкентский архитектор М.Т. Махмудова в короткой журнальной публикации, естественно, не могла в должной степени раскрыть эту неизученную тему, имеющую протяжённые хронологические рамки и насыщенную огромным архивным и литературным материалом. При этом необходимо изучение памятника в натуре, которого у неё, вероятно, не было. С одной стороны, М.Т. Махмудовой намечена приблизительная канва истории изучения памятника, часто минуя целые периоды этой истории, с другой – ею приведен ряд интересных, просто незаменимых фактов из продолжительной и очень тяжёлой реставрации мавзолея.

4 Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса – мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане и вопросы его реставрации: Автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. – Ташкент, 1963 – С.3 – 4. Текст диссертации имеет не один вариант, и все они хранятся в ЦГА РУз.

5 Маньковская Л.Ю. К истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане // ЦГА РУз., Ф Р2810, Оп.1, Д.15, ЛЛ.1 – 25.

6 Басенов Т.К. Мемориальный комплекс Ахмеда Ясави. – Алма-Ата: Казахстан, 1972.

7 Нурмухаммедов Н.-Б. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. – Алма-Ата: Өнер, 1980. – 37 с. 75 л. Илл.

8 Махмудова М.Т. Из истории исследования и реставрации мавзолея Ахмада Ясави в Туркестане // САУ. – 1989. – №10. – С.25 – 27.

После выхода этой статьи история изучения мавзолея Ясави затронулась лишь в публикациях, связанных не с историографическими проблемами, а как правило, в публикациях и книгах с локально ограниченными исследовательскими рамками. Такова книга Б.Т. Туякбаевой «Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясави».⁹ Истории изучения мавзолея Ясави в ней отведено всего лишь несколько абзацев.¹⁰

Из работ историографического плана следует назвать главу, написанную археологом Ф.П. Григорьевым «К истории археологического изучения городища и некрополя Туркестана» из коллективной монографии «Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана».¹¹ Это обстоятельный историографический очерк. Но он ограничен задачами археологического изучения и только изредка касается здания мавзолея в контексте темы, связанной с археологическим изучением Туркестана.

В 1992 г. автором этих строк был подготовлен библиографический указатель по мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави.¹² Он включал дореволюционные и советские публикации на русском языке. Во вступительной статье был сделан краткий обзор средневековых письменных источников, известных в русских переводах, касающихся туркестанского мавзолея, и был написан наиболее полный на то время очерк истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, начиная со второй половины XIX в. и до 1917 г.¹³

В 2000 г. была опубликована статья А.У. Токтабаева «Историография мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави» на казахском языке.¹⁴ Её компилятивный характер не вызывает сомнений. Во многом он воспользовался библиографическим указателем, изданным нами в 1992 г.; это очевидно, поскольку за прошедшее время литературных источников, не учтённых нами или опубликованных за прошедшие годы, им не было использовано. Некоторые факты, должны придать статье «характер самостоятельного исследования», например, сообщение о пребывании в Туркестане

9 Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясави. – Алма-Ата: Өнер, 1989. – 176 с.

10 Там же. С.6.

11 Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 232 с.

12 Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави: (Библиографический указатель) / Сост. и автор вступит. статьи Ю.А. Ёлгин. – Шымкент, 1992. – 48 с.

13 Ёлгин Ю.А. К истории изучения архитектурного комплекса Ходжи Ахмеда Ясави во второй половине XIX в. – 1917 г. Там же. С.7 – 20.

14 Токтабаев А.У. Қожа Ахмет Яссауи сәулет ғимаратының тарихнамасы // Отан тарихы = Отечественная история. – 2000. – №3 – 4. – 23 – 35 б.

академика архитектуры А.В. Щусева,¹⁵ приведены без ссылки на источники, что вызывает сомнения.¹⁶

В последующие годы автором этих строк был опубликован ряд статей по истории археологического и историко-архитектурного изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Все они касались отдельных периодов этой истории.

Предлагаемая вниманию читателя книга может послужить скромным вкладом автора в дело истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, уже давно ставшим одним из национальных символов Республики Казахстан.

Суть и основное содержание её составляет не только и не столько описание хода археологических и историко-архитектурных исследований в их хронологической последовательности, а историографический анализ основополагающих этапов изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, узловых, иногда остро дискуссионных моментов, связанных с определением типологической принадлежности памятника, периодизации его строительства, с новаторскими идеями в области конструкций перекрытий, их воплощением, удачным или не выдержавшим испытания временем, и шире – с оценкой с позиций истории культового зодчества Средней Азии и Казахстана как научной системы. Здесь мы пытались обозначить и отстаивать авторскую позицию, иногда не совпадающую с устоявшимися взглядами и оценками, вольным обращением с терминологией средневекового зодчества и т.д.

На практике автор вплотную имел возможность знакомиться с памятником в натуре, участвуя в подготовке документов, касающихся его сохранности и реставрации, в 1983 – 1993-х гг., когда работал в НИО охраны памятников Чимкентского областного музея,¹⁷ и позже, после реорганизации этого отдела, многое из положенного в основу данной книги было опубликовано в казахстанских изданиях, частично – в ближнем и дальнем зарубежье, некоторые положения были доложены на республиканских и международных научных конференциях. По вопросам ономастики памятника я работал в соавторстве с Б.А. Байтанаевым, известным своими оригинальными исследованиями по исторической топонимике Южного Казахстана.

15 Хорошо известны работы А.В. Щусева, связанные с изданием альбома по мавзолею Гур-Эмир в Самарканде, но о работах Щусева на мавзолее Ясави в дореволюционное время, как и после 1917 г., речь не шла. Об этом не упоминает ни один исследователь памятника.

16 Тоқтабаев А.У. Қожа Ахмет Яссауи сәулет ғимаратының ... 29 б.

17 С 1992 г. – Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ЮКОМ).

Весь этот материал впервые объединён под одной обложкой. Историко-архитектурные исследования второй половины XIX – начала XX вв., довоенного периода соотносятся с современными археологическими открытиями в г. Туркестане.

Книга состоит из шести глав, в которых освещены основные этапы археологического и историко-архитектурного изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, начиная с петровских времён и до середины 1950-х годов. В неё включены два приложения. В первом приведены извлечения из средневековых персоязычных источников о туркестанском мавзолее в переводе на русский язык. При этом даны разные варианты чтения нарративных источников, главным образом «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, и отрывки, учитывающие допуски в переводах. Второе приложение содержит выдержки из литературных источников XVIII – начала XX вв., описывающих г. Туркестан и мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави.

Иллюстративный материал книги невелик по объёму, так как состоит в основном из дореволюционных изображений памятника, очень немногочисленных. Некоторые фотографии и рисунки являются раритетными, извлекались автором из редких фондов библиотек и архивов. Они исключительны в своём роде, фиксируют памятник в состоянии, в каком он предстал перед обитателями Туркестана и паломниками в период средневековья. Иконографический материал в более широком контексте, касающемся и других памятников архитектуры Южного Казахстана, был освещён в нашей совместной с Б.А. Байтанаевым книге «Культовая архитектура Южного Казахстана: (Архитектурно-археологические исследования памятников позднего ислама)», которая выходит из печати.

Также среди иллюстраций помещены портреты исследователей памятника, начиная с XVIII вв. до первой половины 1950-х гг.

Эта книга могла бы не состояться, если бы не поддержка и помощь Генерального директора Института археологии им. А.Х. Маргулана, члена-корреспондента НАН РК, доктора исторических наук Б.А. Байтанаева, на протяжении многих лет вселявшего в меня уверенность и надежду в результаты моей работы. Совершенно естественно, что именно он взял на себя обязанности ответственного редактора этой книги, за что я ему очень признателен.

Слова признательности и благодарности я хотел бы выразить академику Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктору исторических наук К.М. Байпакову, С.К. Алибаевой, работавшей в 1986 – 2004-х гг. директором ЮКОМ, начальнику Туркестанской археологиче-

ской экспедиции Е.А. Смагулову, оказывавшим содействие на моём научном пути, а также многим коллегам и друзьям, поддерживавшим меня в течение многих лет.

Особо тёплые слова хотелось бы сказать в адрес наших узбекистанских друзей и коллег - доктора исторических наук, профессора Р.Х. Сулейманова и археолога, историка-краеведа Л.И. Жуковой, проявивших ко мне заботу и внимание во время моих научных командировок в Ташкент, помогавших мне советом и делом во время архивных и библиографических разысканий.

И конечно, я очень благодарен моим бескорыстным помощникам – библиотекарям МБА Южно-Казахстанской областной библиотеки им. А.С. Пушкина Л.М. Олещенко и С.В. Дуюновой, помогавших мне в сборе материала в библиотеках СССР и СНГ, сотрудникам Южно-Казахстанской областной специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих Г.З. Ескендировой и О.Н. Русиновой, оказывающих мне содействие и помощь в последние годы.

ГЛАВА I

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ

В археологии Средней Азии и Казахстана письменные источники используются достаточно активно и продуктивно, начиная с самого начала оформления её в самостоятельную область исторического знания в Центральной Азии и по настоящее время. В основном они привлекались для локализации средневековых городов и отождествления их с конкретными археологическими объектами – городищами,¹ а также для реконструкции фактов, событий, явлений и, в конечном счёте, в целях прояснения исторической картины прошлого. В отношении архитектурных памятников корпус письменных источников, включая нарративные сочинения и документы, а также сопутствующие им данные эпиграфики, нумизматики и др., задействованы недостаточно, хотя в ряде случаев эти источники могут содержать факты, указывающие, если не прямо, то хотя бы косвенно, на происхождение, датировку, авторство некоторых архитектурных сооружений. Сказалась недостаточная изученность самих источников, их разбросанность по хранилищам мира и малодоступность для археологов и историков архитектуры. Однако, несмотря на эти трудности, попытки изучения отдельных архитектурных сооружений с помощью методов истолкования письменных источников начали предприниматься уже во второй половине 1860-х годов, сразу после присоединения юга Казахстана и Средней Азии к Российской империи.²

1 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – С.23 – 28.

2 Горшенина С.М. Становление и развитие системы истории искусств в Средней Азии и Узбекистане: Конец XIX века – первая половина XX века: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1996. – С.16.

Одним из пионеров в этом деле был П.И. Лерх. Пётр Иванович Лерх стоял у истоков археологического изучения Казахстана³ – раскопки Джанкента, предпринятые им в 1867 г. по поручению Археологической комиссии, были едва ли не первыми археологическими исследованиями на юге Казахстана. Но Лерх, будучи выпускником историко-филологического факультета Петербургского университета по восточному разряду, был, прежде всего (как и В.В. Радлов, также отдавший дань археологии), ориенталистом.⁴ Можно сказать, что изучение памятников средневекового зодчества Средней Азии с позиции востоковедного источниковедения было начато им, и что примечательно, с такого знаменательного объекта, как мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Ему удалось по первоисточникам XV – XVI вв. восстановить единство наименований «Ясы» и «Туркестан», проследить историю водворения в Туркестане Рабиги Султан-Бегим. Им заново переведены и опубликованы надписи на котле (казане), установленном в казандыке мавзолея (с поправкой к чтению М.-С. Бекчуриным), и надгробии Рабиги Султан-Бегим, уточнены чтения дат. Его работы содержат ценные, но разрозненные сведения по эпиграфике и истории мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави.⁵ Широко известна работа П.И. Лерха «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 год». В ней он по западным переводам сочинения Шараф ад-Дин Али Йазди «Зафар-наме», а также с ссылкой на труды Мирхонда, Абдурраззака ас-Самарканди и Хафиза Таныша, использовавших сведения Йазди, впервые приводит рассказ Шараф ад-Дина о постройке мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане.⁶

«Ориентальный» подход в изучении мавзолея Ясави и архитектурного наследия Центральной Азии в целом оставался ведущим достаточно долго – даже и в первое десятилетие XX века исследования в этой области во многом опирались на письменные источники и фольклор. Несмотря на наметившуюся дифференциацию, включая историю, археологию и этнографию, публикации (помимо П.И. Лерха) Н.И. Веселовского,

3 Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // Историческая наука Советского Казахстана (1917 – 1960 гг.). – Алма-Ата: Ғылым, 1990. – С.43.

4 Пётр Иванович Лерх // Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки / Сост. Б.В. Лунин. – Ташкент: Фан, 1974. – С.209, 210.

5 Маньковская Л.Ю. К истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане // Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (далее: ЦГА РУз.), Ф2810, Оп.1, Д.15, Л.3.

6 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1870.. – С.15 – 16.

П.Н. Ахмерова, В.Л. Вяткина, Н.Ф. Петровского, А.А. Диваева и др. опирались в основном на данные письменных источников (нарративных сочинений и документов) и эпиграфики.⁷ Здесь сказалась общая тенденция историко-археологического изучения культурного наследия Центральной Азии, проистекавшая из особенностей русской ориенталистики. Её подразделяли на два направления – «академическое» и «практическое». Представители академического направления были универсалами. Это обусловило недифференцированность востоковедения как науки, начиная с 40-х годов XVIII в.⁸ и чуть ли не до первого десятилетия XX в. Главной своей задачей «академисты» ставили освоение всего комплекса письменных источников, проливающих свет на историю и культуру народов Центральной Азии. Ориенталисты и первого, и второго направлений были в первую очередь филологами по приёмам и методам исследований.⁹ Поэтому неудивительно, что многие археологические и архитектурные памятники, благодаря усилиям востоковедов, получили серьёзную востоковедческую базу для дальнейшего их изучения. С другой стороны, именно из среды востоковедов выдвинулись крупные личности, которым было суждено стать основателями археологии, этнографии, истории архитектуры и т. д. в Центральной Азии. Достаточно назвать такую масштабную фигуру, как В.В. Бартольд. Как писал Л.И. Ремпель, «Восточные рукописи были ... его «стихией», любимым делом, которому он отдавался сполна».¹⁰ Будучи знатоком восточных рукописей мирового уровня, он вместе с тем очень много сделал для развития центральноазиатской археологии. Столь же значителен его вклад и в историю архитектуры. В трудах

7 Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса мавзолея Ахмеда Ясави в г. Туркестане и вопросы его реставрации: Автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. – Ташкент, 1963. – С.5.

8 Конец 1740-х гг. – время, когда в России стали появляться первые востоковеды и начала складываться отечественная востоковедческая школа. 60% книжного фонда библиотеки Академии наук по ориенталистике составлял мусульманский Восток. Преобладали описания путешествий в страны Востока, затем следовали исторические сочинения. – См.: Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и в библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX в. – М.: Наука, 1978. – С.260.

9 Арапов Д. Ю. Русское востоковедение и изучение истории Золотой Орды // Куликовская битва в истории нашей Родины: (Материалы юбилейной конференции). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С.70.

10 Ремпель Л.И. Далёкое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары: Бухарские записи. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1981. – С.12.

В.В. Бартольда, посвящённых анализу письменных источников, памятники архитектуры не просто затрагиваются и упоминаются в связи с различными историческими явлениями, а зачастую подвергаются серьёзному анализу во многих аспектах.

Итак, на первых этапах изучения архитектурного наследия Центральной Азии его исследователи выступали словно бы в двух ипостасях: как знатоки восточных рукописей и как историки зодчества. Последнее на первых порах заставляло их быть в одном лице и археологами, и этнографами, и в какой-то мере архитекторами-реставраторами, так как архитектурное сооружение, как правило, воспринимается одновременно во многих аспектах.

Памятник архитектуры в качестве исторического источника и произведения искусства предполагает именно такой многоплановый подход к его изучению. В этой главе мы коснёмся преимущественно первой сферы деятельности ориенталистов, чтобы уяснить роль письменных источников в изучении мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави и их место в историографии памятника.

Вопрос о значении письменных источников в *критической историографии* мавзолея Ясави не поднимался ни одним из его исследователей. Между тем они (главным образом отрывки из сочинения Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме») привлекались уже на начальных этапах его изучения и были едва ли не краеугольным камнем в построении различных атрибуционных схем этого сооружения. Скромная попытка включить письменные источники по мавзолею Ясави в *историографический контекст* его изучения (т.е. подать их не как вспомогательный материал для историков, археологов, архитекторов и реставраторов, а как объект историографического исследования, подразумевая под этим уже самый первый этап в истории изучения мавзолея Ясави) была предпринята автором этих строк.¹¹

Работы, посвящённые истории изучения мавзолея Ясави, единичны и не носят системного характера. Их авторы, как правило, начальный этап истории изучения мавзолея Ясави относят к периоду присоединения Южного Казахстана к Российской империи. Л.Ю. Маньковская, обладавшая исчерпывающей для своего времени информацией по мавзолею Ходжа Ахмеда Ясави, в упоминавшейся неопубликованной рукописи по истории изучения мавзолея Ясави ничего не говорит

11 Ёлгин Ю.А. К истории изучения архитектурного комплекса Ходжи Ахмеда Ясави во второй половине XIX в. – 1917 г. // Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави: (Библиографический указатель) / Сост. и автор вступит. статьи Ю.А. Ёлгин. – Шымкент, 1992. – С.9 – 12.

о письменных источниках.¹² Между тем она сама привлекала данные «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди для историко-архитектурного, изучения мавзолея Ясави, пользовалась источниками в ходе типологического анализа и даже в реставрационной практике. Причина этого не в недооценке письменных источников, а в том, что сами источники к тому времени по-настоящему ещё не вошли в научный оборот. Даже факсимиле «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди в полном его варианте было опубликовано в Советском Союзе после написания Л.Ю. Маньковской рассматриваемой работы в конце 1960 – начале 1970-х гг. Фактов и оснований для включения письменных источников в историографический обзор было тогда явно недостаточно. В настоящее время в деле изучения письменных источников в Казахстане произошёл значительный количественный и качественный сдвиг. И хотя источники чаще всего анализируются с позиций политической истории, их изучение даёт немало фактов для археологов, этнологов, исследователей культуры и, в частности, историков архитектуры.¹³

Монументальные сооружения, как правило, датируются по данным письменных источников (если время создания и имена строителей не зафиксированы на самом здании, что бывает крайне редко в центральноазиатском зодчестве). Источники иногда сохраняют и даты перестроек и разрушений памятника.¹⁴ Бывает, называются имена строителей-донаторов, ещё реже – строителей-архитекторов. Ответы на простые вопросы атрибуции – это первое, что может дать письменный источник, и оно представляет собой первый уровень знания о памятнике. На втором уровне происходит с помощью исторических источников проникновение в ту конкретно-историческую среду и время, когда создавался памятник. Письменный источник помогает также раскрыть те внутренние и внешние связи, которые, *реально*, а не в фантазии исследователя, существовали в данное время. Известный российский искусствовед и археолог Н.Н. Воронин писал: «Изучение литературных

12 Маньковская Л.Ю. К истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане ... Л.4.

13 В последние годы в Казахстане появился ряд серьёзных исследований и обобщающих трудов по восточным, главным образом персоязычным, письменным источникам. – См., например: Тулибаева Ж.М. Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана: Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2003. – 50 с.; Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII – XVIII вв.: (Биобиблиографические обзоры). – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 426 с. и др.

14 Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник: (Заметки к постановке вопроса) // СА. – 1954. – XIX. – С.48.

произведений этого времени (создания памятника – Ю.Ё.) может дать археологу представление об общих тенденциях культуры, а также иногда и конкретно об архитектурных вкусах, художественных взглядах общества».¹⁵ Это сказано в отношении древнерусского зодчества, но в качестве общего положения справедливо и применимо к архитектурному наследию центральноазиатского региона. Хотя следует сказать, что здесь существует своя специфика, и она заключается даже не в отдельных различиях и деталях (которые, конечно «видны невооружённым глазом»), а во внутренней логике развития, законах формообразования, идейно-смысловом содержании памятников зодчества Центральной Азии. Эта грань обнаруживается уже при знакомстве с письменными источниками. Без их изучения зачастую невозможна реконструкция первоначального замысла, понимание концепции архитектурно-художественного строя памятника, генезиса и идеологии, его породившей.

Размах и величие строительства и архитектуры эпохи Тимура и тимуридов в Центральной Азии, несомненно, получили отражение в письменных источниках. Достаточно сказать, что именно в источниках зафиксирован тот острый интерес, который Тимур проявлял к архитектуре.¹⁶ Нередки и обстоятельные описания конкретных архитектурных сооружений, которые можно встретить у тимуридских историков и летописцев. И эта тенденция не ограничивается эпохой тимуридов, продолжаясь в сочинениях позднесредневековой историографии Центральной Азии. Но роль письменных источников в изучении архитектурного наследия средневековья недостаточно оценена и задействована из-за их малой изученности. На актуальность этой проблемы одним из первых обратил внимание В.В. Бартольд: «Необходим не перевод отдельных текстов, но связное историческое исследование по первоисточникам, только такое исследование могло бы выяснить истинное значение архитектурных и других терминов в данной местности и в данную эпоху. **Пока эта работа не выполнена, не может быть и научного описания построек эпохи Тимура и тимуридов**» (выделено нами – Ю.Ё.).¹⁷ Сам В.В. Бартольд в некоторых своих работах далеко перешагнул границы узко-источниковедческого, языковедческого толкования архитектурных терминов, встречающихся в персоязычных нарративных сочинениях, и близко подошёл к историко-архитектурному

15 Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник... С.73.

16 Лэмб Гарольд. Тамерлан: Правитель и полководец. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – С. 326.

17 Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С. 661.

анализу архитектурных сооружений. Особенно хорошо это видно, когда он обращается к мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави, как к знаковому памятнику эпохи Тимура. Из методологических посылок В.В. Бартольда мы для начала выделяем два аспекта, так или иначе связанных с информацией, заложенной в письменных источниках и важных для историографического изучения архитектурного памятника, – это ономастический аспект и вопросы типологической принадлежности памятника. Оба эти вопроса присутствуют уже в названии здания. Поскольку данная работа посвящена истории археологического и историко-архитектурного изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, т.е. она *историографического* плана, то должны быть оговорены термины и понятия, связанные с названием памятника, которое также будет выступать объектом и субъектом историографического анализа, так как оно в немалой степени отражает его назначение и сущность. Следовательно, анализ имени собственного (ИС) памятника имеет определённое значение для понимания его генезиса и архитектурного строя. Оба вопроса – ономастический и типологической классификации – проблематичны и дискуссионны. Мавзолей Ясави – памятник архитектуры. Первая составная часть ИС этого здания указывает на его функцию и типологическую принадлежность. Иными словами, *мавзолей* Ходжи Ахмеда Ясави – это совсем не то, что *мечеть* или *ханака* Ходжи Ахмеда Ясави. Неправильная трактовка подобных ИС приводила к длительным дискуссиям среди специалистов различного профиля – например, долго не могли разрешить вопрос о том, чем является Ишратхана в Самарканде – *дворцом* или *мавзолеем*.¹⁸ Эта проблема также должна стать предметом историографического анализа, ибо она проходит через всю историю изучения памятника, начиная с первых упоминаний его в письменных источниках.

Анализ имени собственного мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави имеет значение для понимания его генезиса и архитектурного строя.

Первая составная часть ИС этого здания указывает на его функцию и типологическую принадлежность. Именно по этому вопросу нет единого мнения ни в научно-популярной, ни в специальной литературе.¹⁹

Сначала обратимся к ИС святого, которым назван мавзолей – ***Ходжа Ахмед Ясави***. Как в дореволюционной, так и в современной литературе существует разноречивое в написании его имени (особенно нисбы). В печати

18 См.: Пугаченкова Г.А. И всё-таки мавзолей // САУ. – 1975. – №12. – С.10 – 13.

19 Ёлгин Ю.А. К проблеме изучения названий памятников культовой архитектуры Средней Азии и Казахстана // Язык и культура: Функционирование и взаимодействие: Материалы Международной конференции. – Шымкент, 2003. – С. 202 – 206.

впервые на варианты чтения и произношения имени и нисбы Ахмеда Ясави обратил внимание Х. Аргынбаев.²⁰ Эта проблема для археологической и архитектурной историографии имеет определённое значение, т.к. название связано с функцией архитектурного сооружения и его особенностями. Оно неотъемлемой частью входит в дефиницию объекта и выходит за рамки терминологии.

Имя святого построено по арабо-персидской антропонимической модели, принятой в Центральной Азии, ядром которой является **алам** – первичный и неотъемлемый компонент сложносоставного мусульманского имени, собственно личное имя, полученное при рождении (в данном случае – *Ахмад/Ахмед*).²¹

Этимология слова «ходжа» окончательно не выяснена. Оно несёт в себе многообразную и сложную семантическую нагрузку. **Ходжа** – персидское мужское имя, переводится как «*господин, хозяин*». Это один из эпитетов Пророка Мухаммада. Одно из его значений (собственно *ходжа*) не переводится. Под ним, вероятно, понимается звание.²² Слово «ходжа» перед основным именем (алам) указывало, что его носитель занимал определённое положение в мусульманском государстве.²³ Оно – неотъемлемый компонент имён духовенства в исламе. Это звание сливается с обиходным антропонимом «Ахмед» в качестве первой составляющей личного имени.

Имя Ясави в развёрнутой форме звучит как **Ходжа Ахмед ибн Ибрахим ибн Махмуд ибн Ифтихар ал-Ясави**, а в сокращённом варианте – «Ходжа Ахмед Ясави». В дореволюционной и современной литературе опущен **насаб** – тектоним, производный от **алам** с элементами **ибн/бинт** или **ибна (сын/дочь)**, обозначающий имя отца, деда, прадеда и т.д.²⁴

20 Нурмухаммедов Н.-Б. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. – Алма-Ата: Өнер, 1980. – 37 с., 75 л. илл. Написанный художником Н.-Б. Нурмухаммедовым, далёким от истории архитектуры, сопроводительный текст альбома не выдерживает никакой критики. Переиздание его в малом формате, как указано в аннотации, вызвано «дополнениями». Собственно, эти «дополнения» сводятся к дельным подстрочным примечаниям этнолога, авторитетного учёного Х. Аргынбаева. – См.: Архитектурный комплекс Ахмеда Ясави. – Изд. 2-е, доп. / [Автор текста Н.-Б. Нурмухаммедов]. – Алма-Ата: Өнер, 1988. – С. 65 (прим.), 68 (прим.).

21 Сикстулис Я.П., Матвеев В.В., Фролова О.Б., Амирьянц И.А., Родионов М.А. Арабы // Система личных имён у народов мира. – М.: Наука, ГРВЛ, 1986. – С.43.

22 Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – С.7, 33, 37, 265.

23 Гафуров А.Г. О сложносоставных антропонимах таджикского языка // Ономастика Средней Азии: [Сб. статей]. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С.167.

24 Сикстулис Я.П. и др. Арабы... С.49.

Одно из преданий выводит генеалогию Ясави из рода дочери Пророка Мухаммада Фатимы (ок. 605 – 633), бывшей замужем за двоюродным братом Мухаммада, четвёртым праведным халифом Али ибн-Абу Талибом (? – 661).²⁵ Предположение не лишено почвы в агиологическом отношении: на щёковой стене ниши северного портала мавзолея Ясави имеется надпись на персидском языке, содержащая информацию о семействе (*Ахл-и Байт*) пророка Мухаммада. А.К. Муминов сделал её перевод: «Правы выходцы дома Мухаммада – Али, Фатима и Хасан, Хусейн».²⁶ Однако его вывод, что семейство Мухаммада «не по линии предков Ходжа Ахмета Ясави», не согласуется с самим фактом размещения этой надписи у входа в усыпальницу святого.²⁷ Эпиграфика косвенно подтверждает, что Ахмед Ясави был *алидом* и его насаб был настолько длинным, что простирался до VII в. Не потому ли Дж. С. Тримингэм называет его насаб по начальному и по конечному слову имени: **Ахмед ибн Ибрахим ибн Али из Йаси**.²⁸ Этим подчёркивается обоснованность термина *ходжа* в качестве первого компонента имени святого и названия памятника, так как одно из семантических значений этого слова – обозначение потомков первых четырёх халифов или одного из них.²⁹

Большее значение, чем насаб, имеет **нисба**, обозначающая этническую, религиозную, политическую, социальную принадлежность, место рождения или проживания и т.д.³⁰ Нисба «Ясави» является непременным компонентом в названии мавзолея. Она подвергалась множественным морфологическим и фонетическим изменениям и интересна не только в ономастическом, но и в историографическом отношении. Но её объективная трактовка невозможна без привлечения письменных источников и данных исторической топонимии.

Кроме установившегося к XIX в. трёхсоставного имени *Ходжа Ахмед Ясави* известно ещё несколько «имён». Е. Берёзиков в одной из своих книг посвятил этому вопросу отдельную главу – «Одиннадцать имён святого Яссави».³¹ Это не имена собственные. Не назовёшь их и прозвищами, хотя

25 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типолит №2 Узполиграфтреста, 1930. – С.3 (прим.).

26 Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави: Книга-альбом / Авторы текста А.К. Муминов, С. Молдаканнагатулы, Б.С. Корганбек. – Алматы: «Эффект» ЖШС, 2009. – С.76, 77.

27 Там же. С.76.

28 Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С.58.

29 Рассудова Р.Я. Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С.120.

30 Гафуров А. Имя и история... С.5; Сикстулис Я.П. и др. Арабы... С.45.

31 Берёзиков Е. Святые лики Туркестана: Жизнеописания и легенды. – Ташкент: Каламак, 1992. – С.38 – 53.

они могли носить не только насмешливый оттенок – были и возвеличивающие прозвища.³² Их следует воспринимать как эпитеты, носящие возвышенно-сакральное значение. По Е. Березикову, Аллаху принадлежит 1001 такое имя, Пророку Мухаммаду – 600, святому Ясави – 11 (больше, чем у любого другого из мусульманских святых). Первые четыре имени будто бы присутствовали на круглой резной печати («мухур») из мавзолея Ясави.³³ Мы не берёмся утверждать, что это соответствует истине, поскольку на оттиске круглой печати из мавзолея Ясави, добытом А.А. Диваевым в 1895 г. и описанном П.Н. Ахмеровым, этих имён не содержится, здесь «...обозначены имена нескольких знаменитых в мусульманском мире шейхов, по имени Ахмед, начиная с самого Мухаммада».³⁴ Оттиск печати мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, но уже не дисковидной формы, а в виде десятилепестковой розетки, зарисованный Ч.Ч. Валихановым, включает аналогичный текст.

Остальные имена взяты из литературных произведений Ясави,³⁵ – известно, что только казанский «Диван» сочинений Ахмеда Ясави, состоящий из 149 хикматов, в 109 содержит упоминания различных «имён» автора.³⁶ Из этих имён в обиход вошло *Хазрет (Азрет) Султан*. Под этим именем святой известен в народе, в дореволюционной литературе оно нередко входило в название памятника. Когда в 1989 г. был организован музей-заповедник мавзолея Ясави, он стал называться: «Государственный историко-архитектурный заповедник «Азрет-Султан».

Л.Ю. Маньковская сделала подборку разночтений в написании имени святого из дореволюционной и советской литературы, не каса-

32 Зинин С.Н. Из истории антропонимической терминологии // Антропонимика: [Сб. статей]. – М.: Наука, 1970. – С. 24 – 26; Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – С. 111.

33 Эти имена : *Султан Ходжа Ясави – Учитель, Ходжа Ахмед Кабир – Великий, Шайх Ахмед Ибрахим – Наставник, Шайх Ахмед Исхак – потомок сейида Исхака*. – См.: Берёзиков Е. Святые лики Туркестана... С.38.

34 Ахмеров П.Н. Описание печати Ахмеда Ясави // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1896. – Т.ХIII. – Вып. 6. – С. 531 – 533.

35 Эти имена (по Е. Берёзикову): *Кул Ахмед Ходжа – Раб Бога, Ходжа Ахмед Ясави – Ахмед из Ясс (?), Мискин Ахмед – Скромный, Ахмед ибн Ибрагим – Ахмед, сын Ибрагима, Кул Шариф Ахмед – Благородный раб Бога, Кул Гарип Ахмед Ходжа – Странствующий раб, Хазрет Султан – главное имя – Султан всех святых*. – См.: Берёзиков Е. Святые лики Туркестана... С. 38 – 39.

36 Боровков А.К. Очерки по истории узбекского языка: (Определение языка хикматов Ахмеда Ясеви) // СВ. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – V. – С. 231.

ясь письменных источников, турецких и западных изданий (не опубликована). Первым в ней стоит имя «Азрет-Султан» (или просто «Азрет»). По замечанию Л.Ю.Маньковской так именовался в дореволюционной литературе Ходжа Ахмед, его мавзолей и даже самый город Туркестан. Это именование употребляли А.Н. Северцев, П.И. Пашино, Н.А. Таранов, М.-С. Бекчурин, В.В. Верещагин. Тогда оно принимало форму *Газрет/Хазрет*.³⁷ Личное имя Ясави (лакаб) варьировалось незначительно, через передачу имального арабского произношения путём проникновения сперва в персидский язык, а затем через литературу (татарскую и узбекскую) – в казахский. Сказались общетюркские закономерности заимствующих языков, что не могло дать вариантов, кроме *Ахмад/Ахмед/Ахмет*. Произошло оглушение конечного взрывного согласного в казахском языке.³⁸

Наибольший разницей в написании нисбы Ходжа Ахмеда. «Ясави» писали В.Л. Вяткин, А.А. Калинин, Н.Г. Маллицкий, А.И. Добросмыслов, «Ясеви» – М.Е. Массон, Г.И. Пугаченкова, А.А. Семёнов, Л.И. Климович, А.Х. Маргулан, А.Ю. Якубовский, Б.Н. Засыпкин и др.

В форме «Иесеви» нисба встречается у А.М. Миронова, В.В. Бартольда. Ходжа Ахмеда П.П. Иванов называл «Ясавийским», А.Л. Кун – «Яссавий», Б.П. Денике – «Ессеви», Т.К. Басенов – «Яссави». Л.Ю. Маньковская приняла написание «Ясеви», заметив при том: «В настоящее время устанавливается более правильная транскрипция «Ахмад Яссави».³⁹ Против этого есть возражения, они основываются на топонимии нарративных персидских сочинений. В последних переводах на русский язык из них название города даётся как «Йаси», а нисба Ходжи Ахмеда – «Йасави».

Первые переводы извлечений из сочинения Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме», где говорится о закладке мавзолея, начиная с первого, В.Л. Вяткина, 1906 г.,⁴⁰ (рукопись известна ориенталистам

37 Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса мавзолея Ахмеда Ясеви в городе Туркестане и вопросы его реставрации: Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. – Ташкент, 1963. (Машинопись) // ЦГА РУз., Ф 2810, Оп. 1, Д. 10, Л. 10 (прим.).

38 Старостин Б.А. О структуре и историческом развитии антропонимии арабского происхождения // Антропонимика. – М. : Наука, 1970. – С. 283.

39 Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса мавзолея Ахмеда Ясеви в городе Туркестане [диссертация]... Л. 10 (прим.).

40 В.В[яткин]/ Историческая справка [о мавзолее Ясави] // ТВ. – 1906. – №93 (Рукопись Йазди уже до того была известна по западным изданиям, где приводился рассказ о закладке мавзолея в Ясах).

с 1899 г.),⁴¹ не имеют единства в написании названия города, более того – все авторы, в том числе и владевшие персидским языком, вольно обращались с транскрипцией, в результате чего топоним *Йаси* почти нигде не назван так, как принято в современных публикациях. В переводе вакуфной грамоты, данной Тимуром мавзолею Ясави, сделанном А.А. Диваевым, нисба Ходжи Ахмеда и название памятника также даны в «неправильной» транскрипции, но при переиздании этой работы в Казахстане их написание приближено к «современным нормам».⁴²

Извлечения из «Зафар-наме» Али Йазди, касающиеся истории постройки комплекса Ходжа Ахмеда Ясави, не носили самостоятельного характера. Они включались в исторические заметки, историко-архитектурные очерки, предварительные штудии, предшествовавшие реставрациям, В.Л. Вяткиным, М.Е. Массоном, Н.М. Бачинским, Б.Н. Засыпкиным, Л.Ю. Маньковской (по её просьбе В.Д. Вороновский выполнил перевод двух отрывков из «Зафар-наме») и др.; фонетическому звучанию нисбы туркестанского шейха не придавалось принципиального значения.

В 1972 г. в Ташкенте издано факсимиле сочинения Шараф ад-Дина Али Йазди. До этого предпринимались попытки перевода этого труда на узбекский язык А. Насировым (1950, 1955, 1967 гг.).⁴³ Появилось и новое издание труда Шараф ад-Дина на узбекском языке. В нём транскрипция нисбы Ходжи Ахмеда приближается к оригиналу – *Йассави*.⁴⁴

В 1992 г. в журнале «Маскан» в серии «Архитектурные памятники в средневековых письменных источниках» были напечатаны извлечения из «Зафар-наме», рассказывающие о строительстве монументальных зданий в эпоху Тимура и тимуридов. Обширный отрывок повествует о закладке здания мавзолея Ходжа Ахмеда

41 Первое сообщение о «Зафар-наме» как о великолепном, украшенном миниатюрами экземпляре, сделано Н.Г. Маллицким на заседании Туркестанского кружка любителей археологии). – См.: Урунбаев А. Шараф ад-Дин Али Йезди и рукопись его труда *Зафар-наме* // Шараф ад-Дин Али Йезди. Зафар-наме (Книга побед). – Ташкент, 1972. – С. XXVIII.

42 Диваев А.А. Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета Ясави: (Пер. с перс.) // ТВ. – 1901. – №39, 41. Для сравнения: Если заглянуть в глубь истории Амира Тимура Гурагана и Туркестанской соборной мечети Ахмеда Йасави: Вакуф (Грамота) / Пер. с персидского Абубакира Диваева // Первые этнографы Казахстана / Авт. предисл. и сост. У. Жанибек. – Алматы: Білім, 2002. – С. 125 – 130.

43 Кылыев А. «Зафар-наме» как источник изучения истории средневекового Кыргызстана // Библиография. – 2005. – №2. – С. 102.

44 Шарафуддин Али Йаздий. Зафарнома. – Ташкент: Шарк, 1997. – 382 с. (уз. яз.)

Ясави.⁴⁵ Важно, что к этому времени «правильная» транскрипция *Йасы / Йаси / Йасави* уже присутствует в русских современных переводах персидских источников.

«Зафар-наме» Йазди не единственное сочинение, где говорится о мавзолее Ясави. В 1970-х гг. на русском языке издано другое средневековое сочинение, содержащее по-восточному цветистое и многоречивое описание мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Это «Михман-наме-йи Бухара» («Записки Бухарского гостя») Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфохани (1457/1458 – 1551).⁴⁶ Там так же фигурирует *Йаси*.

Под подзаголовком на полях рукописи «Михман-наме-йи Бухара», «Описание мечети в Йаси, которую велел построить его ханское величество»⁴⁷ Б.В. Лунин опубликовал отрывок из сочинения ибн Рузбихана. Это извлечение отличается от описания мавзолея в полном издании труда ибн Рузбихана.⁴⁸

Ойконим *Йаси* в публикациях сочинения Рузбихана занимает прочное место. Но так было не всегда. В конце 1950-х гг. «Михман-наме-йи Бухара» исследовал востоковед С.К. Ибрагимов. В его публикации название города даётся как *Яссы*.⁴⁹ Традиция оказалась сильнее фонетических новаций. Это не было столь уж большим заблуждением первых исследователей. Порождена она ориенталистами, блестяще владевшими восточными языками, первыми переводчиками отрывков из «Зафар-наме», начиная с В.Л. Вяткина, и даже В.В. Бартольда, придававшими вроде бы мало значения транскрипции ИС Ходжи Ахмеда Ясави и названию памятника. Это вызвало разнобой в их написании ещё в дореволюционной литературе. Путаницу усилило не критическое отношение к фольклорно-этнографическим данным, основывавшимся на опросах, устных преданиях, где искажения ИС случаются очень часто. Тем не менее, этот аспект изучения мавзолея Ясави также является объектом историографического обобщения, который может внести определённую

45 Некоторые сведения в «Зафар-наме» Йазди о строительстве монументальных зданий в Средней Азии в конце XIV – начале XV вв. / Выборка и перевод с персидского А. Урунбаева и Ш. Мусаева // Маскан. – 1992. – №2. – С.37 – 39.

46 ибн Рузбихан Исфохани, Фазлаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). – М.: Наука ГРВЛ, 1976. – С.141.

47 Так в оригинале, хотя известно, что Тимур не обладал ханским титулом.

48 «Записки Бухарского гостя» Фазлаллаха Исфохани (начало XVI в.) // История Узбекистана в источниках: Известия путешественников, географов и учёных XVI – первой пол. XIX в. / Сост. Б.В. Лунин. – Ташкент: Фан, 1988. – С.18 – 19.

49 Ибрагимов С.К. «Михман-намеи Бухара» Рузбихана как источник по истории Казахстана XV – XVI вв. // ТИАЭ АН КазССР. – 1960. – Т.8. – С.149 и след.

в дефиницию памятника. Несмотря на разноречивость в написании, рассматриваемое ИС оказалось в какой-то мере устойчивым.

Историографический подход к ИС святого и его мавзолея не ограничивается констатацией и учётом разночтений в их написании. Этот вопрос имеет глубокие и довольно разветвлённые корни. Для его прояснения могут привлекаться не только памятники тимуридской историографии, но и более поздние нарративные источники XV – XVIII вв.

Вопрос об этимологизации названия «Шавгар – Ясы – Туркестан» перед переводчиками и издателями источников не вставал. Серьёзное внимание ему уделили археологи. Е.А. Смагулов и Ф.П. Григорьев рассмотрели проблему с позиций источниковедения, с одной стороны, и применительно к конкретным археологическим исследованиям – с другой. Историко-лингвистический аспект (данные исторической топонимии) соотносятся ими с результатами археологических раскопок средневекового Туркестана и его округа.⁵⁰

Письменные источники IX – XI вв. свидетельствуют о существовании округа Шавгар с одноименным центром. В число подвластных городов входил Ясы – будущий центр округа. IX – X века были расцветом города Шавгара. Начиная с XII в. он исчезает со страниц историко-географической литературы, политический и экономический центр перемещается в г. Ясы.⁵¹

Этот город возник, по мнению К.М. Байпакова и Е.А. Смагулова, на остатках поселения племени ассиев-асланов, упоминавшихся ещё античными авторами (Страбон, Птолемей, Помпей Торг) в числе племён, сокрушивших во II в. до н. э. греко-бактрийское царство.⁵² Город, вероятно, получил своё название от одного из родоплеменных подразделений тюрков, возможно, огузов (IX в.). Это было, скорее всего, древнее тюркизированное племя *яссы* (*асы*), оно имело свой древний культовый центр в Ясы.⁵³ Впрочем, о происхождении топонима Яссы

50 Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Средневековый город Туркестан на страницах письменных источников // Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. – Алматы: Ғылым, 1998. – С.8 – 64. Ранее ими этот вопрос увязывался с основными этапами сложения некрополя средневекового Туркестана. – См.: Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Основные этапы формирования некрополя средневекового Туркестана: (К 1500-летию Туркестана). // Саясат. – 1996. – №2. – С.72 – 78.

51 Там же. С.13.

52 Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Древний Туркестан // Новости археологии. – 1997. – 1 (Январь – июнь). – С.67.

53 Там же.

от имен проясартстких племен **ятии (аланы-аорсы-осы)** высказывался ранее А.Н. Бернштам,⁵⁴ позже авторы монографии «Древний Отрар».⁵⁵

И хотя первые упоминания топонима *Ясы* относятся к более позднему времени, чем название Шавгар, оно, по убеждению археологов, относится к этнониму Ас (асии, асианны, отождествляемые с усунями китайских источников).

Движение племени асиев породило множество этнопонимов с основой на «ас», имеющих огромный ареал распространения. С ойконимом *Ясы* есть едва ли не прямые параллели с названиями городов даже на территории Румынии. Но, как утверждают Е.А. Смагулов и Ф.П. Григорьев, регионом древнего единства этого народа является Средняя Сырдарья, и здесь продолжали обитать его потомки, ассимилированные близкими им по культуре пришельцами.⁵⁶ Выводы археологов поддержала и частично дополнила В.Н. Попова, заметившая, что в основе названия *Ясы* мог лежать и гидроним.⁵⁷

Имеется и другая, на первый взгляд, оригинальная версия, выдвинутая Б.Т. Туякбаевой и А.Н. Проскуриным, происхождения названия города *Ясы* и ИС святого, по которой нужно: «...считать, что город назывался *Яссы* ещё до XII в., когда Ахмед Ясеви мог бы отсюда получить свою нисбу, нет оснований. Напротив, надо полагать, город получил название *Яссы* в связи с пребыванием в нём популярного шейха Ходжи Ахмеда Ясеви».⁵⁸ Но в таком случае откуда мог получить свою нисбу Ходжа Ахмед? По месту рождения его логично было бы называть *Испиджаби*. Авторы предположили: нисба *Ясави* якобы проистекает из названия 36-й Суры Корана «Яс» (ИС), применяемой при отпевании умерших, её мог читать *Ясави* как проповедник-миссионер ислама. Они замечают, что при этом нисба могла звучать как прозвище (логичней было бы наоборот. – Ю. Ё.). Они также допускают возможность получения такого прозвища ещё до прибытия проповедника в г. Туркестан (Шавгар).⁵⁹

54 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР: Сер. археологическая. 1949. – Вып. 2. – С.83.

55 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Л.Б. Древний Отрар: (Топография, стратегия, перспективы). – Алма-Ата: Наука, 1972. – С.187.

56 Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Средневековый город Туркестан на страницах письменных источников... С.19.

57 Попова В.Н. Шавгар – Ясы – Туркестан // Актуальные проблемы языкознания: Сб. научн. трудов. – Шымкент: МКТУ им. Ясави, 1998. – С.125.

58 Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К вопросу о возникновении суфийской ханакы в г. Туркестане // ВАН КазССР. – 1986. – №6. – С.67.

59 Там же.

Поскольку Ходжа Ахмед прибыл в Ясы (но не в Шавгар, как полагают Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин) из Бухары после завершения своего духовного образования под руководством Юсуфа Хамадани, то весьма сомнительно, что там он мог получить такое прозвище. Существует закон топонимического ряда. Множество топонимов с основой на *ас/яс* присутствуют на пространствах Евразии и отнюдь не обусловлены чьими-либо прозвищами. Версия Б.Т. Туякбаевой и А.Н. Проскурина выглядит не очень убедительной и с другой стороны, которую они полагали главной в своих построениях. В переводе Корана на русский язык, опубликованном Г.С. Саблуковым в 1907 г. в Казани, название 36-й Суры транскрибируется как *Ис*.⁶⁰ В оглавлении даётся пояснение: «Ис иже слово. Я син (стих 1)».⁶¹ В переводе И.Ю. Крачковского название 36-й Суры звучит как *Йа син*. В таком случае как должно писаться прозвище святого? Возможные варианты (если следовать рассматриваемой версии) – *Исави/Ясиनावи/Йасинави* (?). Однако это уже из области словесной эквилибристики...

Впервые топоним Ясы (Ясы=Асон) встречается в XIII веке, в описании путешествия Гетума I⁶², но существовал он уже в домонгольское время. Косвенное подтверждение тому – собственна сама нисба Ходжи Ахмеда – **Ясави**. Документальные свидетельства существования топонима Ясы в домонгольское время дают нам нумизматические источники. В.Н. Настич, изучая монеты отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, обнаружил чекан **Йасу** с именем Ануштегинида Мухаммада ибн Текеша. По его мнению, монеты были отчеканены около 1210 года, после взятия Отрара и подчинения им всего Парабского округа.⁶³ Эти монеты дают нам чтение топонима как **Йасу** и подтверждают существование населенного пункта в домонгольское время, находившегося в то время в тени Шавагара.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что пионеры ориенталистики заблуждались, трактуя название города как «Ясы». Налицо трансформация начальной фонемы по направлению «*йа – а – я*». Сказалась и местная фонетическая традиция искажения начальной транскрипции, вследствие чего появляется естественная фонетическая адаптация сло-

60 Коран [Перевод с арабского Г.С. Саблукова] / Третье издание. – Казань: Центральная типография, 1907. – С.823.

61 Там же. С.III.

62 Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С.88.

63 Настич В.Н. Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XII – XVII вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983. – С.144.

ва «*йа – а – я*» языком адаптера, не знавшего значения топонима. На этот счёт фольклорно-этнографические материалы доказывают, что было произношение *Ясы/Ясави*.

И все же, что лежит в основе топонима *Йасу*? Мы не разделяем точку зрения вышеназванных исследователей в отношении происхождения слова *Йасу* от этнонима или же гидронима *Ас*, чему противоречит собственно сам топоним, зафиксированный на монетах и письменных источниках как *Йасу* и отсутствие близ города Туркестана гидронима с аналогичным названием.

Что говорит на этот счет топонимика? При этимологии данного слова, в первую очередь, нужно учитывать принципы топонимического позитивизма, в основе которого есть отражения естественно-географических реалий называемого объекта. Тюркское *Язы* или же *Жазы (к)* имеет широкое распространение в топонимии Евразии в азербайджанском, туркменском, казахском, узбекском, татарском и др. тюркских языках, в значении «**равнина, широкий, просторный, поле, гладкий, степь**» и др.⁶⁴

Очевидно, в основе различных топонимов с элементом *Яз, Азы, Жаз* лежит глагол *Jaz* – «**стелить, разворачивать, расстилать, развязать**» и др. Сравним древнетюркское *Jazu* – «**ровное место, степь**».⁶⁵

Несомненно, объяснение значения слова *Йасу* нужно искать в тюркских языках, и в частности, в огузском, так как письменные источники свидетельствуют о расселении на территории Туркестанского оазиса племён огузов. В отношении этого Махмуд ал-Кашгари пишет, что Сыгнак, Карнак, Карачик являются огузскими городами.⁶⁶ Он же поясняет, что тюркское *Йазу* имеет значение – «открытое пространство» и *Йасу* – «что-либо широкое».⁶⁷ Сравним *йаз* – «развязывать» и *йас* – «распускать».⁶⁸ Очевидно, что в бытность огузов слово *Йасы* было названием естественно-географического объекта в значении «ровный, равнинный, расстилающий, расстилавшийся», по которому и получил имя собственное средневековый город. Иными словами, этимология слова *Йасу* имеет значение «равнина, степь», что полно-

64 Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – С. 206, 646.

65 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и материалы. – М. – Л., 1951. – С.387.

66 Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауезовой. Индексы составлены Р. Эмерсом. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. – С.438, 439, 450.

67 Там же. С.757.

68 Там же. С.787.

стью соответствует топографическим реалиям, где расположен данный населённый пункт.

Мы в данной работе, как и в предыдущих публикациях, используем написание **Ясы – Ясави**.⁶⁹ В этой форме название адаптировалось в русском языке. В.Н. Попова поддержала эту точку зрения: «На наш взгляд, следует придерживаться частотности употребления и установившихся в наше время форм, то есть писать город *Ясы*, а имя святого проповедника Ходжа Ахмед Ясави».⁷⁰ Но, как видим, частотность употребления этого названия имеет глубокие этимологические корни.

Также спорен вопрос о первой составляющей названия памятника. На первый взгляд, он относится к типологической классификации памятников культового зодчества Центральной Азии. Но, входя в ИС памятника архитектуры, приобретает значение и в ономастическом аспекте. Эта проблема также находит своё отражение в письменных источниках XV – XIX вв.

Разнойой не только в написании ИС святого, но и в определении сооружения, посвящённого его памяти. Если транскрипция ИС святого поддаётся унификации на основе исторических данных, то определение сооружения требует дополнительных подтверждений с привлечением археологических, исторических, источниковедческих, исламоведческих, архитектурных и других данных. Разночтения встречаются в письменных источниках, архивных материалах, в литературе. Мемориальное сооружение называли мечетью, мавзолеем, мечетью-мавзолеем, ханаккой-мавзолеем, мазаром, ханаккой и – более расплывчато – мемориальным комплексом. Объект изучения даже у одних и тех же авторов назывался по-разному.

Заблуждения первоначального этапа изучения памятника были так устойчивы, что даже Н.И. Веселовский и С.Г. Маллицкий, ближе других дореволюционных авторов подошедшие к профессиональному пониманию, безусловно, мемориального сооружения, продолжали называть его мечетью. Полемики не было, ибо как сами авторы, так читатели их трудов сознавали условность этого термина. Уже в 1910 г. А.Д. Калмыков объяснил эту ситуацию, показав, что под термином «мечеть» подразумевались и другие культовые здания ислама. Употребление термина объяснялось тем, что он «...удобен по своей общепонятности и общепринятости». Но также предлагалось «установить точную терминологию для детальной

69 Написание с двумя «с» – *Ясави* считаем неправильным морфологически и логически. В противном случае выходит, что Ходжа Ахмед мог получить нисбу по городу **Яссы** в Бессарабии.

70 Попова В.Н. Шавгар – Ясы – Туркестан... С.125.

разработки мусульманских древностей и специальных археологических исследований».⁷¹ Статья А.Д. Калмыкова – одна из первых попыток типологической классификации культовой архитектуры Центральной Азии. Однако инерция ещё такова, что А.Д. Калмыков в своей статье продолжает именовать памятник *мечетью*, оговариваясь: «Хотя дело идёт о мавзолее, но при нём был духовный персонал и нечто вроде медресе».⁷² И всё же этой статьёй вопрос о принадлежности туркестанского памятника функционально и типологически к типу мечетей снимался.

Несовершенство терминологии и понятийного аппарата зодчества Центральной Азии, и типологической классификации породила сложности в атрибуции памятников культовой архитектуры. Не миновали эти трудности исследователей мавзолея Ясави.

Ошибки в определении памятника не сводятся к синопсису различий, заблуждений, описок, а должны стать предметом анализа архитектурно-археологической историографии. В итоге они подходят к одному основному дискуссионному вопросу: чем является памятник в Туркестане – мавзолеем или ханака? Дискуссии по этому поводу не было, мнения носят априорный характер.

В дореволюционных публикациях он называется мечетью, мемориальный характер его подчёркивается наиболее компетентными авторами. С 1917 г. он чаще именуется мавзолеем. Однажды он назван ханака, с оговоркой: архитектор Н.Б. Бакланов, не вдаваясь в терминологические тонкости, назвал его: «мавзолей-хонако».⁷³

Усилиями отечественных археологов, архитекторов, искусствоведов, реставраторов создана впечатляющая картина эволюции многофункционального, многокамерного комплексного мемориального здания. В трудах (опубликованных и неопубликованных) М.Е. Массона, Н.М. Бачинского, Б.Н. Засыпкина, Т.Ш. Карумидзе, Г.А. Пугаченковой, И.Ф. Бородиной, Т.К. Басенова и др. мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави занимает видное место. Он воспринимается как завершающее звено в этой эволюции. «Скращение возникшего к концу XIV в. продольноосевого двухкамерного мавзолея с типом многокамерного центрального здания, – писала Л.Ю.Маньковская, – дало в синтезе великолепные мавзолей-комплексы, кульминацию развития многокамерного мавзолея

71 Калмыков А.Д. Мечеть: Основные вопросы среднеазиатской археологии // ПТ-КЛА. – 1910. – №14. – С.91.

72 Там же. С.101.

73 Бакланов Н.Б. Три сооружения Тимура // Труды Всероссийской Академии художеств. – М. – Л.: Государств. изд-во искусства, 1947. – С.61 – 64.

(мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, Доруссиодат)».⁷⁴ Определение памятника как мавзолея или мемориального комплексного здания вошло в обобщающие труды и справочные издания (Всеобщая история архитектуры, Всеобщая история искусств, История искусства народов СССР, Большая Советская энциклопедия и др.). Однако, без пересмотра сложившихся в истории архитектуры концепций, памятник, начиная с 1980-х гг., отдельные архитекторы, археологи стали называть *ханака*.

Первое (если не считать кратких замечаний Н.Б. Немцевой, опубликованных позднее) обоснование определения туркестанского памятника как ханака попыталась сформулировать в своих и совместных с А.Н. Проскуриным публикациях Б.Т. Туякбаева. Она исходила из правильной посылки, что функция как первичный формообразующий фактор архитектуры определяет характер объёмно-планировочной и художественно-декоративной композиции.⁷⁵ Но исходная и главная определяющая функция в *полифункциональном* сооружении выявлена недостаточно отчётливо и последовательно. Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин пишут, что «...правильно называть этот памятник ханаккой, термином, употребляемым для обозначения **странноприимных домов (монастырей) дервишей**» (выделено нами – Ю.Ё.).⁷⁶ При этом авторы сознают ограниченность и ошибочность термина «ханака», так как, по их же мнению, он не отражает в полной мере роли туркестанской постройки «как центра суфийского ордена ясавитов». Они пишут: «Думается, её следовало называть суфийским **храмом** (выделено нами – Ю.Ё.), но такого наименования на Среднем Востоке не было выработано».⁷⁷ Итак, ханака назван памятник не столько потому, что он соответствует функции странноприимного дома, но в большей степени из-за отсутствия подходящего термина для обозначения комплексного мемориального, новаторского по существу здания. Авторы в подтверждение своей концепции выдвигали аргументы, такие, как наличие функционально различных помещений, «...характерных именно для суфийской общины». В их числе джамаат-хана – центральный зал для собрания дервишей, усыпальница Ясави, мечеть, китапхана, ас-хана (халимхана) и ак-сарай (трактуются как залы для совещаний и диспу-

74 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – С.161.

75 Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясави. – Алма-Ата: Өнер, 1989. –С.8.

76 Туякбаева Б., Проскурин А. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханакки Ахмеда Ясави // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. –С.107.

77 Там же.

тов, но до этого воспринимались как дворцовые помещения), колодезная, а также «многочисленные худжры – комнаты для служителей ханака и паломников».⁷⁸

Перечисленные признаки спорны, так как встречаются в других культовых сооружениях, включая медресе и некоторые крупные мечети. Их объединяла такая же объёмно-пространственная композиция. Эволюцию, подобную туркестанскому памятнику, прошел ещё ряд мавзолеев Мавераннахра. В качестве примера можно назвать мавзолей Мухаммада Бошаро. В нём обнаруживаются все упоминаемые компоненты, но его не назвали ханака.

В историографии мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави остро стоит вопрос терминологии, связанный не только с ономастикой, но и со всем комплексом проблем, включающих генезис сооружения и его архитектурный строй. Означает ли это, что терминологическая запутанность неизбежна и непреодолима? Термин всегда обозначает какое-то понятие, но он не обязательно является его синонимом. Между термином и понятием непростой механизм взаимодействия. Историки отмечают, что «...в одних случаях понятия облакаются в лексическую оболочку термина, в других – нет».⁷⁹ В.В. Бартольд приводит примеры, когда иногда в письменных источниках смешивались понятия ханака и медресе).⁸⁰

В связи с вышесказанным имеет смысл рассмотреть бегло слово *ханака*, выдвигаемого в качестве *термина* для обозначения туркестанской постройки и происхождение которого, по нашему мнению, довольно далеко от существа рассматриваемого сооружения, с разных точек зрения – терминологической (ономастической) и понятийной (археологической и архитектуроведческой). Необходимо обратиться к этимологии этого слова. Апологеты данного термина в названии туркестанского памятника оставили его этимологию почти без внимания, несмотря на то, что ей посвящён ряд работ историков, востоковедов, исследователей суфизма. Очевидна его сложность и дискуссионность как на лингвистическом, так и научно-понятийном уровнях.⁸¹ Поэтому

78 Проскурин А.Н., Туякбаева Б.Т. Историко-архитектурное наследие г.Туркестана // Отан тарихы = Отечественная история. – 2000. – №3. – 4. – С.21.

79 Смоленский Н.И. Понятие и слово в языке историка // Новая и новейшая история. – 1982. – №2. – С.8.

80 Бартольд В.В. О погребении Тимура // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, 1964. – Т. II (2). – С.423 – 430.

81 См. прикнижную библиографию в работе Н.Б. Немцевой. – Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре: (К истории архитектурного комплекса). – Бухара, 2003. – С.201 – 205.

в некоторых работах оговаривается, что этимология термина «ханака» не вполне ясна.⁸²

В.В. Бартольд писал, что словом *ханках* обозначались обители суфиев или дервишей, и что «...в современном арабском произношении оно приняло форму *ханака*». Несмотря на то, что распространение архитектурного типа ханака шло с запада на восток, слово имеет «арийское происхождение».⁸³ Позднее в другой своей работе В.В. Бартольд замечает, что *ханака* есть согдийская форма персидского слова *хане (дом)*. Этим словом в домусульманском Согде называли келью отшельника буддийского и манихейского. Впоследствии оно было заимствовано мусульманскими дервишами.⁸⁴

Далее термин анализировался и уточнялся. Т.Х. Стародуб, подтверждая персидское происхождение слова «ханака», несколько детализирует его бытование – в Сирии в период тюркских династий XII – XIII вв. оно звучало как *ханках*, тюркское его звучание – *ханега*. В письменных источниках он известен с X в., возможно, существовал и ранее. Т.Х. Стародуб установлено: «Упоминания ханаки, как здания, определённо связанного с суфизмом, восходит ко 2-й половине XI в.»⁸⁵

В развитии средневековья термин означает обитель суфиев, странноприимный дом. Иногда его с персидского переводят как «место совместного проживания», где странники-мистики находили приют и пропитание и отправляли общие суфийские обряды.⁸⁶ Этимологические экскурсы дали какие-то результаты в плане ономастическом, но даже и в поздних исследованиях археологов и историков зодчества термин *ханака* не приобрёл полной определённости, так как, например, им обозначались и суфийская община, но не только здание, что вынуждает говорить об его универсальности, по мнению Н.Б. Немцевой, «на ранних этапах». Но он универсален, как она же уточняет, для разных религиозных течений, толков, еретических сект,⁸⁷ т.е. в плане мусульманской теологии, но весьма приблизителен в отношении архитектурной типологии и не может в полной мере свидетельствовать о полифункциональности ханака.

82 Стародуб Т.Х. Рибат и ханака: Термин и архитектурный тип // Архитектура и искусство Ближнего и Среднего Востока: Материалы конференции. – Баку: Элм, 1989. – С.45.

83 Бартольд В.В. О погребении Тимура... С.430.

84 Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Изд-во восточной литер., 1963. – Т.II (1). – С.216 – 217.

85 Стародуб Т.Х. Рибат и ханака... С.45.

86 Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре... С.45 – 46.

87 Там же. С.34, 46.0

Здесь наступает момент перейти к сути предмета, т.е. к **понятию**. Обращение к этимологии термина «ханака» не напрасно, т.к. среди специалистов по научной терминологии устоялось мнение, что «определение термина» есть по существу определение понятия.⁸⁸

Понятие «ханака» не может существовать изолированно от других понятий, оно входит в систему понятий, представленных такой научной отраслью, как история центральноазиатского зодчества, с её закономерностями и логикой внутреннего развития. Понятие имеет присущее ему конкретное значение и место в общей системе. Изначальное его звучание – *дом, келья*, позднее – *обитель, странноприимный дом*. В этом смысле должны восприниматься ханака функционально и архитектурно.

Определение понятия ханака не менее сложно, чем этимологизация термина, его обозначающего. Наверное, следует оговориться, что слову «ханака» в большинстве случаев пока придаётся достаточно условное значение. Требования, предъявляемые к термину (в том числе и к архитектурному), совершенно определённые – он не нуждается в контексте, однозначен в пределах системы, стилистически нейтрален, легко образует производные формы.⁸⁹ Рассматриваемое слово не всегда и не во всём отвечает этим требованиям. Понятие характеризуется набором определённых признаков, присущих конкретному предмету или явлению. И хотя термин – прежде всего слово, но объяснение его значения, по утверждению А.А. Реформатского, – акт внелингвистический.⁹⁰ Объяснять его следует, оперируя категориями истории зодчества, с позиций научных понятий, которые, в свою очередь, прочно связаны с системой лексической. Установление полной адекватности значения и понятия в данном случае вряд ли возможно, ибо научное понятие шире, чем значение слова. И всё же рамки, обусловленные развитием системы понятий в истории архитектуры, должны быть очерчены. Понятие должно быть максимально точным.

Каким же образом слово «ханака» соотносится с термилируемым понятием? Механизм их взаимодействия выглядит по-разному с позиций различных научных дисциплин. Отечественное исламоведение советской поры вообще не делало разницы между *ханака* и *завия (завийа)*, считая

88 Климовицкий Я.А. Термин и обусловленность определения понятий в системе // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С.107.

89 Барутчева Е.А. Из истории нескольких заимствованных архитектурных терминов // Русский язык в школе, – 1990. – №5. – С.91.

90 Реформатский А.А. Термин как член лингвистической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. – М.: Наука, 1968. – С.119, 121.

термины синонимами и объединяя оба понятия, которые, конечно, имеют различия.⁹¹ Они лучше различимы, если на них взглянуть с точки зрения типологической классификации центральноазиатской архитектуры. И здесь вопрос настолько сложен, что, на наш взгляд, на данное время сколько-нибудь удовлетворительного, исчерпывающего и однозначного понятия ханака не сформулировано. Авторы гипотез вынуждены оперировать терминами западного и восточного христианства (монастырь, келья, обитель и т.д.), выглядящими инородными по отношению к исламу. Наиболее близко к этимологизируемому термину понятие, предложенное Л.Ю. Маньковской. Ханака, по её мнению, – стационарное жилище монастырского типа. Этим её функция не ограничивалась. На неё наложили отпечаток структура, быт и деятельность дервишских орденов (суфийских братств). В ханака имелись мечеть и крупные обрядовые залы.⁹² Появление странноприимных домов для дервишей в Центральной Азии связано с развитием суфизма. Первоначально это были скромные обители. При ханака устраивалось захоронение её основателя – *пира* дервишского ордена и сооружался мавзолей, который, как считает Г.А. Пугаченкова, становился архитектурной доминантой всего ансамбля.⁹³

В конце 1990-х гг. появились различные толкования термина и понятия «ханака», то сужающегося до обозначения конкретного места или сооружения (ханака – площадь с примыкающими к ней уединёнными покоем паломников), то трактуемого весьма широко (ханака – культовый центр, суфийская община и даже – суфийский институт).⁹⁴

Ханака уже в XI – XII вв. как понятие в полной мере перестало соответствовать своему первоначальному термину.⁹⁵ По мнению Т.Х. Стародуб, ханака в эпоху развитого средневековья – городское сооружение, один из стационарных элементов города, наиболее популярных, благодаря функции странноприимного дома. Она считает, что «Лишь в поздний период (но не ранее конца XIV – XV вв.) ханака постепенно преобразуется в нежилое здание и в отдельных случаях становится элементом культовых ансамблей внегородских некрополей».⁹⁶

91 В словарях ханака определялась так же, что и завия. – См.: Завия // Ислам: Словарь атеиста. – М.: Политиздат, 1988. – С.76, 234.

92 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии... С.126, 127.

93 Пугаченкова Г.А. К архитектурной типологии среднеазиатских ханака // Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия: Проблемы взаимодействия культур в эпоху средневековья: Тезисы докладов конференции. – Л.,1972. – С.14.

94 Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре... С.16, 23, 24, 34.

95 Пугаченкова Г.А. К архитектурной типологии среднеазиатских ханака... С.14.

96 Стародуб Т.Х. Рибат и ханака... С.46.

Ханака в качестве суфийского института, как архитектурный тип, как термин и понятие, в него вкладываемое, появились в «классический» период развития суфизма (XI – XIII вв.), когда заканчивается формирование организационных структур этого течения в исламе.⁹⁷ Термин «ханака» не претерпел изменений лингвистических, происходила трансформация *понятия* ханака в роли суфийского института и как архитектурного сооружения. Понятие отходило от первоначального «эталона» термина, перерастало рамки его буквального значения, расширялось – ханака смешивались в ряду других многофункциональных культовых зданий. Выработанные к концу XIV в. планировочные схемы и приёмы нередко использовались применительно к различным функциям. Развитые архитектурно ханака и мавзолеевые комплексы имеют очень много общего в планировке и организации внутреннего пространства, в пластике архитектурных форм.⁹⁸

Очень скоро в Центральной Азии возник феномен, подобный греческому архитектурному ордеру или римской архитектурной ячейке – тип портално-купольного здания со стрельчатými арками, вводящий в заблуждение своим универсализмом. Он одинаково приемлем для мечетей, мавзолеев, ханака, медресе и гражданских сооружений. Границы между архитектурным (композиционным, планировочным) и функциональным типами размыты.⁹⁹

Ханака в эпоху Тимура превращаются в обширные сооружения.¹⁰⁰ Не указывается, чем план крупной ханака отличается от планировочной структуры других комплексов, в частности, мавзолеев. Конечно, «уединённые покои» (хильветы и худжры суфиев и паломников) входили в состав ханака, но они уже не всегда играли доминирующую роль в сооружении как в период «классического суфизма».

Ханака XIV – XVI вв. – портално-купольные сооружения (в отличие от ханака XI – XIII вв., с дворовой композицией плана). Назначение их иное, чем прежде – ритуалы, культовые радения, молитвы, диспуты, проведение встреч.¹⁰¹ Строго говоря, это уже не «*странноприимный дом*». В.В. Бартольд, ссылаясь на Н.И. Веселовского и В.Л. Вяткина, писал, что слово *ханака* утратило своё первоначальное значение. По

97 Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: Ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С.269; Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре... С.36.

98 Пугаченкова Г.А. К архитектурной типологии среднеазиатских ханака... С.15.

99 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии... С.6.

100 Пугаченкова Г.А. К архитектурной типологии среднеазиатских ханака... С.14.

101 Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре... С.49.

Н.И. Веселовскому, оно употреблялось в смысле «усыпальница святого лица» и противопоставлялось слову *мазар*; по мнению В.Л. Вяткина, под ханака понимали «...помещение первоначально в значении монастыря, а в описываемое время - в значении помещения для молитвы». В.В. Бартольд замечает: «Ни то, ни другое мнение не подтверждается свидетельствами источников».¹⁰²

В научной литературе ханака описаны религиозно-архитектурно, их структура разобрана по функциям (т.е. «понятийно»), нежели с позиций истории архитектуры. Дж.С. Тримингэм ханака описывает так. В центре её – двор (*ка'а* или *сахн*). По его обеим сторонам идёт крытая аркада (*ривак*) с комнатами (*халва* или *табак*, ед.ч. *табака*). Справа или слева – центральный зал, где сосредоточена общественная жизнь, и отправлялись совместные ритуалы. Почти всегда зал предельно простой. Обычно над михрабом – имя основателя ханака и изречение исповедания веры (*шахида*). Мечеть строилась отдельно, как и прочие помещения.¹⁰³ Эта «программа» ближе принципу архитектурной организации ханака, сформулированному Т.Х. Стародуб, учитывавшей типологию зодчества Центральной Азии. Но и здесь выделялся функциональный признак, акцент делался на «обязательном минимуме архитектурных единиц определённого назначения». В их числе – просторный купольный зал. Он мыслится по-иному – как планировочный (геометрический) и смысловой центр комплекса. Вокруг него группируются молельня, комната основателя ханака (место его погребения), небольшое помещение для речитации Корана, комнаты постоянно живущих суфиев и паломников, кухня, кладовые, туалеты.¹⁰⁴ Такова архитектурно-планировочная идея развитых ханака.

Если не вникать в существо вопроса, она как будто полностью отвечает архитектурному строю мавзолея Ясави. Это совпадение на умоглядном уровне, потому что ханака, похожих на мавзолей Ясави в архитектуре Центральной Азии, не выявлено ни археологически, ни по письменным источникам. Аналогом, ближайшим ему, с большим основанием выдвигался комплекс фамильной усыпальницы тимуридов в Шахрисябзе Дорус-Сиодат (1379 – 1404). Ханака он не являлся. Согласно запискам Бабура, Тимур в Шахрисябзе создал именно усыпальницу (макбарат). По этому поводу М.Е. Массон, прекрасно знавший оба памятника, писал (со слов Шараф ад-Дина Али Йазди): «Хазрет-Имам <...> представлял собой не мечеть, а

102 Бартольд В.В. О погребении Тимура... С.433.

103 Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе... С.141.

104 Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом... С.272 – 273.

сложный комплекс, подобный **мавзолею** (выделено нами – Ю.Ё.) Ходжа Ахмеда Ясевича в городе Туркестане».¹⁰⁵

Сходство видится не только в общих принципах. И мавзолей Ясевича, и Дорус-Сиодат были комплексными многокомнатными зданиями. И здесь ядром также служил обширный купольный зал, из которого можно было попасть в мечеть, усыпальницы, приённые и другие помещения. Главный фасад, так же, как и в туркестанском памятнике, представлял собой грандиозный портал, фланкированный на углах цилиндрическими башнями-гульдаста. План его также имеет сложное, но чёткое построение. Он графически реконструирован Г.А. Пугаченковой. По её версии, он поразительно напоминает функционально-планировочное решение мавзолея Ясевича как в общих чертах, так и в проработке отдельных планировочных узлов.¹⁰⁶ Основой для реконструкции послужили мавзолей Джехангира и остатки склепа Тимура вкуче со свидетельствами Шараф ад-Дина Али Йазди.¹⁰⁷ План Дорус-Сиодат (по Г.А. Пугаченковой) поразительно напоминает функционально-планировочное решение мавзолея Ясевича. По утверждению Г.А. Пугаченковой, пока в литературе не опровергнуто, первоначальный план здания Дорус-Сиодат «... был аналогичен планировке мавзолея Ясевича; квадратный центральный зал, за ним на главной оси – усыпальница Тимура, в боковых отделах мечеть, различные подсобные помещения. Существенным отличием было размещение по фронту двух больших усыпальниц, вкомпонованных в устой главного фасада. Последний являл собой род гигантского пештака (как и в Туркестане. – Ю.Ё.) с центральным сводчатым сводом, фланкированного мощными округлыми башнями на углах».¹⁰⁸

Речь идёт о прямой аналогии в планировочном решении. На сходство планов Дорус-Сиодат и мавзолея Ясевича указывали М.Е. Массон, Б.Н. Засыпкин.¹⁰⁹ При этом никто не настаивал на полном сходстве из-за различия в построении внешних архитектурных объёмов.

Дорус-Сиодат начат постройкой в 1379/1380 г., тогда как основной, тимуровский строительный период мавзолея Ясевича начинается

105 Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахриябз при Тимуре и тимуридах // ТСГУ. – 1953. – Вып. XLIX. – С.54, 59.

106 Пугаченкова Г.А. К вопросу о реконструкции ансамбля Доруссиодат, тимуридской усыпальницы в Шахриябзе // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. – М., 1950. – Вып. I. – С.58 – 72.

107 Там же. С.74 – 75.

108 Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана: (С древнейших времён до середины девятнадцатого века). – М.: Искусство, 1965. – С.277.

109 Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахриябз при Тимуре и тимуридах... С.51.

около 1389 г.¹¹⁰ Если первое здание в какой-то мере послужило образцом для второго, то оно было никак не ханака, а развитое мемориальное сооружение.

Это не единичный пример совпадения не «по идее», а на уровне конкретных и детализированных элементов. Имеется в виду мавзолей Гаухар-Шад в Герате, также графически реконструированный Г.А. Пугаченковой. Здесь с мавзолеем Ясави совпадает многое: принцип организации пространства, количество и конфигурация основных помещений, абрис основных членений плана интерьеров, вплоть до апсидального выступа, соответствующего северному portalу мавзолея Ясави.¹¹¹ Вероятнее всего предположить, что в ходе реконструкции были допущены некоторые натяжки, так как мавзолей есть единственный сохранившийся компонент в комплексе медресе Гаухар-Шад.¹¹² При медресе были библиотека, больница, шабистон, «дом приюта».¹¹³

Что это было за сооружение – мавзолей, медресе? М.Е. Массон упоминает о ханака. Но первоначально оно предназначалось для захоронения предполагавшегося к переносу из Мешхеда праха имама Реза. Позже при медресе похоронены Шахрух, Мухаммед Джучи, Абу-Саид, в том числе и сама Гаухар-Шад. Мавзолей входил в состав медресе, что явствует, как пишет М.Е. Массон, из текста Бабура. Бабур же утверждает, что это было именно медресе с мавзолеем.¹¹⁴ И по замыслу Гаухар-Шад, воплощённому зодчим Кавамеддином Ширази, в состав медресе должна была входить усыпальница гератских тимуридов.¹¹⁵

Итак, медресе, входившее в состав гератского ансамбля мусалля, имевшее много общего в принципе и частностях с комплексом мавзолея Ясави, не ханака и также имело значение многофункционального мемориального сооружения. Аналогичную структуру и состав помещений имели многие комплексные культовые здания Центральной Азии. Медресе Улугбека в Гиждуване (1433) включало двор, 16 худжр, вестибюль, дарсха-

110 Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса Ахмада Ясеви в г. Туркестане и вопросы его реставрации: Автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. – Ташкент, 1963. – С.8 – 9, 14.

111 Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век: Ведущие тенденции и черты. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1976. – Чертёж на с.88.

112 Пугаченкова Г.А. Зодчий Кавамеддин Ширази // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. – М., 1969. – С.28.

113 Мирбабаев А.К. К истории медресе Герата XV – XVI вв. // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С.129.

114 Массон М.Е. К исторической топографии Герата XV века // Великий узбекский поэт: Сб. статей. – Ташкент: АН УзССР, 1948. – С.133, 135.

115 Пугаченкова Г.А. Искусство Афганистана. – М.: Искусство, 1963. – С.153.

ну, мечеть. В комплексе с ним рассматривались минарет и мавзолей Ходжа Абдул-Халика.¹¹⁶ Мавзолей Шейх-Мухтар-Вали близ с. Остана (конец XIII – XIV вв.) - также комплексное здание, состоящее из гурханы, зиаратханы, малой и большой мечетей с примкнувшими к ним тремя мавзолеями; здесь же были худжры, кухня и др.¹¹⁷ И это также не ханака, невзирая на некоторые совпадения с предложенной функционально-планировочной схемой. Значит ли это, что сложившаяся к концу XIV в. архитектурно-планировочная идея настолько универсальна, что может соответствовать самым различным функциям? И лишь отношение к суфизму переводит такое сооружение в разряд ханака?

На какой почве могло произойти смешение понятий «ханака» и «мавзолей»? Возможны возражения, что как поздние ханака не во всём отвечают первоначальному термину, так и мавзолей Ясави в буквальном смысле слова им не является. Действительно, оттенок условности в первой части ИС памятника улавливается. Термин, пришедший из античности (IV в. до н.э.), образованный от имени карийского царя Мавсола, стал нарицательным словом. Им называли всякое монументальное надгробное сооружение. Наложился он и на мемориальные здания арабского Востока и Центральной Азии, хотя существовали исконные термины, в частности, *мазар*. Последний не отражал в полной мере понятия, вкладываемого в это слово. Составители позднейших архитектурных словарей ошибочно отождествляют мазар и мемориально-культурное здание над захоронением.¹¹⁸ На самом деле слово «мазар» обозначает *святое место* и вовсе не обязательно захоронение и архитектурное сооружение над ним. Таким образом, предпочтительней слово «мавзолей», несмотря на его «инородность».

При пересмотре атрибуции мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави во главу угла ставился функциональный фактор и наличие захоронения пира суфийского ордена. Последнее – факт бесспорный, но остальные функциональные признаки можно трактовать по-разному. Например, утверждение, что худжры в мавзолее Ясави многочисленны (что присуще ханака), преувеличено. Худжрами в мавзолее Ясави можно считать ком-

116 Пугаченкова Г.А. Средняя Азия: Справочник-путеводитель: (Памятники искусства Советского Союза). – М.: Искусство, 1983. – С.404.

117 Там же. С.415. См. также: Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана... С.254, 255, Рис.64.

118 См., например: Лазарев А.Г., Лазарев А.А., Кудинова Е.А. Справочник архитектора. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – С.247. Сам же термин «мавзолей» не раскрыт совершенно, он трактуется как «сооружение для захоронения знатных граждан» (Там же. С.235). Нет, собственно говоря, разъяснения термина и понятия «мавзолей» в широком смысле слова, словари и справочники здесь явно недостаточны.

наты, непосредственно примыкающие к казандыку. Функции худжр приписывают небольшим помещениям,¹¹⁹ своего рода полым пространствам в массиве южного портала и на втором этаже здания, призванным конструктивно облегчить массив кирпичной кладки и гасить распор больших сводов и арок. Примеры, когда разным помещениям приписывается «суфийский» характер, можно продолжить. При этом эволюция архитектурного типа мавзолеевых комплексов отходит на второй план. Многие исследователи считали мавзолей Ясави завершающим этапом в этом процессе. Более того, этот памятник служил ключом к пониманию многих явлений в зодчестве Центральной Азии, и пересмотр его функциональной принадлежности может привести к искажению большого этапа в его истории.

В структуре и силуэте мавзолея Ясави акцентированы три основные части: громада пештака, казандык и гурхана. Эти объёмы составляют главную продольную ось всего сооружения, подчиняя себе остальные помещения, функциональное значение которых намеренно оттеняется, чтобы представить здание в качестве ханака. Между тем расположение главных помещений глубоко традиционно для Центральной Азии как домонгольской поры, так и для первой пол. XIV в.

В основе туркестанского памятника лежит схема двухкамерного мавзолея (гурхана и зиаратхана на одной продольной оси) с сильно развитым порталом. Если мысленно убрать боковые второстепенные помещения мавзолея Ясави, получится мавзолей с зиаратханой, подобный по планировке мавзолеям Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре (XIII – XIV вв.), Алауддина в Хиве (XIV в.) или усложнённым вариантам этой композиции – мавзолеям Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче (XIV в.), Мухаммеда Бошаро в горном Таджикистане (1342/1343) и др. Тема продольно-осевой композиции в мавзолее Ясави звучит достаточно ясно и убедительно. Дальнейшее развитие этой схемы привело к появлению сложных по структуре мавзолеевых комплексов.¹²⁰ В этом свете гипотезы Б.Н. Засыпкина и Н.Б. Бакланова о связи мавзолея Ясави с дворцовым комплексом Кырк-Кыз (XI в.) выглядят несколько иначе. Разумеется, этот загородный дворец или замок не мог послужить в прямом смысле прототипом туркестанскому мавзолею. Речь идёт о плодотворном синтезе двух архитектурно-планировочных идей. Л.Ю. Маньковская сформулировала это так: «Скращение возникшего к концу XIV в. продольноосевого двухкамерного мавзолея с типом много-

119 Проскурин А.Н., Туякбаева Б.Т. Историко-архитектурное наследие г.Туркестана... С.21.

120 Бородина И.Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X – XV вв. // АН. – 1974. – Вып.22. – С.124.

камерного центрического здания (ханака, кёшк) дало в синтезе велико-лепные мавзолеи-комплексы, кульминацию развития многокамерного мавзолея (мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, Доруссиодат)». ¹²¹ Здание мавзолея Ясави замыкает собой линию развития архитектурного типа, который в силу своей завершенности и уникальности не получил дальнейшего движения.

Архитектурно туркестанский памятник – мемориальное сооружение. Подтвердить это можно многими фактами. Главное в том, что история архитектуры – логически обоснованная система, с присущими ей закономерностями. Исключение из неё одного из звеньев или отдельных объектов может привести к разрушению самой системы и нарушению принципа историзма. Перевод комплексных мавзолеев в разряд ханака возникает по причине универсализма композиционных схем в архитектуре Центральной Азии, способных обслуживать различные функции. Атрибуции памятника архитектуры «по формам» и стилю бывает недостаточно. Поэтому ошибки закономерны, избежать их могут помочь археологические исследования и изучение письменных источников.

Утверждение, что туркестанский памятник – ханака, появилось в наши дни. Исторические источники той эпохи, продуктом которой является мавзолей Ясави, этого не подтверждают (хотя и не опровергают определённо). Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин, выдвинувшие гипотезу о ханака Ясави, приводят сделанные Л.Ю. Маньковской выписки из «Зафар-наме», где памятник называется «строение того благословенного мазара», просто «постройкой» («А постройка основательная заложена»), упоминается «перестройка мазара». ¹²²

Не во всех позднесредневековых письменных источниках памятник назван правильно (издержки перевода?).

Переводы извлечений из сочинения Али Йазди могут дать много для понимания функциональной и типологической принадлежности памятника.

В первом из них, В.Л. Вяткина, говорится о том, что Тимур приказал о сооружении «...здания над тем благословенным мазаром». ¹²³ Компетентный в изучении персоязычных источников А.А. Семёнов позд-

121 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии... С.161. На рис.16 показана трансформация типов здания на основе скрещения структур: а) продольно-осевого мавзолея-комплекса Шейх-Мухтар-Вали; б) центрического многокамерного дворца (замка) Кырк-Кыз.

122 Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К истории строительства ханакки Ходжи Ахмеда Ясеви... С.66.

123 Вяткин В.Л. Историческая справка // ТВ. – 1906. – №93.

нее писал: «В имеющейся у меня рукописи [«Зафар-наме»] (без даты, по-видимому, начала XVIII в.) это место читается так: «Он (Тимур) соизволил отдать высочайший указ о сооружении здания того благословенного мазара (выделено нами – Ю.Ё.), почему положил основание куполу <...>» (и т.д.).¹²⁴ Чем может быть «здание благочестивого мазара», как не мавзолеем?

В переведённых на русский язык отрывках из «Зафар-наме», где подробно рассказывается о закладке здания над могилой Ясави, нет точного определения самому сооружению. Не значит ли это, что оно было сооружением нового типа, которому в то время не были найдены адекватные понятие и термин?

В 1991 г. в журнале «Маскан» были напечатаны извлечения из «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди о строительстве монументальных зданий. Перевод листа 2946 самаркандского списка озаглавлен так: «О строительстве мавзолея шейха Ахмеда Йасави». ¹²⁵ В нём говорится: «Он [Тимур] повелел построить над его могилой величественное здание». ¹²⁶ Не рядом с могилой, как положено ханака, не вокруг, а над нею. В отрывке из тегеранского издания перевод этого места звучит чуть иначе: «...заложили основу величественного здания». ¹²⁷ Это не отличается от переводов В.Л. Вяткина, А.А. Семёнова и др. В переводе на узбекский язык с самаркандского списка «Зафар-наме» туркестанский памятник также называется «зданием» – *иморат* (т.е. архитектурным сооружением), тогда как «мавзолей» на узбекский переводится словом *макбара*. ¹²⁸

Мы касались нарративных источников. Но есть и документальные письменные свидетельства. Это переводы текста вакуфа, дарованного Тимуром мавзолю. Первый перевод опубликован во втором выпуске Протоколов Туркестанского кружка любителей археологии в 1897 г. ¹²⁹ Затем текст вакуфной грамоты Тимура в переводе А.А. Диваева появился в газете «Туркестанские Ведомости» в 1901 г. ¹³⁰ Подлинность этого

124 Семёнов А.А. Мечеть Ходжа Ахмеда Есевийского в г. Туркестане: Результаты осмотра в ноябре 1922 г. // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1926. – Вып. I. – С.121 – 130.

125 Некоторые сведения в «Зафар-наме» Йазди о строительстве монументальных зданий в Средней Азии в конце XIV – начале XV вв.: Выборка и перевод с перс. А. Урунбаева и Ш. Мусаева // Маскан. – 1992. – №2. – С.37.

126 Там же. С.38.

127 Там же. С.39.

128 Шарафуддин Али Йаздий. Зафарнома С.190..

129 Грамота Тамерлана, данная шейхам мечети Ахмеда Яссеви // ПТКЛА. – 1897. – №2. – С.1 – 4.

130 Диваев А.А. Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета Яссеви (пер. с перс.) // ТВ. – 1901. – №39, 41.

документа вызывает сомнения у некоторых исследователей.¹³¹ Везде памятник терминологически и понятийно не определён. Определения, которые можно здесь встретить: «*святое благословенное здание*», «*святейшая могила*», «*здание величайшего султана святых – Азрет Султана*».¹³² В другом месте этого документа памятник подаётся несколько в ином ракурсе: «Здание это должно служить для путников, идущих этим путём, необходимым местом их остановки – как бы местом, которое нельзя миновать путнику».¹³³ Это определение мало приближает сооружение к ханака как таковой, оно, скорее всего, указывает на него как на святыню и достопримечательность.

Несмотря на то, что в нарративных и документальных источниках рассматриваемый объект терминологического оформления не получил, все переводчики (начиная с В.Л. Вяткина) считали его мавзолеем (даже те, кто по инерции продолжал называть его мечетью). Западные авторы, со ссылками на письменные источники, также именовали сооружение гробницей или мавзолеем.¹³⁴ Одно из последних исследований персоязычных источников применительно к средневековой истории Казахстана выполнено Ж.М. Тулибаевой. Она также назвала комплекс в Туркестане мавзолеем.¹³⁵ Переводчики извлечений из письменных источников, возможно, независимо друг от друга, имея перед собой терминологически не определённое понятие, находили ему адекватный термин, исходя из контекста конкретного фрагмента сочинения и при этом оставались близки к истине.

5 июля 2003 г. Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО включил туркестанский памятник в Список Всемирного наследия под названием «Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави», что ещё раз подтвердило правильность выводов нашего критического анализа в рамках археолого-архитектурной историографии.

131 О.Д. Чехович считала подделку этой вакуфной грамоты установленным фактом. – См.: Собрание восточных актов Академии наук Узбекистана // Исторические записки. – 1948. – Т.26. – С.306 – 311.

132 Если заглянуть в глубь истории Амира Тимура Гурагана... С.125, 127, 129 и др.

133 Там же. С.128.

134 См., например: Тильман Нагель. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. – Ростов-н/Д: Феникс, 1997. – С.545, 634 (прим.).

135 Тулибаева Ж.М. Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII – XIX вв.: Автореферат дис. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2003. – С.7.

ГЛАВА II

ПРЕДЫСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА. XVIII ВЕК

До недавнего времени историю изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане начинали со второй половины 1860-х годов, хотя были известны и более ранние источники. Наиболее компетентный специалист по мавзолею Ходжа Ахмеда Ясави Л.Ю. Маньковская в библиографии в диссертации, посвящённой изучению и реставрации этого памятника, построенной по хронологическому принципу, первым называет сочинение П.И. Рычкова «Топография Оренбургской степи», увидевшее свет в 1762 г.¹ Оно содержит краткое описание г. Туркестана.² Здесь видна общая тенденция: многие ранние источники не несут конкретных данных о самом здании мавзолея, или только упоминают о нём, но ввиду их уникальности включаются исследователями в списки литературы. Субъективно некоторые из них «работают» на воссоздание исторического фона, на котором рельефнее выделяется изучаемый объект. Но есть в их числе и такие свидетельства, которые, несмотря на их скудость и отрывочность, полезны для археологов, реставраторов и помогают оживить историю памятника.

Тем не менее, в своей специальной историографической работе, оставшейся неопубликованной, Л.Ю. Маньковская начало изучения мавзолея Ясави относит ко второй пол. 1860-х гг. Это время, непосредственно последовавшее за присоединением юга Казахстана к Российской империи (1864 г.). Как бы противореча себе, перед этим

1 Маньковская Л.Ю. Исследования и реставрация памятника зодчества эпохи Тимура в г. Туркестане: Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения (II редакция, том 2-й).1963. 189 с. Машинопись // ЦГА РУз., Ф. Р2810, Оп.1, Д.10.

2 Рычков П.И. Топография Оренбургской степи. – СПб., 1762. –Ч.II. – С.73 – 76.

она пишет, что первое литературное описание памятника, сделанное Н.А. Северцевым, опубликовано в 1859 г.³

Мы не склонны рассматривать 1864-й год как незыблемый рубеж в историографии мавзолея. Публикации 1860-х, 1870-х и даже 1880-х гг. недалеки по содержанию и уровню от предшествующих десятилетий. Русская периодическая печать уже в 1850-е гг. даёт немало сведений о народах Центральной Азии и Казахстана. Есть данные и о мавзолее Ясави.⁴ Тогда же выходят в свет и более ранние литературные источники, созданные авторами в 1800 – 1830-х гг.⁵ После 1864 г. наблюдается количественный, но не качественный скачок в «исследованиях». Увеличение числа публикаций в периодике объясняется быстрым массовым притоком в Туркестанский край представителей просвещённой военной и чиновной прослойки, любознательных интеллигентов, число пишущих среди которых было традиционно велико (писали многие – от рядового переводчика до генерала).

Хронологические рамки изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави довольно размыты. Стоит придерживаться точки зрения М.Е. Массона, который начало истории *специального* археологического изучения Средней Азии, из каковой ещё не выделилась история архитектуры в качестве самостоятельной области знания, относит к середине XIX в.⁶

Но, как известно, любая история имеет свою предысторию. XVIII век (отчасти и предыдущее столетие) можно рассматривать как время, предшествующее изучению мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Тогда оно ещё не было *изучением* в полном смысле слова, *научным исследованием*, т.е. последовательным процессом развития знаний о данном предмете, не имело конкретных целей и системности, присущих научному знанию.

Следует учитывать и более ранние этапы. В.В. Бартольд начало востоковедных исследований в Средней Азии (следовательно, и в казахской Степи) относит ко времени завоевания Иваном Грозным Казани (1552 г.)

3 Маньковская Л.Ю. К истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане. Машинопись // ЦГА РУз., Ф. Р2810, Оп.1, Д.15, Л.4.

4 Кереева-Канафиева К. Дореволюционная печать о Казахстане: Из истории русско-казахских литературных связей. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1963. – С.104.

5 Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати // Туран – Туркестан: Проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 23 – 24 ноября 2006 года. – Туркестан, 2006. – С.171 – 172.

6 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды Среднеазиатского Государственного университета (Далее: САГУ): Новая серия. – Ташкент, 1956. – Вып. LXXXI: Исторические науки. – Кн.12. – С.9.

и Астрахани (1554 г.).⁷ Свой след оставил средневековый период, хотя он не очень богат фактическим материалом, и к тому же был прерван после событий в Персии и смут в Золотой Орде, последовавших за смертью хана Джанибека (1359 г.), вследствие чего доступ европейцев в Центральную Азию прекратился.⁸

После завоевания Казани и Астрахани начинается сближение России со среднеазиатскими ханствами. Следует обмен посольствами. Источники XVI в. ограничиваются единичными упоминаниями г. Туркестана. Самое раннее из них содержится в «Книге Большому чертежу», одном из ранних русских географических трудов.⁹ Достоверно известная его редакция составлена в 1627 г. в Разрядном Приказе, но писать его начали по указанию Ивана Грозного после 1552 г.

В XVII в. связи между Москвой и Востоком ещё более оживляются. Налаживаются торгово-экономические и политические контакты. В их ходе накапливаются географические и этнографические сведения.¹⁰ Всё чаще через г. Туркестан следуют посольства из Москвы к среднеазиатским владетелям. В то же время город Туркестан, сделавшись столицей Казахского ханства, сам принимает московских посланников. Участники дипломатически миссий уже не ограничиваются одними упоминаниями города, появляются более или менее подробные его описания. В конце XVII в. небольшие характеристики Туркестана оставили Ф. Скибин (1694 – 1696 гг.)¹¹ и Ф. Трошин (1696 – 1697 гг.), посол к Тауке хану В. Кобяков (1695 г.).¹² С конца XVI в. Туркестан становится важным пунктом на путях транзитной торговли Москвы и Сибири со среднеазиатскими ханствами (конечные пункты Москва – Бухара и Тобольск – Бухара). Довольно подробное сообщение о г. Туркестане в конце XVII в. оставил тобольский татарин (надо полагать, купец) Тауш Мергень: *«...а город де Тургустан кладен необожжённм кирпичом, а в иных местах жжёный кирпич; в вышину тот город сажен три, в толщину аршина в два и сажень,¹³ а кругом*

7 Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.199 – 482.

8 Там же. С.277.

9 Книга Большому чертежу. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С.96.

10 Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён до 1917 года. – М.: Мысль, 1971. – С.91.

11 Княжецкая Е.А. Путешествие тобольского казака Фёдора Скибина в Казачью Орду в 1694 – 1696 гг. // Страны и народы Востока. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – Вып. XXII. – Кн.2. – С.66 – 73.

12 Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана – Алматы: Ғылым, 1999. – С.40, 42.

13 Речь идёт о городских стенах. – Прим. авт.

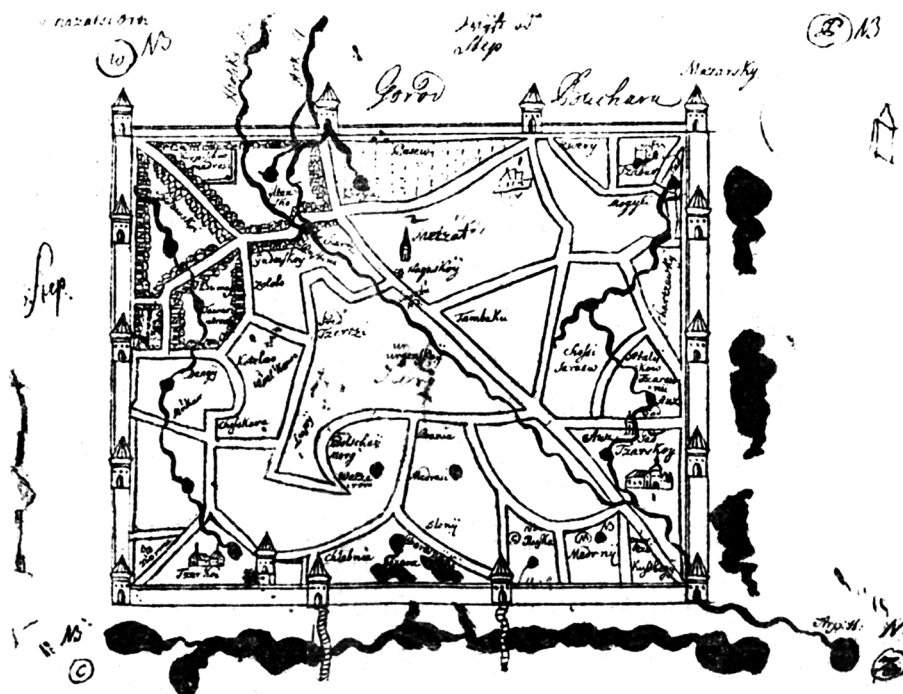
1. План города Туркестана из архива Д.Г. Мессершмидта

сажень с 500, и на стенах поделаны бойницы; да в том же городе башня, да четверо ворот проезжие, да казахов живёт в том городе... человек с 1000... Да в том же городе по их закону построена мечеть, а кругом того Тургустана города пролегла степь».¹⁴

Такие свидетельства единичны и приблизительны. На этот период всё же явно недостаточно письменных и иных источников, где непосредственно говорилось бы о строительстве, жилье, памятниках зодчества юга Казахстана и Средней Азии в целом.

Попытки пересмотреть процесс и итоги научного освоения Востока в сторону их «позитивизма» носят иногда характер натянутых идей и фактов. Утверждение, что изучение «мусульманского мира» уже в XVI – XVII вв. стало «**независимой академической областью со своей методологией и техническим языком**» (выделено мною. – Ю.Ё.) носит, скорее всего, декларативный характер, а появление кафедр «восточных исследований» в некоторых европейских университетах в

¹⁴ Дахшлейгер Г.Ф. Казахские ханства в XVI – XVII вв. // История Казахской ССР. – Алма-Ата, 1957. – Т.I. – С.172.

2. План города Бухары из архива Д.Г. Мессершмидта

конце XVII – нач. XVIII вв. было номинальным.¹⁵ И в XVIII в. отсутствие фактических, достоверных сведений искажает представление общественности о Востоке, а в научной среде царит предвзятое отношение к предмету исследования.¹⁶ Идёт всё тот же спонтанный, медленный, трудный процесс накопления материала.

Исследования XVIII в., как правило, носили всеобъемлющий, многосторонний, охватывающий различные области знания характер. Отправляющиеся в дальние продолжительные командировки на восток России первопроходцы были энциклопедистами или становились таковыми, сталкиваясь с многообразием новых впечатлений и обилием неизвестного материала.

Политика Петра I на Востоке, кроме военных, политических, экономических интересов, включала в себя непременно научное освоение ис-

15 Абиджанова Д.С. Маверауннахр эпохи правления Амира Темура в англоязычной историографии 60 – 90-х годов XX в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2001. – С.11.

16 Бартольд В.В. Изучение Востока в Европе и России... С.227.

следуемых земель. Самые ранние сохранившиеся правительственные документы, свидетельствующие о научных целях, относящиеся к петровскому времени, – это «Именной указ, данный подполковнику Бухгольцу на предмет завладения городком Еркети, поиска «золотого песка» на реке Дарье» (1714 г.) и «Об осмотре реки Амударьи и о приведении ханов Хивинского и Бухарского в русское подданство».¹⁷

Освоение восточных земель Пётр I полагал начать с изучения языков мусульманских народов. Первые меры в этом направлении В.В. Бартольд относит к 1716 году.¹⁸ Пётр I изменил обывательское враждебное отношение к мусульманам. В том же году по его личному указу с французского языка был переведён на русский Коран. Французский перевод осуществил востоковед Андре де Рувэ, французский консул в Константинополе и в Египте. Русский перевод с французского варианта сделал Пётр Посников.¹⁹

Внимание Петра I к истории и культуре Востока проявилось и в приобретении востоковедческих книг в Европе. Выходят указы о собирании и сохранении памятников материальной культуры восточных народов.²⁰ Сведения о кочевой Степи и среднеазиатских ханствах, добываемые в XVII – XVIII вв. по дипломатическим и торговым каналам, ещё отрывочны, бессистемны и недостаточны. Поэтому повышается роль косвенных источников, описывающих другие местности. В них также встречаются краткие, но ценные сведения о г. Туркестане.

Знания о среднеазиатских ханствах и юге Казахстана в XVIII в. были недостаточны, тем более в такой области, как культовая архитектура. Но это не было *абсолютным* неведением. Применительно к нашей теме: в библиотеке А.П. Ганнибала среди других книг по Востоку была «История Тамерлана», в собрании Я.В. Брюса – «История Тимурбека», «Житие великого Тамерлана», «История монголов». Интересовались Востоком и другие петровские сановники.²¹

Значительная часть данных по истории изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави сокрыта в недрах обширнейшей историографии взаимоотношений среднеазиатских ханств, Казахстана и России. Выявление из

17 Абдрахманов Б.А. Казахстан в материалах Полного собрания Законов Российской империи: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Усть-Каменогорск, 2002. – С.12.

18 Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т. IX: Работы по истории востоковедения. – С.29.

19 Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Ислам и Россия. – М.: Вече, – 2004. – С.224.

20 Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX века. – М.: Наука, 1978. – С.229.

21 Там же. С.230, 232.

неё интересующих нас фактов можно уподобить труду старателей, вымывающих драгоценные крупы из огромных гор песка. Но этот труд необходим, потому что не было специальных работ не только по истории архитектуры Центральной Азии, но и по археологии, этнографии и другим историческим дисциплинам.²²

Развитие востоковедных исследований в России в XVIII в. не было поступательным. В.В. Бартольд признавал, что меры Петра I по «насаждению научного востоковедения» имели мало успеха.²³ В наши дни это утверждение выглядит излишне категоричным. Предпринятые попытки не дали незамедлительно ожидаемого результата, но они оставили свой след в отечественном востоковедении. Нельзя не вспомнить одного из первых академиков учрежденной в 1724 г. Петром I Академии наук Г.З. Байера (1694 – 1738). Воспитанник Кёнигсбергского университета, он изучал восточные языки. В 1725 г. переселился в Санкт-Петербург, где занял кафедру по восточным древностям и языкам. Среди его трудов, написанных на латыни, сочинений по Востоку нет, но он занимался переводом «Родословного древа тюрков» Абу-л-Гази.²⁴

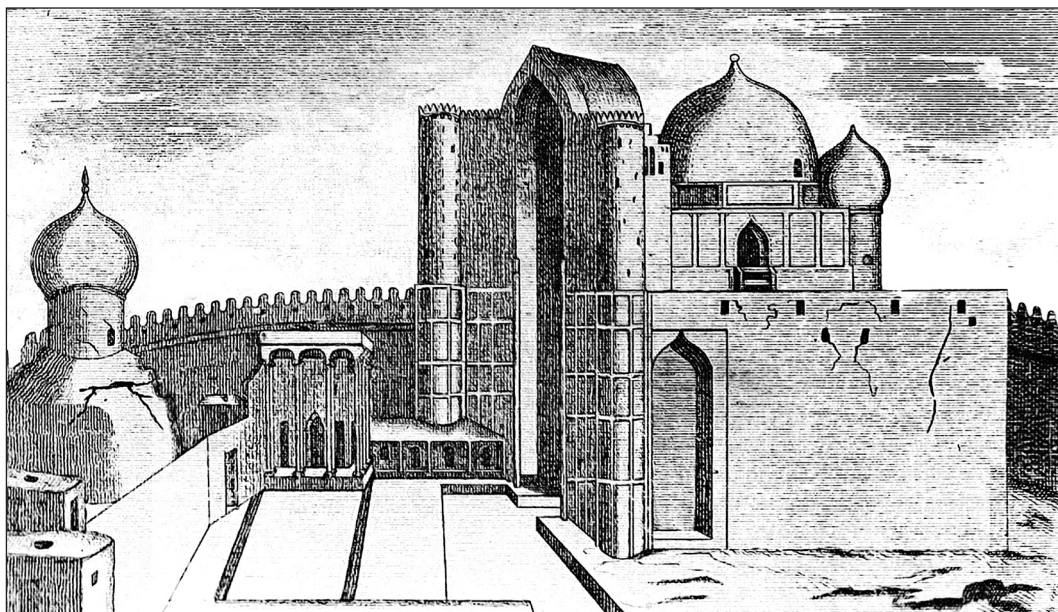
Востоковедом был Г.Я. Кер (1692 – 1740), также один из первых академиков Императорской Академии наук. Учёный широкого профиля, он изучал восточные языки в Галле. В 1732 г. по приглашению вице-канцлера графа А.И. Остермана, не чуждого интереса к Востоку, прибыл в Санкт-Петербург. Был назначен переводчиком с арабского, персидского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел с обязанностью обучать этим языкам русских юношей. Знаток Востока. Перевёл на немецкий язык сочинение Абу-л-Гази. Труды его остались в рукописях и хранятся в Московском архиве иностранных дел.

Для истории отечественного востоковедения более интересен составленный Кером на латинском языке (как почти все труды первых «академиков» – выходцев из немецких земель) проект «учреждения Восточной академии в Санкт-Петербурге» (Академии восточных наук и языков). Русский его перевод опубликован в Журнале Министерства народного просвещения только в 1850 г. В нём предусматривалось не только обеспечение дипломатических миссий переводчиками, но ставились также научные цели – изучение восточных источников, проливающих

22 Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати... С.171.

23 Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.29, 34, 40.

24 Кумеков Б., Султанов Т. Вклад русских и советских учёных-востоковедов в изучение средневековой истории Казахстана // ИАН КазССР: Сер. общественных наук. – 1974. – №2. – С.14.

3. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рисунок из «Военного сборника». 1866 г.

свет на историю России. Эта идея была близка М.В. Ломоносову, в плане его рабочих проектов значилась «Ориентальная академия», более того – он изъявил желание принять участие в «Оренбургской экспедиции», возглавляемой И.К. Кирилловым. Однако эти намерения не осуществились.²⁵

Нельзя сказать, что первые меры и начинания носили заведомо декларативный характер. Определённые сдвиги в этом направлении были, но для полной их реализации не имелось в то время возможностей, главным образом из-за отсутствия специалистов-востоковедов.

В Академии наук после 1740 г. не было ориенталистов. Основанный Петром I в 1724 г. при ней Санкт-Петербургский университет, несмотря на то, что его первым ректором в 1747 – 1750-х гг. был Г.Ф. Миллер, не стал востоковедным центром. Таковым он будет после переезда в 1852 – 1854 гг. в Петербург Восточного факультета из Казанского университета. Не было востоковедов и в открывшемся в 1755 г. Московском университете.²⁶ На этом фоне преувеличенным выглядит утверждение, что к концу 1740-х гг. складывается русская востоковедная школа.²⁷

25 Кумеков Б., Султанов Т. Вклад русских и советских учёных-востоковедов в изучение средневековой истории Казахстана... С.14.

26 Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.29, 34, 40.

27 Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки... С.210.

Это официальная линия, связанная со становлением государственных научных учреждений. Однако ещё шла работа на периферии, непосредственно на местах, часто незаметная, проводимая отдельными энтузиастами.

Укажем на один важный момент. Мы ищем сведения о памятнике архитектуры в источниках, далёких от архитектуры, даже таких, как естественные науки, потому что востоковедение и история архитектуры ещё не соприкасаются. Знание о зодчестве в России стало наукой только в конце столетия. Художественная среда и общество XVIII века в целом отвергали наследие средневековья.²⁸ Это касается древнерусского и даже европейского зодчества. Представления о восточном зодчестве, как и о Востоке в целом, были ещё более фантастичны. И всё же. В начале XVIII в. древние здания начинают рассматриваться как достояние прошлого. Рождается и входит в обиход понятие «памятник».²⁹ Собиратели сведений о городах и зданиях подходят к этому интуитивно. Идёт медленная работа по накоплению базы данных, которые станут отправной точкой в дальнейших исследованиях.

Недостатки петровского периода востоковедения закономерны. Но, по мнению академика В.И. Вернадского, «весь XVIII век в значительной мере явился развитием заданий» Петра I по освоению Азиатской России.³⁰ Петровское время оставило нам документ, который можно считать одной из точек отсчёта в изучении мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (если не считать описания памятника в позднесредневековых персоязычных нарративных сочинениях). Это графический лист с изображением планов городов Туркестана, Бухары и Урги из материалов Сибирской экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Документ имеет важное значение уже хотя бы потому, что более ранние (и поздние тоже) упоминания г. Туркестана носили сопутствующий и косвенный характер, тогда как план из бумаг Д.Г. Мессершмидта, несмотря на его условность, нагляден и конкретен.

Семилетнее путешествие Мессершмидта – первая научная экспедиция в Сибирь и на Восток в целом по инициативе русского правительства. По своим результатам она имела колоссальное значение, как в естественнонаучном отношении, так и для многих областей гуманитарной науки.

28 Славина Т.А. Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX века. – Л.: Изд-во ЛГУ.1989. – С.4, 14 – 16.

29 Там же. С.27.

30 Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука,1988. – С.28.

Даниэль (Даниил) Готлиб Мессершмидт (Шёнстрем), уроженец Данцига (1685 – 1735), доктор медицины, широко образованный учёный, обладал познаниями не только в естественных науках. В 1716 г. русское правительство заключило с Д.Г. Мессершмидтом контракт, по которому он обязался составить описание Сибири «не только в географическом и естественно-историческом, но и также в этнографическом, лингвистическом отношениях».³¹

Наследие экспедиции Мессершмидта (1720 – 1727 гг.) ещё долго будет привлекать внимание учёных различных специальностей. Сам учёный не имел возможности обнародовать свои результаты, связанный подпиской, взятой с него Медицинской канцелярией о том, что он ничего не будет публиковать из сибирских материалов.³² Ими пользовались (иногда совершенно беззастенчиво) его современники.

Богатейшая естественнонаучная коллекция, собранная Мессершмидтом, погибла при пожаре в Академии наук в 1747 г. Но сохранился обширный рукописный фонд, хранящийся в Санкт-Петербургском отделении АН Российской Федерации. В 1962 – 1968 гг. усилиями учёных СССР и ГДР в Берлине были опубликованы 4 тома материалов Мессершмидта на немецком языке.³³

Персоналия этого немецкого учёного на русской службе довольно обширна, начиная с трудов его спутника и помощника по экспедиции Ф. Страленберга, последователей Г.Ф. Миллера, Г.М. Гмелина, П.С. Палласа и кончая публикациями советских и немецких авторов 1980-х годов.³⁴

Экспедицию Мессершмидта оценили не только географы, геологи, ботаники, зоологи... Значение её для востоковедных исследований понимал В.В. Бартольд. В 1886 г. В.В. Радлов публикует извлечения из «Дневников» Мессершмидта, касающиеся археологии Сибири. Н.Ф. Катанов отметил этнографические изыскания Мессершмидта. Его имя вошло в 4-томную «Историю русской этнографии», изданную А.Н. Пыпиным в 1892 г. Известный историограф Сибири С.В. Бахрушин позднее также делает акцент на данных по географии, эт-

31 Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.30; Копанева Н.П. О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С.174 – 181.

32 Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии // Известия Сибирского отделения АН СССР: Сер. общественных наук. – 1977. – №6. – Вып.2. – С.133.

33 Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования... С.173; Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.139, прим.

34 Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.133 – 140.

нографии и археологии из дневников Мессершмидта. А.А. Андреев, крупнейший источниковед и археограф по XVII – XVIII вв., указал на то, что факты из истории, археологии, этнографии, лингвистики, источниковедения и др. рассеяны по многочисленным сообщениям Мессершмидта и не выявлены. Л.Р. Кызласов дал общую оценку усилиям Мессершмидта в области археологии, но и он считал, что археологический материал в его наследии не освоен.³⁵

В историографии трудов Мессершмидта гуманитарную сферу выделить относительно несложно. Но о Средней Азии, мусульманском Востоке напрямую не говорится. Сибирский учёный В.Г. Мирзоев, отмечая достижения Д.Г. Мессершмидта в археологии и этнографии, говорит о собранных им рукописях на арабском, персидском, китайском, татарском языках.³⁶ В 1720 г. Мессершмидт обнаружил и прислал в Петербург неизвестную рукопись «Родословного древа тюрков» Абу-л-Гази Бахадыр-хана (не с этого ли экземпляра делали переводы Г.З.Байер и Г.Я. Кер?). Библиотека экспедиции, значительная для своего времени, включала также востоковедные книги. После смерти Мессершмидта в 1735 г. Академия наук приобрела 170 его книг.³⁷

Востоковедное направление в экспедиции, спонтанное, скорее всего, не выявлено, но оно, как видим, было. Сам Д.Г. Мессершмидт знал восточные языки. Может быть, благодаря этому не канул в безвестность план города Туркестана, стоящего далеко в стороне от маршрутов его экспедиции.

Как план Туркестана мог попасть к Мессершмидту?

В 1985 г. учёный из бывшей ГДР Бурхардт Брентъес публикует планы городов Бухары и Туркестана с краткими комментариями, где осторожно предполагает, что Мессершмидт во время Сибирской экспедиции мог посетить Туркестан (но не Бухару).³⁸ Предположение более чем шаткое. Маршруты экспедиции Мессершмидта прослежены достаточно хорошо. Соликамск, Туринск, Тюмень, Тобольск, Барабинская степь, Абаканский острог, Енисейск, Иркутск, Нижняя Тунгуска, Чита, Нерчинск, Аргунские копи, Далай-Нор и др. Проехал он по р.Кеть до Нарыма на Оби и до Иртыша.³⁹ Логических объяснений тому, чтобы Мессершмидт отклонился от поставленных задач и отправился через казахские степи к Сырдарье, не находится. Нет и документальных подтверждений.

35 Там же. С.135 – 137.

36 Мирзоев В.Г. Историография Сибири XVIII в. – Кемерово, 1963. – С.16.

37 Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки... С.235 – 236; Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.134.

38 Брентъес Б. Планы городов Бухары и Туркестана XVIII в. // ОНУз. – 1985. – №6. – С.58.

39 Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования... С.173.

Мир средневекового Востока, несмотря на громадные расстояния между регионами, различия в климате, языковые и религиозные барьеры, был целостен, границы его были довольно условны. Сибирь и Среднеазиатское Междуречье – составляющие единого центрально-азиатского мира. В XVI – XVII вв. Сибирь и Бухара оказываются в одном историческом потоке. В 1563 г., известный по истории покорения Сибири Ермаком Кучум низложил и убил сибирского хана Едигера, уничтожил его окружение, занял город Кашлы (Искер, Сибирь) и сделался владельческим ханом над всеми землями по Иртышу и Тоболу.

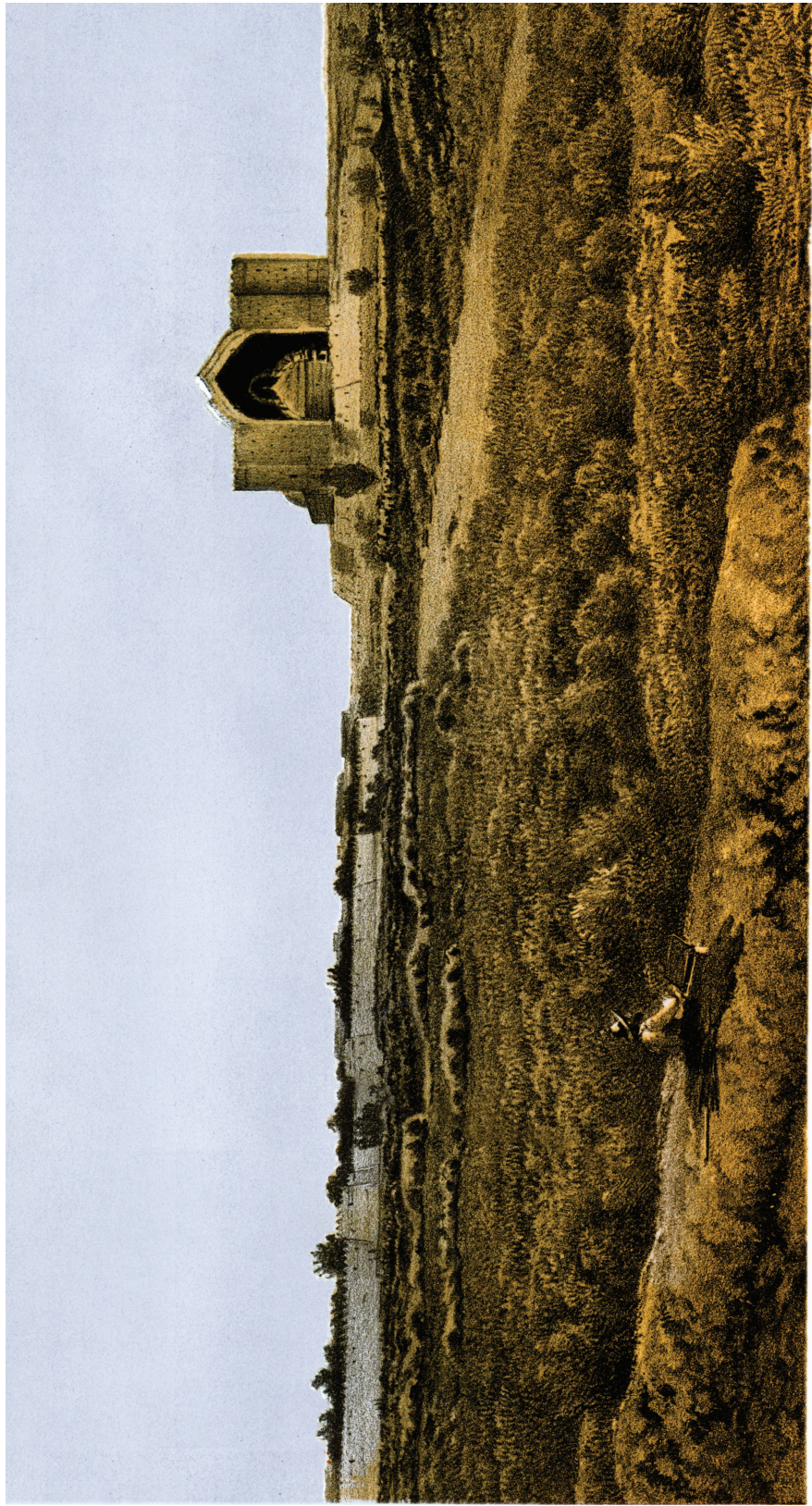
Есть сведения, что Кучум объявился в Сибири, бежав из Бухары от тамошних распрей, в которых играл неблагоприятную роль. Такую версию выдвинул модный ныне беллетрист, автор детективных романов и фантастики, популяризатор (а на деле фальсификатор) истории А. Бушков. В выражениях сей борзописец не стеснялся: Кучум, по его измышлению «...был натуральным *приблудышем*. В Сибирь он *припёрся* с отрядом верных джигитов из Бухары, где родился и обитал. По происхождению он, согласно азиатским (и не только) меркам, был достаточно знатным – потомок Чингисхана. Но в Бухаре он отчего-то не ужился, и лично у меня есть нешуточные подозрения, что из Средней Азии он потому и убрался с кучкой соратников, что изрядно там нагрешил и встал местным попёрёк горла (в дальнейшем появляются некоторые аргументы в пользу такой версии)».⁴⁰ Но гипотеза о происхождении Кучума из Бухары подвергалась серьёзному пересмотру ещё в XIX в. Н.М. Карамзин, П.И. Небольсин, Ч.Ч. Валиханов, А.И. Лёвшин считали его выходцем из казахских степей.⁴¹ Он принадлежал к старшей ветви династии шейбанидов, захватившей власть в Сибири. Его дед Ибак был ханом Тюмени и Большой Орды. Борьбу с Едигером Кучум вёл, опираясь на войско из узбекских, ногайских и башкирских отрядов. Связь Кучума с узбекской линией шейбанидов была прямой и прочной. Самый выдающийся представитель узбекских шейбанидов Абдулла ибн Искендер в 1557 г. завоевал Бухару и сделал её своей столицей. В 1582 – 1583 гг. он подчинил себе Ташкент и земли к северу от Сырдарьи, в том числе и Туркестан, которым владел до своей смерти в 1598 г. В 1583 г. он принял титул Абдулла-хана II.⁴²

Став 6-м ханом Сибири, Кучум принялся насаждать ислам среди сибирских языческих племён. При этом опирался на поддержку

40 Бушков А. Русская Америка: Слава и позор. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2004. – С.10 – 11.

41 Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы, 1996. – С.34.

42 Бартольд В.В. Абдулла б. Искендер // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, 1964. – Т.II (2). – С.487.

Дозволенс Цензурою.

Съ фотографіи М. К. Приорова.

ТУРКЕ СТАНЪ СЪ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ.

Янгор. Бекіера и К.

Абдулла-хана II, который трижды по его просьбе присылал с бухарскими всадниками шейхов и сейидов для проповеди ислама. Подтверждается непосредственная связь Кучума с присырдарьинскими городами. Одна из жён Кучума, Симбуле, мать его сына Каная, из знатного бухарского рода, переселилась в Сауран.⁴³ Мог ли Кучум бывать в Туркестане? Это остаётся в области догадок. Но каналы для появления в Сибири арабоязычных и персоязычных источников, а также материалов по Мавераннахру и Южному Казахстану, считавшемуся его северной окраиной, вполне могли действовать ещё за 120 лет до экспедиции Мессершмидта. Экономические условия для этого имелись вполне реальные.⁴⁴

Архив Мессершмидта – сочинение «Описание Сибири» (1728 г.) и 5 томов «Дневника» Сибирской экспедиции – долго оставался в рукописях. Только в XIX в. он был извлечён из небытия Академией наук.⁴⁵ Отрывочные записи «Дневника» в XIX в. изредка использовались и издавались.⁴⁶

План Туркестана был обнаружен и обнародован значительно позднее – при подготовке к изданию материалов экспедиций Академии наук XVIII – XIX вв. В 1931 г. рукописи Мессершмидта, хранившиеся в разрознённом состоянии, были воссоединены.⁴⁷ В оригинале труд носил длинное латинское название «*Sibiria perlustata seu Pinax triplicis Naturae Regni simplicium octo annorum...*». Выписки из него публиковал В.В. Радлов.⁴⁸ К «*Sibiria perlustata...*» относится тетрадь «*Curiosa Sibiria*», включающая более 40 рисунков и карт, выполненных Д.Г. Мессершмидтом. В их числе планы городов Бухары и Туркестана.⁴⁹ Ссылок в тексте на планы нет. Точно установить их появление в трудах Мессершмидта пока невозможно.

Хронологический обзор и описание экспедиций Академии наук XVIII – XIX вв., подготовленный в предвоенные годы, быть может, и есть первый научный, системный подход к рукописному наследию Мессершмидта.⁵⁰

43 Абдиров М. Хан Кучум... С.162.

44 Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI – XIX вв. – Ташкент: Фан, 1983. – С.15 – 16.

45 Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.30

46 Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.131.

47 Брентъес Б. Планы городов Бухары и Туркестана... С.58, прим.

48 Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.135.

49 Брентъес Б. Планы городов Бухары и Туркестана... С.55.

50 [Гнучева В.Ф., сост.]. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках // Труды Ленинградского отделения Академии наук. – М. – Л., 1940. – С.26 – 28.

В публикации, подготовленной В.Ф. Гнучевой, рукописный план Туркестана с надписями и пометками Мессершмидта помещён на с. 26. На с. 27 – план Бухары. На следующей странице напечатана опись фонда Мессершмидта, причём никаких упоминаний о Средней Азии нет.⁵¹ Брентъес, скорее всего, воспользовался не оригиналом документа, а этим воспроизведением, так как ничего не говорит о плане Урги, помещённом на обороте графического листа.

Документ введён в научный оборот. Но «Труды» Академии наук всё же узкоспециальное издание. Более известен план становится после выхода в свет одной из версий «Истории Казахской ССР» в 1957 г., где он был использован в качестве одной из иллюстраций.⁵² Третьей публикацией была рассмотренная заметка Б. Брентъеса. Позднее план использовался в качестве иллюстрации в «Своде памятников истории и культуры Казахстана» в вводной статье о Туркестане.⁵³ Применительно к исторической топографии средневекового Туркестана план впервые описан Е.А. Смагуловым и Ф.П. Григорьевым. Ими также дано его изображение.⁵⁴

При этом ни исторического, ни источниковедческого, ни археографического, ни стилистического анализа документа не проводилось. Впервые по оригиналу он описан и проанализирован Б.Т. Туякбаевой и А.Н. Проскуриным.⁵⁵ Чертёж плана вытянут в поперечном направлении листа (21x32 см). Слева внизу прорисовано изображение каплевидной печати. На другой половине листа – план Бухары. На оборотной стороне – план Урги. Его появление в бумагах Мессершмидта вполне уместно – как уже упоминалось, одним из дальних пунктов следования его экспедиции был Далай-Нор, озеро во внутренней Монголии. Изображение на одном листе географически весьма отдалённых друг от друга и разных во всех отношениях городов Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурина объясняют тем, что они были срисованы одновременно с каких-то документов.⁵⁶ Судя по пометкам Мессершмидта на плане Туркестана, «копиистом» был он сам.

51 Брентъес Б. Планы городов Бухары и Туркестана... С.58, прим. Примечание это сделано редколлекцией журнала «Общественные науки в Узбекистане».

52 Дахшлейгер Г.Ф. Казахские ханства в XVI – XVII вв. ... С.173. Разработчики экспозиции Чимкентского областного историко-краеведческого музея в 1979 – 1981 гг. экспонировали план Туркестана, увеличив эту иллюстрацию.

53 Свод памятников истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Гл. ред. «Казак совет энциклопедиясы», 1994. – Т.1: Чимкентская область.

54 Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки истории и археологии средневекового Туркестана... С.45, Рис.1.

55 Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана // ИМОННАН РК: Сер. общественных наук. – 2000. – №1. – С.17 – 27.

56 Там же. С.19.

В.И. Вернадский в числе многих достоинств Мессершмидта называет его художественные способности: «Мессершмидт действительно обладал энциклопедическим образованием того времени – это был врач и натуралист, талантливый рисовальщик, латинский поэт, филолог, знавший восточные языки и быстро научившийся [говорить] по-русски».⁵⁷

Чертёж Мессершмидта Е.А. Смагулов и Ф.П. Григорьев назвали «аксонометрическим планом». Возможно, термин нуждается в уточнении. В основе плана – глазомерная съёмка, производившаяся с одной точки на холме Культобе. Отсюда – двухмерность изображения: сверху (его проекция на плоскость, присущая плану как таковому) и спереди, фронтально (прямая проекция). Это можно сказать лишь об изображении городских стен. Объём надвратных столпообразных башен с бойницами и шатровым покрытием не показан, из чертежа непонятно, квадратные они или круглые (последние ближе к местным традициям фортификации). Это также касается показа жилых построек. Аксонометрия предполагает передачу изображения объекта при помощи параллельных проекций в трёхмерной (декартовой) системе координат, представляющей его с трёх точек зрения. Приём не чужд восточной средневековой миниатюре, показывающей примеры как плоскостного (фронтального), так и трёхмерного изображения сооружений, в том числе и фортификации.⁵⁸

От плана Туркестана веет своеобразной «архаистикой», что, на первый взгляд, может сблизать его со средневековой миниатюрой. Но в миниатюре, хоть и условно, изображаются реальные предметы и объекты, здесь же они носят характер условных обозначений (рвы, водоёмы, сады и огороды, места водозабора показаны значками). Это приближает данное изображение к топографической съёмке. Первые наземные съёмочные работы в топографии известны с XVI в., на строго научной основе они начинают выполняться только в XVIII в.

Таковы косвенные соображения по поводу атрибуции документа. Более определённо план датируется по изображению печати. О печати на рисунке написано: «Печать, а в ней назначено: «Табакул Маам Бартурхан».⁵⁹ Современное чтение легенды в печати: «Таввакул Мухаммед Бахадур-хан». Это полное имя Тауке хана. Аналогичная печать приложена к письму Тауке хана Петру I. Предполагается, что план Туркестана происходит из документов Тауке хана (годы правления – 1680 – 1718). Конец XVII – нач. XVIII вв.

57 Вернадский В.И. Труды по истории науки в России... С.224.

58 Рахматуллаева С.Д. Образ фортификации в миниатюре Герата XV века // Маскан. – 1991. – №12. – С.34.

59 Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана... С.20.

4. В.Н. Татищев
(1686 — 1750)

– вероятное время исполнения сохранившегося графического листа, который представляет собой вольную копию с неизвестного оригинала.

Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин на основании запусения рвов, изображённых на плане в виде двух отдельных водоёмов, делают вывод, что зафиксирован город XVII в., но допускают, что по сохранившимся фрагментам крепостной стены, обнаруженным археологами, изображённую фортификацию можно датировать и XV – XVI вв.⁶⁰

Последний вывод, считаем, ближе к реальности. Стоит вспомнить о другом Таваккуле – Тауекель-хане, правившем Казахским ханством почти за сто лет до Тауке хана (1582

– 1598 гг.). Его правление почти целиком совпало с годами вассальной зависимости юга Казахстана от владетеля Бухары Абдулла-хана II. Абдулла-хан стяжал военную славу и славу строителя. В.В. Бартольд отмечал, что ещё в нач. XX в. народное предание остатки сколько-нибудь выдающихся сооружений связывало с именами либо Тимура, либо Абдулла-хана II.⁶¹ В большой мере это соответствует действительности.

В 1583 г. Абдулла-хан II в числе других присырдарьинских земель подчинил себе Туркестан. Город признавал его власть до самой смерти хана (1598 г.). Он отдал распоряжение о достройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави («абдуллахановский период» и истории мавзолея).⁶² О фортификации прямых данных нет.

По археологическим данным, Туркестан в конце XV в. представлял собой мощную крепость. В конце XVI – XVII вв. частично разрушаются и застраиваются жилыми постройками, в дальнейшем не восстанавлива-

60 Туякбаева Б. Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана... С.20.

61 Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Изд-во восточной литер., 1963. – Т. II (1). – С.269.

62 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типолит №2 Узполиграфтреста, 1930. – С.8.

ются по всему периметру.⁶³ Но на рисунке из архива Мессершмидта следует непрерывная линия стен.

XVIII век не оставил нам профессиональных, реалистических изображений памятников восточной архитектуры. Немногие художники, впервые посетившие восточные окраины Российской империи, изображали «виды» городов и отдельных сооружений. Эти, часто полупрофессиональные, работы демонстрировали ограниченность и слабость впечатлений авторов, невзирая на воочию увиденные реалии. Таковы рисунки из материалов экспедиции Ф.И. Саймонова по изучению Каспийского моря (1719 – 1726 гг.).⁶⁴ Искажённое понимание архитектуры Востока видно уже на уровне восприятия и сказывается на низкой культуре исполнения рисунков. Приведённый пример не касается южноказахстанского региона, но он показывает общую тенденцию, которая держалась весь XVIII век и захватила первую половину XIX в., что наглядно демонстрируют первые полупрофессиональные, крайне схематизированные и искажённые изображения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави.

И всё же. Если не принимать во внимание низкий исполнительский уровень, эти первые иконографические документы сохраняют большой познавательный интерес, а в ряде случаев и научное значение. Это можно сказать и о планах центральноазиатских городов из архива Мессершмидта.

В полном смысле слова план Туркестана ещё не иконографический документ по истории мавзолея Ясави. На нём он представлен в виде башни, выделенной большими размерами по сравнению с надвратными башнями. Но это первое его отображение на визуальном уровне. Определённо показано его положение в топографии города. Этот документ, имея важное историческое значение, на практике служит для реконструкции фортификации и регенерации исторического ядра г. Туркестана, в котором памятник занимает центральное место.

В петровскую эпоху корнями уходит создание «Истории Российской», первого капитального труда по русской истории, изданной при Екатерине II. Её автор – В.Н. Татищев (1686 – 1750), историк, географ, экономист, государственный деятель, выдвинувшийся в царствование Анны Иоанновны. В течение тридцати лет он работал над этим сочинением.

63 Смагулов Е.А. Обзор стратиграфических данных и наблюдений по топографии средневекового Туркестана // ИМОННАН РК: Сер. общественных наук. – 2000. – №1. – С.10, 11.

64 Чабров Г.Н. Восточные окраины России в русском искусстве XVIII века // ТСАГУ. – Ташкент, 1957. – Т.XLIII. – Вып.20. – С.19.

Казалось бы, зодчество Центральной Азии в то время покрыто мраком неизвестности. Но мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави уже упоминается в первой русской истории.⁶⁵ Это упоминание не единственный, вероятно, факт о мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави и г. Туркестане. Свидетельство о Туркестане В.Н. Татищев получил от бухарского купца. Оно, конечно, в духе своего времени: «Город построен «внучатами» Тюрка, сына Афета, от которого и звание получил». <...> «По персидской истории сей град построен от Джемшид шаха», который соорудил крепость для своих воинов. В.Н. Татищев сообщает, что близ Туркестана гроб их великого святого Ходжи Ахмета немалого каменного здания, о сём пространная басня чудес показана».⁶⁶

Сведения эти В.Н. Татищев мог зафиксировать в 1737 г., когда был назначен начальником в Оренбургскую экспедицию, или в 1741 г., прибыв в Царицын управлять Астраханской губернией, где непосредственно столкнулся с «восточными» делами.

Оренбургскую экспедицию (её ещё называли Оренбургской комиссией), идея организации которой принадлежала Петру I, В.Н. Татищев возглавил после смерти основавшего её в 1734 г. обер-секретаря Правительствующего Сената, географа И.К. Кириллова. Оренбургская экспедиция была по сути госучреждением, ведавшим организацией торговли с народами Казахстана и Центральной Азии и, в конечном счёте, присоединением его к России. В 1741 г. при канцелярии Оренбургской комиссии был учреждён географический департамент. В 1744 г. комиссия была преобразована в Оренбургскую губернскую канцелярию. Вклад Оренбургской экспедиции в научное освоение Казахстана и Центральной Азии очень значителен. Этому способствовал универсализм исследователей XVIII в. (во многом также и XIX в.), – сочетание властных функций и научных изысканий. В Оренбургской экспедиции выдвинулись учёные различных направлений, ведущие географические и этнографические описания, составление карт и т.д. При экспедиции у Кириллова живописцем служил англичанин

65 Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым М.:Изд. Императорского Московского ун-та, 1769. – Кн.1. – Ч2. – С.282.

66 Там же. Уместно небольшое пояснение для массового читателя. Басня – не только юмористическое и необязательно стихотворное сочинение в современном его понимании. Первоначально оно имело два значения – дидактико-сатирического и описательно-повествовательного рассказа, каким воспринималось до середины XIX в. В.Н. Татищев в духе своего времени использовал второе его значение. Это понятие аналогично понятию слова «анекдот» в первом его значении – рассказ о поучительном случае из жизни исторического или фольклорного героя.

5. П.И. Рычков
(1712 — 1777)

Джон Кёстль. В 1736 г. он ездил в казахские степи. Через сорок с лишним лет были напечатаны на немецком языке его материалы по русской истории периода после смерти Петра I, в том числе и дневник его поездки.⁶⁷

С Оренбургской экспедицией связано известное свидетельство о Туркестане и мавзолее Ясави, относящееся к царствованию Елизаветы Петровны. Это сочинение «Топография Оренбургской степи», упоминаемое под несколько изменённым названием почти всеми, кто писал о г. Туркестане и его выдающемся мавзолее. Его созданию предшествовала большая длительная работа, оно переиздавалось, переиздания порождали разночтения в тексте и названии. Автор его – П.И. Рычков (1712 – 1777), чинов-

ник, географ, краевед, экономист. Заведовал Оренбургской губернской канцелярией. В конце жизни был «главным правителем Оренбургских соляных дел», а при графе Панине управлял «заграничными делами и инородцами в крае». В научном отношении он являлся учеником И.К. Кириллова и В.Н. Татищева. При составлении «Топографии» Рычков использовал рукописи Татищева, особенно «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» (закончено не позднее 1744 г.).

Написанию «Топографии» предшествовала «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии».⁶⁸ В центре этой работы – принятие Младшим жузом российского подданства, деятельность Оренбургской экспедиции, основание Оренбурга и пограничной линии, налаживания связей с Востоком.

67 Castle John. Materialien zu russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossers. – Riga, 1777 – 1784. – 2 tt. – См.: Матвиевский Е.П. Дневник Дж. Кёстля как исторический источник // История СССР. – 1958. – №4. – С.135 – 145. В Казахстане «Дневник» Кестля издан отдельной книгой: Кёстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. – Алматы: Жибек жолы, 1998. – 152 с.

68 Рычков П.И. История Оренбургская. – СПб., 1759. – 195 с.

В 1752 г. по инициативе П.И. Рычкова принято решение о создании новой генеральной карты Оренбургской губернии и прилегающих к ней казахских и среднеазиатских земель. Тогда же им начата «Топография Оренбургская».⁶⁹

«Атлас Оренбургской губернии», состоящий из одной генеральной и 10 «партикулярных» (частных) карт, исполненных геодезистом прапорщиком И. Красильниковым, был готов в 1755 г. В 1760 г. закончена вторая часть «Топографии Оренбургской». В 1762 г. она печатается в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». Тогда же, в 1762 г. выходит отдельной книгой в Санкт-Петербурге.⁷⁰ Текст Рычкова содержал обширное историко-географическое описание края, включая регионы Казахстана и Средней Азии. «Топография» перерастала рамки сопроводительного текста к атласу. «Топография» – это условное название. Так было принято в XVIII в. называть труды широкого страноведческого характера.⁷¹ Вторая глава его содержит краткую географическую характеристику среднеазиатских земель. Пятая глава «Развалины древних городов и строений» показывает, что П.И. Рычков проявлял также интерес к археологии края.

В 1887 г. в Оренбурге издана Оренбургским отделом Русского Географического общества «Топография Оренбургской губернии», содержащая раздел «О Туркестанском владении».⁷² В нём история Туркестана изложена довольно подробно: *«Сие владение и город Туркестан в рассуждении других мест, в тамошней стороне имеющихся, ныне хотя и незнатны, но по древности надлежит ему пред всеми дать преимущество, потому что город Туркестан в татарских историях многим старее Бухар почитается, и якобы в древние времена повелительство сперва в оном началось, и во всю Азию распространилось. Находящейся в Оренбурге Ахун объявил, будто бы сей город построен внучатами Турка-Хана, сына Афетова, от которого он и*

69 Полное название: «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым».

70 Рычков П.И. Топография Оренбургской степи. – СПб., 1762. – Ч.II. – С.73 – 76.

71 Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования... С.229.

72 Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С.20 – 21. Ещё раньше, в 1880 г. Оренбургским отделом Русского Географического общества издана первая часть «Топографии» с картами, напечатанными фотолитографским способом. Библиография главного сочинения П.И. Рычкова требует уточнений. В 1771 г. книга в немецком переводе выходит в г. Бюшинге, в 1772 г. новый перевод печатается в Риге. В советское время «Топография Оренбургская» переиздавалась в 1949 г. – См.: Мильков Ф.Н. П.И. Рычков. Жизнь и географические труды. – М.: Гос. изд-во географической литер., 1955. Последнее переиздание осуществлено в Уфе в 1999 г.

звание себе получил, и все тамошние города, даже до Индии и Китая, яко то: Кашкар, Табат, Еркен, Ходжант, Ташкент, Мартикан, Фантак, Янгы, Хасар, Хутяк, Утрар, Сабран, Барзагинь и прочие во власти Туркестанской состояли. Туже область называли они в древние времена и другим именем Эссеи, кое аки бы ещё и Туркестанского старее. Сие выписано из арабских и татарских книг, помянутых Ахуном. А переводчик Уразалин, выписав из персидских историй, показывал, что сей город построен был от Жамшида-Шаха Иранского (то есть Персидского), который от начала Персидской монархии был четвёртый государь. Оный Жамшид-Шах, по сказанию в той истории, с прочими народами овладел мунгалами, татарами и китайцами, и быв с войском своим в великой Татарии, за потребное признал, для пристанища войску своему, построить три города. Первый из них был Тюрюкстан (то есть Туркестан), другой Утрар, третий Сауран (которые донныне есть, и суть малые местечки около Туркестана), где он оставил наместником одного из своих свойственников. Но где Туркестан, тут, сказывают, ещё и прежде была крепостца, или пристанище воинских людей, кое от тамошних жителей именовалось (как выше упомянуто) Эсси. Впрочем, сами тамошние учёные люди сказывают, что из живших около Туркестана народов, некоторые к сарацином перешли, и приняв магометанскую веру, с ними общились, отчего имя турков произошло; и так Туркестан можно почесть за древнее отечество турков, что и с европейскими историями согласует. Потом в Туркестан перешло из агарян несколько ходжей, которые донныне тут живут, и будучи признаваемы за отродье Магометово, отменно и за святых почитаются. Из таких ходжей в Туркестанской большой мечети есть гроб одного, по их закону за святого почитаемого, который именуется Ходжа-Ахмет, и есть один из семи святых, коих магометане за знатнейших почитают, и великую честь их гробам воздают, да и верят, что сей святой в жизни своей чудеса творил, которья яко бы и донныне у гроба его бывают».⁷³

Рычков, как видим, основывается не только на устных преданиях, но и на татарских и персидских письменных источниках. Далее Туркестан описан так: «Улицы в нём кривые, весьма тесные, так что поперёк инде меньше одной сажени. Домов в нём по тамошнему обыкновению строенных, однако гораздо хуже Ташкентских, с тысячу. Крепостного строения регулярного нет, токмо имеется вокруг жилья стена глиняная, и вокруг неё небольшой ров с водой. Мечетей в нём три, из которых одна древней и хорошей работы, и имеет в себе многое число разных покоев; в ней погребён вышеупомянутый магометанский чудотворец».⁷⁴

73 Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С.20 – 21.

74 Там же. С 21.

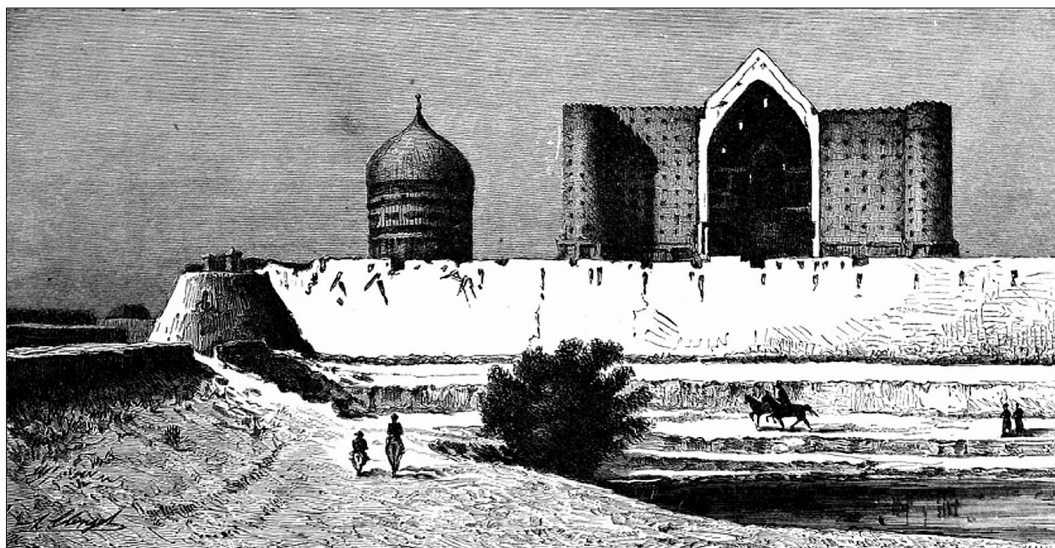
Представленные здесь факты, касающиеся истории изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, имеют своё происхождение в первой пол. XVIII в., но появились в печати значительно позднее – в царствование Елизаветы Петровны (сочинение Рычкова), в годы правления Екатерины II (труд Татищева), а некоторые (например, план Туркестана) и того позже – в XX в. Само екатеринское время столь точных конкретных данных о памятнике не оставило, что обусловлено особенностями этого этапа освоения восточных окраин Российской империи.

Екатерина II воспета Г.Р. Державиным ни много ни мало как «Богородица царевна Киркиз-Кайсацкая орды». Однако эта поэтическая метафора очень далека от действительности. В её царствование Россия весьма незначительно продвинулась в глубь казахской Степи, довольствуясь окраинными пределами Младшего жуза. Принятие российского подданства Младшим (1731 г.) и Средним (1740 г.) жузами долгое время было номинальным. Сама фантастичность титула, придуманного поэтом, наглядно говорит о том, насколько ещё русское и европейское общество были далеки от центральноазиатских реалий.

Несравнимо быстрыми темпами шло освоение Сибири и Дальнего Востока. Для сравнения: к 1864 г., когда юг Казахстана с присырдарьинскими городами был освобождён от господства кокандских ханов (завершающий этап присоединения Казахстана к Российской империи), русскими была освоена и частично обжита Аляска, уже в 1867 г. проданная США. Центробежные силы этого стремительного движения, включавшего косвенно или целенаправленно научное освоение обширнейших земель, захватило многие области Казахстана.

Екатерина II живо интересовалась географией, геологией, флорой и фауной, языками, историей и этнографией малоизвестных районов своей империи. Ей принадлежит идея комплексного исследования страны, особенно восточных и южных её пределов. Осуществлению этой идеи служила «физическая» экспедиция П.С. Палласа (1741 – 1811), работавшая в 1768 – 1774 гг. Экспедиция Палласа состояла из пяти отрядов. Отряды И.П. Фалька, И.Г. Георги, И.И. Лепёхина работали в Оренбургской губернии, С.Г. Гмелина, И.А. Гильденштедта – в Астраханской. Деятельность каждого из них воспринимается как самостоятельное исследование в рамках общего направления. Сразу по её окончании, в сер. 1770-х гг. вышел ряд книг выраженной этнографической направленности, где подробно описаны разные стороны жизни казахов, преимущественно Младшего и Среднего жузов.⁷⁵

75 Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1776. – Ч.2; Фальк И.П. Описание всех национальностей России. – Алматы, 1999. – 223 с.

6. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Вид с юга. Рисунок предположительно В.В. Верещагина. Из книги Ю. Скайлера «Туркестан». 1876 г.

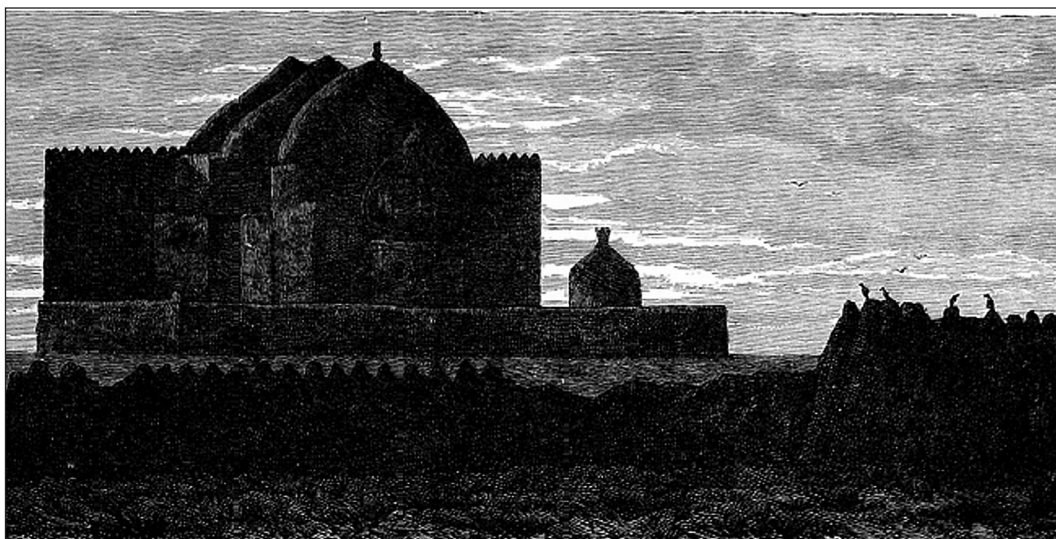
В отряде самого П.С. Палласа находился сын П.И. Рычкова капитан Н.П. Рычков, написавший по результатам своей поездки в казахские степи книгу.⁷⁶

Экспедиция Палласа, имевшая естественнонаучную направленность, вместе с тем собрала ценный материал по этнографии казахского народа.⁷⁷ Перу Палласа принадлежит очерк «Известия о киргизах» (т.е. о казахах), вошедший в его труд «Путешествие по разным провинциям Российской империи».⁷⁸

76 [Рычков Н.П.] Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 году. – СПб., 1772. – 105 с.

77 В наши цели не входит касаться истории этнографического изучения Казахстана, она изложена в хрестоматийном труде Э.А. Масанова и в некоторых поздних исследованиях. – См.: Масанов Э.А. Очерки этнографического изучения казахского народа. Алма-Ата: Наука, 1966. – 322 с.; Косанбаев С.К. История изучения этнологии казахов (XVIII – 40-е гг. XIX в.): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2001. – 34 с. Также материал по истории этнографии казахов содержится и в других изданиях. – См.: Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. – Алматы, 1995. – 320 с.; Муканов М.С., Аргынбаев Х., Козыбаев М.С. Казахи: Историко-этнологическое исследование. – Алматы, 1995. – 350 с.

78 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1773. – Кн.2. – Ч.2. – 216 с. и др.

7. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Вид с севера. Рисунок предположительно В.В. Верещагина. Из книги Ю. Скайлера «Туркестан». 1876 г.

При всём том монументального культового зодчества средней Сырдарьи этнографические описания 1770-х гг. не отражают. Мавераннахр и исторически связанные с ним районы Южного Казахстана по-прежнему малодоступны для историко-этнографического изучения. В политике, в науке, в общественном сознании всё ещё царит полное непонимание Центральной Азии во всех её проявлениях. Процесс её освоения оказался длительным, сложным, трудным.

Военно-экономическая экспансия Российской империи имела конечной целью якобы цивилизовать восточные отсталые окраины. Чтобы исполнить эту во многом утопическую миссию, требовалось понимание истории, уклада всей жизни, вживание в совершенно иную, чуждую и непонятную среду. Уровень знаний о мусульманском Востоке в России и Европе просто не позволял это сделать. Даже идеолог французского просвещения Ф. Вольтер воспринимал Восток как некий экзотический антураж, в который он помещал своих мифологизированных героев. «Восточный» колорит в литературе, ещё в большей мере в искусстве XVIII в. выглядит крайне неправдоподобным. Только появление в 1819 г. «Западно-восточного дивана» Гёте «...сделало просто неприличными все литературные поделки «под Восток».⁷⁹

79 Голованов В. Сказки бабушки Екатерины II // Наука и жизнь. – 2010. – №1. – С.112.

Юг Казахстана ещё не входит в состав Российской империи, но продолжает оставаться в сфере её политических и экономических интересов, что видно из материалов по истории казахско-русских отношений в XVIII – первой пол. XIX вв., где г. Туркестан фигурирует на страницах многих документов. Сибирский и Оренбургский генерал-губернаторы постоянно держат его в поле зрения. Но это из области гражданской истории. Для комплексного научного исследования не было условий. Северный Туркестан (так ещё называли южные районы Старшего жуза) часто находится во власти позднефеодальных государств Мавераннахра, внутренняя жизнь которых характеризуется застойными явлениями во всех сферах, религиозным фанатизмом, стремлением к самоизоляции. Даже в XIX в. очень немногим европейцам (за исключением пленников) удавалось проникнуть в их пределы.

К тому же Россия была занята военными, внешнеполитическими проблемами на западе и юге страны (война с Турцией) и внутренними делами (восстание Пугачёва в 1773 – 1775 гг.). С другой стороны, этот процесс тормозился сложным политическим и экономическим положением южных районов Старшего жуза. После 1740 г. на средней Сырдарье вновь господствуют джунгары. С 1744 г. г. Туркестаном владеет хан Среднего жуза Абулмамбет, находившийся в вассальной зависимости от хунтайджи Галдан Царена. Эти обстоятельства усугубляются феодальными распрями казахских султанов. Со второй пол. XVIII в. г. Туркестан неоднократно переходил от казахов к владетелям Бухары и обратно, от казахов к правителям Ташкента... В результате город приходит в упадок. Хронологически предыстория изучения мавзолея Ясави в XVIII в. завершается известием горных инженеров М. Поспелова и Т. Бурнашева, побывавших в Туркестане в 1800 г. и отмечавших крайнее запустение города.⁸⁰

80 Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник Русского Географического общества. – 1851. – Ч. I. – Кн. 1. – Отд. VI. – С. 29.

ГЛАВА III

ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века – 1917 г.

1850-е годы — время появления в русской печати первых отрывочных сведений о мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави. Они ещё немногочисленны, беглы и приблизительны. Наиболее ранние упоминания о нём встречаются в дневниках и воспоминаниях участников посольств в среднеазиатские ханства. Таковы «Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина с примечаниями Савельева», сопровождавшего русское посольство 1830 года. Записки Потанина напечатаны в Вестнике Императорского Русского географического общества в 1856 году, когда движение русских в Среднюю Азию уже набирало силу.¹

Упомянется мавзолей Ясави в «Путешествии из Оренбурга в Бухару» Е.К. Мейндорфа, опубликованном в XIX в. и переизданном в 1975 г.,² в работах венгерского путешественника и ориенталиста А. Вамбери, видевшего памятник в 1860-х годах.

Представляют интерес воспоминания известного русского географа, путешественника Н.А. Северцова «Месяц плена у кокандцев», увидевшие свет в журнале «Русское слово» в 1859 году и через год изданные отдельной книжкой.³ Попав в плен к кокандцам, он был заключён в караульное помещение цитадели Туркестана и длительное время находился в непосредственной близости от памятника.

1 Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 года) // ВИРГО. – 1856. – Ч.18. – С. 262 – 263.

2 Мейндорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – С.70, 167.

3 Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. – СПб.: Кушелев – Безбородко, 1860. – С.77 – 78. Впервые: Русское Слово. – 1859. – №10.

С вхождением Южного Казахстана в состав Российской империи доступ для русских и европейских исследователей к главной достопримечательности Туркестана – мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави стал свободным. Великолепный памятник архитектуры сразу сделался предметом интересов военной и чиновничьей служилой прослойки. Сведения о нем регулярно появляются в русской печати. Теперь они более заинтересованные и более подробные, хотя зачастую грешат недостоверностью информации, полученной путём опросов местного населения. Новизна впечатлений составляет их главную ценность. Мавзолей в Туркестане предстал перед русскими солдатами и офицерами как мощная прелюдия к великолепию архитектурных сокровищ Средней Азии, которые ещё предстояло узнать и изучить. С их небольших публикаций о мавзолее Ясави, можно сказать, и начинала писаться история архитектуры Средней Азии и Казахстана.

Как следовало думать, первые впечатления и восхищение мавзолеем изложены в журнальных заметках, дневниках и воспоминаниях участников военных действий против кокандцев. Некоторые из них были напечатаны вскоре после взятия Туркестана, другие, как, например, книги и статьи К.К. Абазы, А.П. Хорошхина, А.К. Гейнса, М. Шлиттнера увидели свет спустя годы и десятилетия после присоединения Туркестанского края к Российской империи.⁴

Одно из первых несовершенных описаний мавзолея Ясави появилось в 1866 году в журнале «Военный сборник». Его автор - статский советник переводчик Мир-Салих Бекчурин в отличие от своих предшественников не ограничился фиксацией явления, а пошел дальше, пытаясь дать уже эстетическую оценку памятнику: *«Это дивное создание рук человеческих, свидетельствуя о даровитости мастеров тогдашнего времени без сомнения могло бы в отношении художественных произведений подобного рода служить и ныне образцом...»* В этих строках Бекчурин не смог скрыть восхищения перед величественным сооружением. Но тут же торопится оговориться: *«...если бы более удовлетворило гармоническим требованиям законов изящного».*⁵ Он не случайно противоречит себе:

4 Абаза К.К. Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. – С.78 – 79; Хорошхин А.П. Сборник статей, касающийся до Туркестанского края, – СПб., 1876. – С.11 –12; Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса: В 3-х тт. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – С.271 – 275; Шлиттнер М. В Туркестане: (Отрывки из старого дневника) // Военный сборник. – 1902. – №2. – С.187 – 216 и др.

5 Бекчурин М.-С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8. – Отд.2. – С.209 – 217.

во-первых, понимание специфики архитектуры Средней Азии отсутствовало; во-вторых, в России (и в Европе) в середине XIX в. имели хождение весьма далёкие от реальности представления о «восточном» стиле зодчества. Впрочем, в этой статье много других несуразностей и ошибок фактического плана, в частности, неправдоподобные даты. Мы специально подробно остановились на этих замечках, показывающих уровень публикаций 1800 – 1880-х гг., с тем, чтобы подчеркнуть значение последующих исследований, поднимающих знания о мавзолее на более высокий уровень, позволяющий рассматривать его с точки зрения истории искусства.

Вслед за военными Туркестанский край открывали для себя и для русской общественности представители научной интеллигенции, люди, в большинстве своём настроенные прогрессивно. Из специалистов первым мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави увидел археолог П.И. Лерх, коснувшийся его в уже упоминавшейся нами работе «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1807 году». Годом раньше его описывал путешественник и востоковед П.И. Пашино. Книга П. И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году» иллюстрирована гравюрами и литографиями по рисункам с натуры художника Д.В. Вележева, сопровождавшего П. И. Пашино и запечатлевшего архитектурные памятники города Туркестана. Д.В. Вележев – первый художник-профессионал, рисовавший Туркестан с натуры (рисунок, иллюстрирующий статью М.-С. Бекчурина, достаточно примитивен, судя по его несовершенству и неумелости, сделан непрофессионалом, как мы считаем, по оригиналу Д.В. Вележева). В оформлении книги П.И. Пашино были также использованы фотографии мавзолеев Ясави и Рабии Султан-Бегим, сделанные чуть позже в том же году начинающим фотографом и архитектором М.К. Приоровым.⁶ Не мог обойти вниманием этот мавзолей и автор знаменитой «Туркестанской серии» картин В. В. Верещагин, проехавший через город Туркестан годом позже.⁷

В 1871 – 1872 гг. по предложению Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон-Кауфмана ориенталист А.Л. Кун составил археологическую часть «Туркестанского альбома», включившего свыше 1200 фотографических снимков, здесь были помещены и фотографии туркестанских мавзолеев Ходжи Ахмеда Ясави и Рабии Султан-Бегим. Вместе

6 Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. – СПб.: типу Тиблена и К (Неклюдова), 1868. – 179 с., илл и карт.

7 Верещагин В.В. От Оренбурга до Ташкента // Всемирный путешественник. – 1874. – Май. – С.22.

8. П.И. Пашино
(1836 — 1891)

с упомянутыми выше работами они положили начало формированию иконографии мавзолея Ясави.

1880 – 1900-е годы отмечены обилием газетно-журнальных заметок, статей и публикаций, посвящённых Ходже Ахмеду и его мемориальному комплексу. Особенно много в 1900-е гг. писала об этом газета «Туркестанские Ведомости», впервые напечатав заметку о мавзолее в 1883 году.⁸ Опубликованное «Туркестанскими Ведомостями» далеко неоднозначно в научном отношении. Тем не менее некоторые материалы не потеряли научно-исторического значения до наших дней. По их оглавлению нетрудно заметить, что они больше рассказывают о самом святом, чем о его мавзолее.

Легенды и предания, рассказы местных жителей, описание культовых моментов занимают в них основное место.

Публикации этого периода в других изданиях о туркестанском памятнике также носят выраженный этнографический характер. Таким образом, в дореволюционный период мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в фольклорно-этнографическом отношении был изучен наиболее полно. К этой группе материалов примыкают публикации (также увидевшие свет в дореволюционной печати) эпиграфических данных – переводов вакуфной грамоты, текстов печатей, фрагментов эпиграфики декора, надписей на произведения металлопластики, хранящихся в мавзолее, и изделий, входящих в систему его декоративного убранства и т.д. П.Н. Ахмеров опубликовал около тридцати надписей, включая эпитафии намогильных саган (надгробий), надписи на предметах внутреннего убранства, отрывок из текстов на фризах фасадов, содержащих подпись мастера, выкладывавшего изразцовую рубашку внешних стен...⁹

8 Предполагаемая реставрация мечети Азрета в г. Туркестане // ТВ. – 1883. – №40.

9 Ахмеров П.Н. Описание мечети Ахмеда Ясави // Восточные заметки (Казань). – 1896. – С. 3 – 10; его же. Описание печати Ахмеда Ясави // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 530 – 537; его же. Надписи мечети Ахмеда Ясави // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 538 – 551.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Г. ТУРКЕСТАНЪ.

знуренному челоѣву приличествовалъ бы болѣе всего отдыхъ послѣ такого продолжительнаго пути; а намъ доводилось идти сажень триста между двумя высокими стѣнами, что, признаться сказать, въ дорожныхъ сапогахъ не очень-то выгодно. Потомъ мы увидѣли ворота съ часовымъ на нихъ и съ грибомъ изъ камыша вмѣсто будки, подъ который часовой прячется отъ солнца. Мы вошли въ ворота, прошли сажень пятьдесятъ, поднимаясь на гору, и увидѣли лачужки, носившія характеръ казенной постройки. Мы попросили находившихся тутъ солдатъ, не зная, что случилось съ нашимъ тарантасомъ, помочь Ивану собрать вещи. Тѣ охотно кинулись къ воротамъ, а мы прошли дальше. Передъ нами высилась еще стѣна, содержавшая въ себѣ останки Ахмеда Ясаві. Лиція зданій шла налѣво, и въ концѣ ея ходилъ часовой. Мы пошли туда, чтобы спросить солдата, гдѣ живетъ комендантъ. Комендантъ тутъ и жилъ, и часовой, какъ оказалось, ходилъ около его квартиры. Мы вошли къ коменданту и рекомендовались.

— А, про васъ говорилъ мнѣ генералъ, — обратился ко мнѣ комендантъ. — Вы, должно быть, художникъ?

— Нѣтъ, я не художникъ, — отвѣчалъ я.

— А гдѣ же ваши вещи? — спросилъ комендантъ.

— Да вотъ съ нами случилось несчастье: тарантасъ сломался при вѣздѣ въ городъ. Мы послали туда солдатъ помочь нашему челоѣву управиться.

— И они пошли?!

9. А.К. Гейнс
(1833 — 1891)

Тенденция к углубленному изучению памятников архитектуры на начальном этапе востоковедных исследований в Туркестанском крае еще едва-едва намечалась. Среди ориенталистов, писавших о мавзолее Ясави в 1800 – 1890-е гг., да и позднее, почти не было людей архитектурной специальности. Даже ремонты здания, проводившиеся в 1872, 1884 – 1880, 1910-х гг. русской колониальной администрацией, имевшие характер противоаварийных мер, дали очень мало для выявления истории создания комплекса и понимания его архитектурного строя.

Таково было положение с изучением архитектурного наследия в Туркестанском крае. Мавзолей Ясави не стал исключением, скорее всего история его изучения в полной мере отразила ситуацию в этой области.

Более систематическое изучение зодчества Средней Азии и Казахстана связано с возникновением в России и Туркестане научных обществ, взявших на себя миссию изучения, научной фиксации, отчасти ремонта и охраны памятников. В работе этих обществ активное участие принимали местные деятели.

Организованный в 1895 г. Туркестанский кружок любителей археологии не упускал из поля зрения мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави на протяжении всей своей деятельности (до 1917 г.). На страницах специального печатного органа, издаваемого кружком – «Протоколы заседаний и сообщений», в 1897 г. был напечатан текст жалованной грамоты, выданной Тимуром мавзолею Ясави.¹⁰ Там же помещено сообщение члена кружка, одного из видных деятелей исторического краеведения в Туркестанском крае Е.Т. Смирнова о состоянии мавзолея, сделанное им на одном из первых заседаний кружка.¹¹

О необходимости ремонта этого памятника докладывал на заседании кружка в 1906 г. гражданский инженер В.С. Гейнцельман, осматри-

10 Грамота Тамерлана, данная шейхам мечети Ахмеда Ясави // ПТКЛА. – 1897. – Вып. II. – С.1–4.

11 Смирнов Е.Т. О состоянии мечети Ахмета Ясави // ПТКЛА. – 1897. – Вып. II. – С.10 – 11.

10. В.В. Верещагин
(1842 — 1904)

вавший здание весной 1906 г. по поручению Туркестанского генерал-губернатора.¹²

Годом позднее, в двенадцатом выпуске «Протоколов» увидела свет статья С.Г. Маллицкого «Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавийского в гор. Туркестане».¹³ К статье приложен уменьшенный и исправленный план мавзолея, выполненный во время ремонта 1884 г. А.В. Печенкиным. Б.В. Лунин отмечал обстоятельность этой работы.¹⁴ Но этим не ограничивается её значение. Не фиксация здания во всех подробностях является главной задачей автора, а нечто большее. По существу, это едва ли не первая попытка историко-архитектурного исследования в Туркестанском крае. Поэтому наряду с работой Н.И. Веселовского о мавзолее Гур-Эмир в Самарканде

(1905 г.), упоминавшейся в статье А.Д. Калмыкова, статья С.Г. Маллицкого о мавзолее Ходжи Ахмеда имела основополагающее значение для изучения местного зодчества в дореволюционный период.

В своей работе он стремился следовать принципу историзма, поэтому анализу планировочной структуры мавзолея Ясави предшествует краткий очерк появления и развития культовых зданий ислама (мечетей, медресе...) в Средней Азии. Интуитивно почувствовав масштаб и научное значение туркестанского памятника, С.Г. Маллицкий пытался найти ему аналогии в мировом зодчестве. Византия и Персия – вот куда он обратил свой взор, размышляя о происхождении этого комплекса. Он сравнивает его с дворцами сасанидского Ирана и храмом Св. Софии в Константинополе (VI в.). Последняя параллель не столь уже парадоксальна, если вспомнить о том, с какой легкостью, без особого ущерба для архитектуры он принял на себя функции мечети в XV в.; оба памятника служили идее монотеизма и сильной имперской власти.

12 Гейнцельман В.С. О ремонте мечети Хазрета Ахмеда Ясави // ПТКЛА. – 1906. – Вып. XI. – С.1–2.

13 Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавийского в гор. Туркестане // ПТКЛА. – 1907. – Вып. XII. – С.6–28.

14 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.172.

11. П.И. Лерх
(1828 — 1884)

Сравнение идёт у Маллицкого в основном на уровне построения планов. Отдельный раздел так и озаглавлен «Особенности плана Туркестанской мечети». Он выделяет общее в структуре обоих сооружений: большой купол в центре, явственное членение зданий на шесть пространственных блоков.¹⁵

Но почувствовав непродуктивность такого подхода (слишком общие идеи могут объединять эти памятники и слишком мало конкретных точек соприкосновения) оговаривается: «Но мы недаром заключили в кавычки выражение «византийский тип»... Основной размер центрального купольного пространства (8,5 саж.), выдержанный в пролёте портала (мавзолея Ясави.

– Ю.Ё), придаёт плану характерную П—образную форму. Это обстоятельство, не говоря уже о самом портале, сближает в наших глазах туркестанский памятник с Фируз-Абадским и Ктезифонским дворцами, а следовательно, и с первоначальной арада'ной персов».¹⁶ План казандыка мавзолея Ясави сравнивается с планом Сервистанского дворца.

В итоге С. Г. Маллицкий причисляет по стилю комплекс в Туркестане к «персидско-арабской» архитектуре с оговоркой на более сильное персидское влияние, «арабское» влияние усматривая в «украшениях».

Сегодня ошибочность этих выводов очевидна. В то время вряд ли могло быть иначе. В статье С.Г. Маллицкого страдала очень важная сторона – в его анализе отсутствуют памятники местной архитектуры. Мавзолей не сопоставляется ни с более ранними, ни с более поздними, ни с современными ему сооружениями Средней Азии.

Сравнительный анализ, необходимый для выявления генезиса и эволюции крупного мемориального комплекса, был ещё невозможен, так как среднеазиатско-казахстанское зодчество было неизученным. Поэтому и пришлось С.Г. Маллицкому искать аналогии «на стороне», среди описанных в литературе памятников.

15 Здесь С.Г. Маллицкий ошибался, четырьмя парами коридоров мавзолей Ходжи Ахмеда делился на восемь пространственных блоков.

16 Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Ясавийского... С.20

Все же в работе Маллицкого было много верного и рационального. Он поставил мавзолей Ясави в ряд с шедеврами мирового зодчества и не ошибся. Он подошёл к пониманию конструктивной основы памятника, выявив разрезку здания на пространственные блоки, относительно самостоятельные, дающие различную осадку, а это одно из условий сейсмостойкости, которое обеспечило сохранность мавзолея. Он отметил чередование больших и малых пролётов, выгодное при переменной величине распоров арок, сводов и куполов, выделил приём сосредоточения распоров на немногих точках, что даёт устойчивость сооружению при уменьшении его массы...

Другой крупной фигурой в деле изучения архитектурных памятников Средней Азии до революции был Н.И. Веселовский, писавший о мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави ещё в первой половине 1880-х годов.¹⁷ Он выступил одним из активнейших деятелей учрежденного в 1902 году Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКСВА). Ещё до зарождения РКСВА Н.И. Веселовский возглавил историко-архитектурную экспедицию (по линии Императорской Археологической комиссии) в Самарканд в 1895 – 1896 и в 1898 – 1899-х гг. В результате исследований, организованных им, появился в 1905 г. красочный альбом (уже упоминавшийся), посвящённый мавзолею Гур-Эмир в Самарканде с рисунками и чертежами академиков архитектуры П.П. Покрышкина и А. В. Щусева и текстом Н.И. Веселовского.¹⁸

29 января 1905 г. Н.И. Веселовский внёс в РКСВА предложение об ассигновании 3000 рублей на изготовление чертежей и рисунков мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. В перспективе он имел в виду издание альбома, подобного гур-эмировскому. Сознательно выделяя мавзолей Ясави наряду с самаркандскими памятниками, видя его несомненную архитектурно-художественную ценность, Веселовский писал в РКСВА: «...я предлагаю Комитету... на свои средства оборудование какого-либо отдельного здания, и с именем Комитета была бы связана судьба этого здания. Таким достойным затраты памятником является мечеть Ахмеда Ясави в г. Туркестане».¹⁹

Весной – летом 1905 г. экспедиция РКСВА под общим руководством Н.И. Веселовского в Туркестане состоялась. В ней приняли участие худож-

17 См. рукопись Н.И. Веселовского в приложении II.

18 Мечети Самарканда. – СПб.: Изд. Имп. Археологической комиссии, 1905. – Вып. 1: Гур-Эмир.

19 Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. – Ташкент: Фан, 1979. – С.83 – 84.

ники-архитекторы А.И. Горохов из Казани, А. М. Гуржиенко (Гуржеико) из Петербурга. Их работы освещались в газете «Туркестанские Ведомости». Часть материалов этой экспедиции теперь хранится в фонде отдела Востока Государственного Эрмитажа.

В июле 1905 г. Н.И. Веселовский приехал в Туркестан, осмотрел чертежи (план, фасад, разрезы), проверил скопированные художниками надписи, разобрал некоторые надписи как на стенах здания, так и на отдельных предметах.

Отчёт экспедиции должен был заслушиваться на заседании РКСВА 30 ноября 1905 г. В шестом выпуске «Известий» РКСВА за 1905 год опубликован краткий отчёт Н.И. Веселовского. Его научные выводы не всегда удачны и верны, основаны больше на догадках. Как и в работе С. Г. Маллицкого, у Веселовского сказался недостаток фактического материала. Но собранный им материал и теперь не потерял своего научного значения. Выполнено то, что нужно было сделать и что можно было осуществить в то время – натурное обследование, обмеры, фиксация сохранившегося монументального здания.

Начиная с 1890-х годов в Среднюю Азию регулярно приезжает академик В.В. Бартольд. Крупнейший русский и советский востоковед, естественно, не мог обойти вниманием такой выдающийся памятник, как мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане. Работы, специально посвященной ему, у В.В. Бартольда нет, но упоминания о нем разбросаны по многим его дореволюционным публикациям. Для изучения мавзолея Ясави среди них наибольший интерес представляет статья «О погребении Тимура».²⁰ В ней В.В. Бартольд касается истории закладки мавзолея, описанной у Шараф ад-Дина Али Йазди в связи с вопросами мусульманского религиозного культа, с типологией и терминологией культового зодчества.

Заканчивая критический обзор дореволюционных публикаций о мавзолее Ясави, коснемся ещё одной группы литературных источников. Это общие работы и путеводители по Туркестанскому краю. Они довольно многочисленны и, как правило, носят компилятивный характер. Эти книги дают очень краткие сведения об архитектурных памятниках Средней Азии и Казахстана. Описания мавзолея Ясави в Туркестане в основном повторяются в разных изданиях, иногда они противоречат друг другу. Для серьёзного изучения архитектуры они вряд ли могут представлять большой интерес.

20 Бартольд В.В. О погребении Тимура // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, 1964. – Т. II (2): Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – С.440 – 441.

Дореволюционный этап изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, несмотря на дилетантский характер некоторых публикаций, подготовил почву для дальнейших исследований памятника. Был накоплен достаточно обширный материал. Отдельные вопросы, поднимаемые в дореволюционных работах, до сих пор не утратили научной актуальности. Предпринимались попытки (не всегда удачные) перейти от собирания материала к его теоретическому осмыслению. Публикации 1890 – 1900-х гг. предшествовали появлению в 1920-х гг. обстоятельных историко-архитектурных очерков о мемориальном комплексе Ахмеда Ясави М.Е. Массона, А.А. Семёнова, позже и других авторов. Как итог дореволюционного периода изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави и признание его архитектурно-художественных достоинств и исторического веса считаем включение его в специальный сводный труд по истории архитектуры ещё в 1908 году, подготовленный архитектором Н. Султановым, много сделавшим для изучения и охраны памятников средневековой архитектуры в европейской части России.²¹

21 Султанов Н. Памятники зодчества средних веков и магометанского Востока. Атлас: Пособие для изучения истории архитектуры. – СПб.: Журнал «Строитель», 1908. – С.1, Рис. 587, 588.

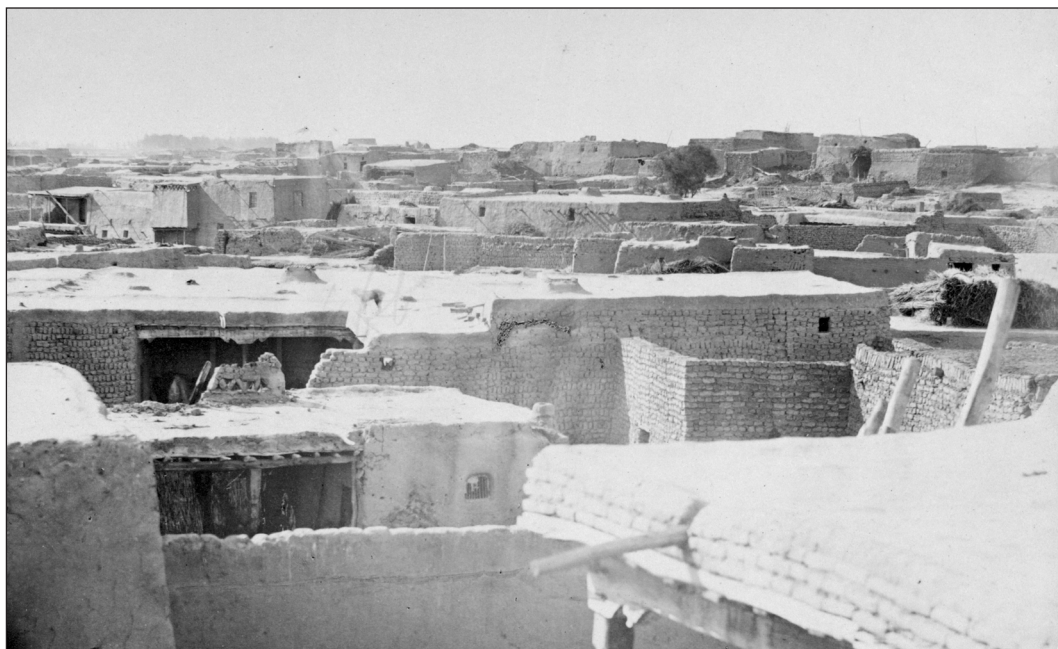
ГЛАВА IV

К СЛОЖЕНИЮ ИКОНОГРАФИИ МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ (изобразительные источники второй половины XIX – начала XX вв.)

Три явления, имеющие отношение к изучению архитектурного наследия Южного Казахстана, совпали во времени. Это начало движения русских сил в глубь Средней Азии, связанное с ним начало археологического исследования этого обширнейшего региона и быстрое освоение фотографии наукой.¹ Трамплином для этого скачка стал район Средней Сырдарьи, средневековые южноказахстанские города. Эти события происходили на фоне начавшегося усиленного развития востоковедения в Европе и России. Тогда же пробудился интерес к систематическому изучению архитектуры стран «классического ислама (Сирия, Палестина, Египет, мусульманская Испания).² Российская наука в этом процессе отнюдь не отставала. Но помимо Ближнего Востока, доступного в XIX в. для европейцев, она ещё в первой половине XIX в. сумела проникнуть в крайне изолированную от мира жизнь среднеазиатских городов. Начало накоплению визуального материала по культовому зодчеству ислама Средней Азии было положено раньше, чем в Европе. В 1841 – 1842 гг. в Бухару и Хиву была отправлена миссия подполковника К.Ф. Бутенева, известная как «бухарская экспедиция 1841 года». Благодаря участию в ней ориенталиста Н.В. Ханькова и натуралиста А.А. Лемана, она первой из многих торговых и политико-дипломатических миссий дала запланированные научные результаты. А. Леман, будучи незаурядным рисовальщиком, делает ряд рисунков памятников архитектуры Бухары и

1 Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012//4/a13-pr.html>.

2 Стародуб Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры: Автореферат дисс. ... д-ра искусствоведения. – М., 2006. – С.8.

12. Туркестан. Часть города «Базар-Баши». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

Самарканда. Его рисунки – первые в регионе иконографические документы по исламскому зодчеству.³

В последующие годы изобразительному материалу по архитектуре и археологии Туркестана, надо сказать, недостаточно в количественном отношении и по своему научному и художественному уровню, мы обязаны военным специалистам, чаще всего топографам, умевшим более или менее профессионально рисовать и проявившим интерес к местным достопримечательностям.⁴

Что касается фотоисточников по архитектуре Средней Азии, то они в России появились достаточно рано, через двадцать лет после изобретения фотографии. В деле фиксации памятников был совершён стремительный и невиданный по масштабу рывок вперёд. Первые снимки памятников среднеазиатской архитектуры были сделаны артиллерийским подпоручиком А.С. Муренко, прикомандированном к фотографическому отделению

3 [Lehman A.]. Alexander Lehman s Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – S.343 – 352.

4 Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. // Радловские чтения. 2006. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С.172.

военно-топографического депо, сопровождавшего миссию Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г. Это первые снимки из региона. 28 фотографий А.С. Муренко, демонстрирующих научный результат миссии, в том числе снимки архитектуры, в 1859 г. были преподнесены великому князю Константину Николаевичу как председателю Императорского Русского географического общества (ИРГО).⁵

После этого фотография очень быстро и эффективно была задействована в научном освоении завоеванных районов юга Казахстана и Средней Азии – фотофиксация древностей в районе Средней Сырдарьи началась сразу после взятия русскими Туркестана, Чимкента и Ташкента. Разумеется, она должна была составить конкуренцию традиционным видам изобразительного искусства – рисунку, ксилографии, литографии, живописи и т.д. Однако это произошло не вдруг, технология фотографии того времени была сложна, особенно затруднительна в полевых условиях, профессиональных фотографов было мало. Фотография в Туркестане некоторое время сосуществует с изобразительными формами фиксации действительности и вступает с ними в теснейшее взаимодействие, показателем чему служит художественное оформление книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году», где книжная графика и фотография вполне органично увязаны в заставках некоторых глав.

«Туркестанский альбом» – триумф фотографии на окраине Российской империи. Нозаметим, и после его выпуска выходили художественные альбомы по среднеазиатской тематике.⁶ Ориентализм художников, работавших в Туркестане, не вышедший из русла реалистических течений русского искусства второй половины XIX в., отчётливо сказывался на видении фотографов, создававших новый «фотографический» образ Туркестана. С другой стороны, фотография стала необходимым и эффективным инструментом для воспроизведения и тиражирования произведений художников, переводя их в плоскость книжной графики. Таковы упомянутые альбомы, своего рода синтез изобразительных форм и фо-

5 Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859 – 1917): (Фотографии Научного архива Института истории материальной культуры РАН) // РА. – 2008. – №3. – С.157; Голендер Б.А. Окно в прошлое: Туркестан на старинных почтовых открытках (1893 – 1917). – Ташкент: ЛИА Р Элинина, 2002. – С.9.

6 Верещагин В.В. Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. – СПб, 1874; Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры О.А. Федченко, исполненные Саврасовым в Москве, Сисери, Сабатье и Ламерсье в Париже. Федченко О.А. – М.: Изд-во Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, [между 1903 и 1913]. – 14 л.

тографий. Здесь сразу определилось главное для археологии и истории архитектуры качество фотографии – документальность, в то время считавшаяся синонимом научности. Субъективности видения художника, отбрасывающего «ненужные» детали и акцентирующего внимание на достойных, по его мнению, вещах, противопоставлялась беспристрастность фотокамеры, фиксирующей почти всё. Фотодокумент сразу стал ценным и объективным источником информации. Но фиксацией роль фотографии не ограничивалась. Новый способ документирования незамедлительно превращается в действенный инструмент исследования памятников архитектуры. Парадоксальным образом в фотографии проступают черты, штрихи, не фиксируемые при визуальном знакомстве с памятником, своего рода «реагент» на «оригинал» в натуре. Фотоотпечаток можно рассматривать долго и внимательно, когда не всегда есть возможность вернуться к памятнику.

Сами фотоснимки превращаются в исторические свидетельства. Благодаря им мы имеем представление о некоторых памятниках архитектуры Южного Казахстана, уже утраченных или изменившихся от разрушений и перестроек. Что мы знали бы о знаменитых сауранских башнях – минаретах портала медресе Мир-и Араб, если бы архитектор и начинающий фотограф М.К. Приоров в 1866 г. не произвёл фотосъёмку на его руинах, снимки которых вошли позже в «Туркестанский альбом» и другие издания?

Помимо документирования в фотографии заложены возможности систематизации огромного неоднородного материала. С её помощью также можно классифицировать памятники архитектуры по типам, композиции, назначению и т.д.

В современной специальной литературе имеет место крайне тенденциозная оценка «Туркестанского альбома» в духе обличения «имперского» прошлого. Однако это не совсем «репрезентативно-глянцевый экспортный образ русского Туркестана».⁷ «Туркестанский альбом» – издание дорогое, но не помпезное. «Постимперский» взгляд намеренно затеняет лучшие качества этого проекта, главным образом его научно-исследовательскую направленность и значение как исторического источника.

Годы его создания совпали со становлением фотографии как научного метода в исторических науках. Видовые альбомы выходили в

7 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана // *Ab imperio*. – 2007. – №3. – С.5.

13. Туркестан. Часть города «Ходжалык». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

России до и после воплощения кауфманского проекта. Существовали альбомы Алтайский, Амурский, Уральский... Почему же именно «Туркестанский альбом» получил столь широкий общественный резонанс (несмотря на то, что существовал всего в нескольких экземплярах) и научное признание в России и Европе? Вероятно, потому что помимо политических дивидендов и представительских целей он решал и научно-познавательные задачи. Погружение в исчезающую действительность малоизученного региона было максимально полным и выявило массу интересного материала. И за ним ощущается явственно историческая ретроспекция. Особенно это видно по археолого-архитектурной части альбома. Фиксация памятников археологии и архитектуры представляется наиболее объективной составляющей этого издания в историческом отношении.

«Туркестанский альбом» в окончательном своём варианте, насчитывающем пять экземпляров, состоял из четырёх отделов: этнографического (2 тома), археологического (2 тома) и однотомных промыслового и исторического.⁸ «Исторический» том, пожалуй, и есть парадная часть

8 Там же. С.36, 37 (прим.).

издания. В нём преобладают групповые снимки и портреты участников туркестанских походов, офицеров и солдат, отличившихся при взятии Аулие-Аты, Туркестана, Чимкента и Ташкента, в делах под Ак-Булаком и Иканом, георгиевских кавалеров, в том числе и из числа «киргизской» милиции, оказывавшей содействие генералу Черняеву. Все откровенно позируют, некоторые в картинных позах. По сравнению с этим много сложнее было изготовление промысловой и, в особенности, этнографической частей. Наблюдать жизнь народов и схватывать её интересные моменты при наличии стационарной фотокамеры и съёмке на длительных выдержках было очень затруднительно. Даже в наше время постановочная этнографическая фотография используется как научный метод. Тогда же она во многом была неизбежна. Элемент «режиссуры», некоторая искусственность отдельных снимков ощутима. Во всяком случае картинка на краткое время должна быть остановлена. Ещё сложнее было преодолеть страх мусульман перед запретом Корана на изображение человека. Большинство представителей местного населения позировали (особенно для отображения местных типов народностей) по принуждению либо за деньги. Эти затруднения усиливались при изображении женских типажей, поскольку у многих народов Средней Азии женщины не могли показываться при посторонних с открытым лицом.

Таким образом, при всей фактологической насыщенности, безусловной исторической и этнографической достоверности, их точности и правдивости данным отделам альбома в известной степени присущи условность, подчёркнутый экзотизм и некоторая театрализованность.

Археологическая часть альбома с большей степенью реальности отражает существовавшую действительность. В особенности это относится к архитектуре, которая, как это отмечалось исследователями, составляет большую часть альбома.⁹

Историчность этих снимков во многом обусловлена самими объектами съёмки. Памятник архитектуры сам по себе комплексный исторический источник, содержащий многообразную информацию. Он тесно связан с обществом, культурой, эпохой, в которую был создан. Архитектура, помимо того, что аккумулирует в себе идеи, представле-

9 Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012//4/a13-pr.html>; Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотографиях русских исследователей второй половины XIX – первой половины XX века (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2008. – С.15.

ния своего времени, ещё есть самое материальное из всех искусств. Об этом коротко, но замечательно сказал выдающийся учёный, архитектор и реставратор среднеазиатской архитектуры Б.Н. Засыпкин: «...материальная сущность памятника является неопровержимым историческим фактом».¹⁰ Фотограф, художник (впрочем, и рядовой зритель) минимально воздействуют на неё – может выбрать ракурс, освещение, время съёмки... Архитектуру меняют только время и воля человека, разрушительная или созидательная. Этот процесс часто бывает очень длительным.

«Туркестанский альбом» – ценнейшее свидетельство по средневековой архитектуре Южного Казахстана, имеющее мало аналогов. В качестве такового можно назвать английское издание 1859 года, иллюстрирующее памятники исламской архитектуры в Индии. В альбом, состоящий из 83 листов, включены мусульманские мавзолеи и мечети XVI в., находящиеся в Биджапуре (Южная Индия).¹¹ Но в «Туркестанском альбоме» архитектура была обширной, но не единственной областью. Он показывал широкую панораму истории и жизни завоёванного края.

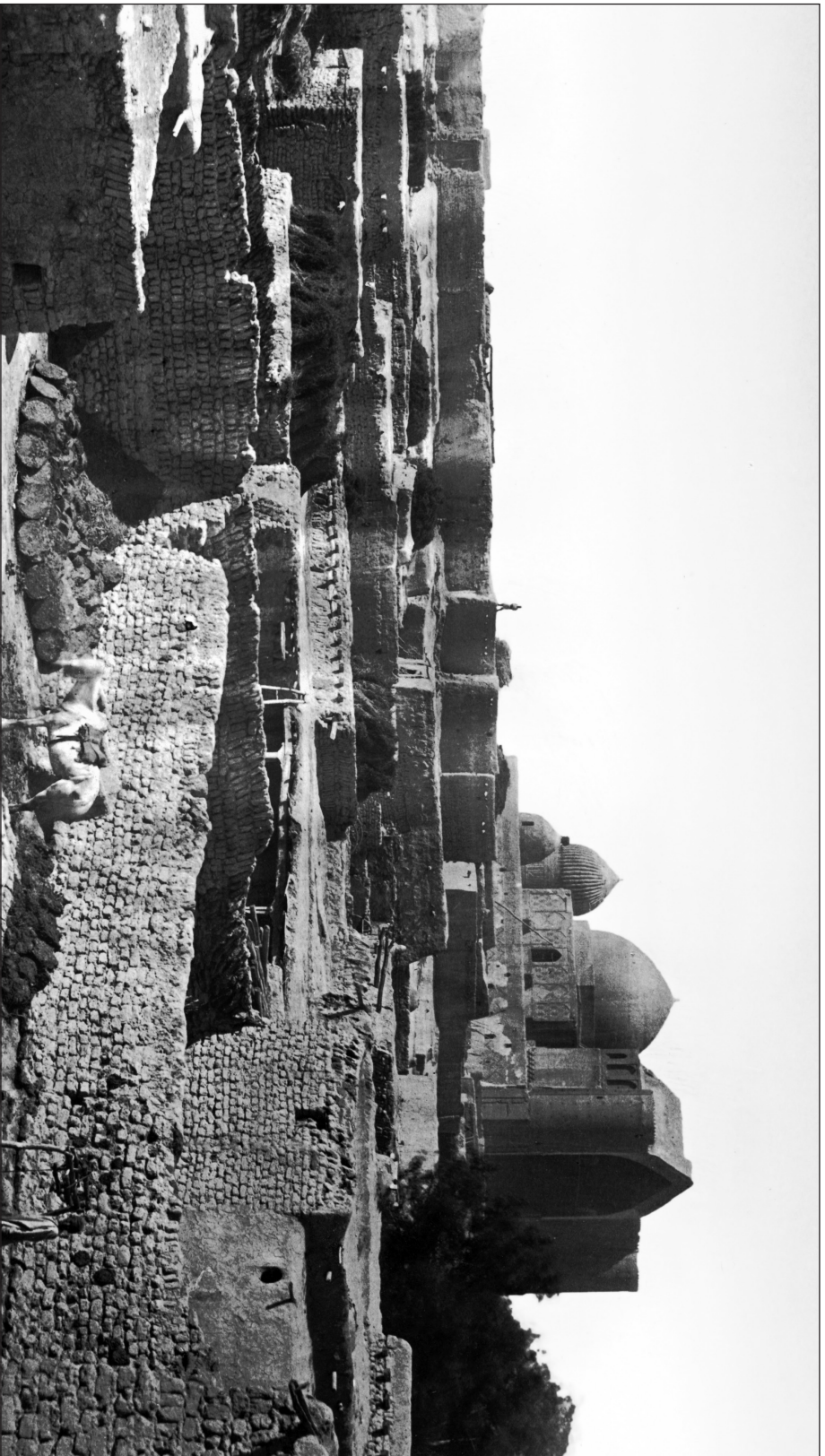
История создания «Туркестанского альбома» достаточно хорошо изучена.¹² Мы коснёмся её в той мере, в какой она будет относиться к истории изучения средневековой архитектуры Южного Казахстана.

Все авторы единодушны в том, что замысел «Туркестанского альбома» целиком принадлежит Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон-Кауфману. Но, возможно, эта идея возникла несколько раньше. К.П. фон-Кауфман её воспринял и осуществил, имея для этого соответствующий административный ресурс и необходимые средства. В 1866 г.

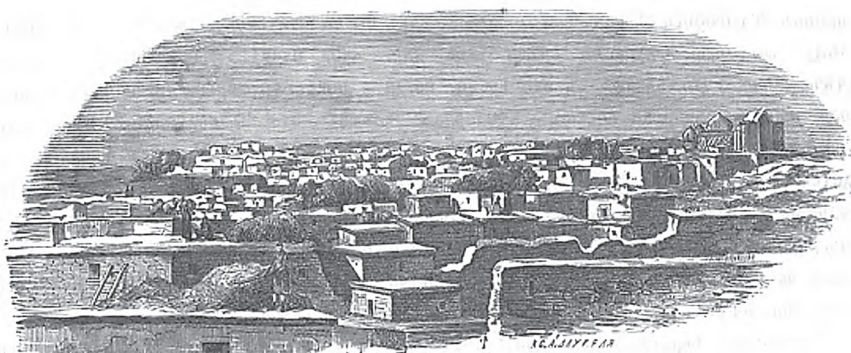
10 Цит. по: Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии (деятельность историка, архитектора и реставратора Бориса Засыпкина) // Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX века. – М., 1999. – С.99.

11 *Architektural illustrations of the principal mahometan buildings of Beejapore: Executed under the direction of Bartle Frere esq. B.C.S., resident at Saattara, by capt. Philip D. Hart b.e. assisted by Alex. Camming, civil engineer, and nanive drafismen . Edited by James Fergusson. – London: Cundall and Downes. – 83 sh.*

12 См. ссылки на литературу и материалы ЦГА РУз. в статье С.М. Горшениной. – Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных проектов России... С.31 – 47; также: Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX вв. ... С.15 – 16; Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века (Из собрания МАЭ РАН) // Культурное наследие Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.: Наука, 2006. – С.220 – 222 (Кунсткамера, Сборник МАЭ РАН, Т.52); Вишневецкая В.А. Фотоальбом 1874 г. по этнографии Средней Азии в собрании МАЭ // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Май 1989 г. – Л., 1990. – С.56 – 58 и др.

Вид города Туркестана и мавзолеев Холжи Ахмеда Ясави. Фото М.К. Приорова. 1866 г. Из «Туркестанского альбома». 1871 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОТЪ ТУРКЕСТАНА ДО ЧИМКЕНДА.

азланное море грязи въ небольшомъ овражкѣ остановило насъ на нѣкоторое время. Тройка не могла вытянуть телеги, ужъ ящикъ бился и такъ и сякъ.

— Пошелъ на станцію, переѣхни лошадей, сердился я.

— Ай, турия, на станціи лошади еще хуже; нечего туда и посылать. Вотъ нельзя ли у кого-нибудь изъ казаковъ взять лошадын,—говорилъ растерявшійся киргизенокъ.

Я обратился къ казакамъ; одинъ изъ сибирскихъ казаковъ далъ своей лошади, и тройка свободно вывезла телегу изъ грязи.

— Откуда эта поганая грязь?—спросилъ я.

— Арыкъ прорвало,—отвѣчалъ ящикъ.

Нужно замѣтить, что немного выше здѣсь протекаетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ арыковъ и дѣлится на два русла. Большая часть воды течетъ въ другомъ направленіи, а меньшая проходитъ здѣсь. Размыло плотину, и вода потекла сюда. Арыкъ уже былъ исправленъ, но здѣсь вода не просохла, скопившись въ ямкѣ.

Выѣхавши за городъ, я оглянулся на Туркестанъ. Азретъ—Султанъ красовался во всемъ своемъ величии. Длинная линія стѣны обхватывала весь городъ. Должно быть правду говорилъ комендантъ, что если бухарцы нападутъ на Туркестанъ, то ему трудно будетъ защищать городъ, такъ какъ приходился одинъ солдатъ на пятьдесятъ сажень стѣны; ему оставалось бы только запереться въ цитадели и выжидать, да и тамъ было трудновато, потому что одинъ солдатъ приходился на семнадцать сажень; всего же войска было въ распоряженіи коменданта до трехъ сотъ человекъ, изъ которыхъ пятьдесятъ казаковъ находились постоянно въ разъѣздахъ, въ конвоированіи транспортовъ и т. п.

Туркест. край.

10

из Оренбурга в Ташкент проследовал полковник А.К. Гейнс в составе комиссии министерств военного и внутренних дел для выработки законодательства по управлению завоёванными областями. Эта поездка во многом носила характер историко-этнографической экспедиции. Он отметил в своём дневнике: «В Уральском укреплении мы нашли Приорова с фотографией. Я очень рад этому, потому что буду иметь альбом хоть с части степи».¹³

Некоторое время считалось, что создание «Туркестанского альбома» было приурочено к открытию Политехнической выставки в Москве в 1872 г.¹⁴ Туркестанский отдел Политехнической выставки готовился по инициативе К.П. фон-Кауфмана и частично на его средства при участии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Подготовка велась в Ташкенте с марта по сентябрь 1872 г.¹⁵ В этот же период, благодаря привезённым А.Л. Куном из Петербурга фотоматериалам несколько военных и профессиональных фотографов ведут съёмку всех местностей Средней Азии, подконтрольных русским силам.¹⁶ Эти поистине тотальные фотосъёмки были частью большой исследовательской и собирательской программы, связанной прежде всего с выставочной деятельностью. На Туркестанской выставке 1869 года и Московской этнографической выставке 1867 года Туркестанский край был представлен вещественным и изобразительным материалом, в том числе и по югу Казахстана.¹⁷

На Московской этнографической выставке 1867 г. демонстрировались фотографии М.К. Приорова, собранные в альбом. Этот альбом, мало известный даже в научных кругах, предшествовал капитальному труду Куна-Кауфмана. Начало ему дали фотографии, сделанные М.К. Приоровым в 1866 г.

Для «Туркестанского альбома» работали несколько фотографов (Н.Н. Нехорошев, Г.Е. Кривцов, Н.В. Богаевский, М.И. Бродовский). С.М. Горшенина включает в этот список А.Л. Куна и М.К. Приорова.¹⁸

13 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собр. литер. трудов: В 3-х тт. _ СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1898. – Т.II. – С.214.

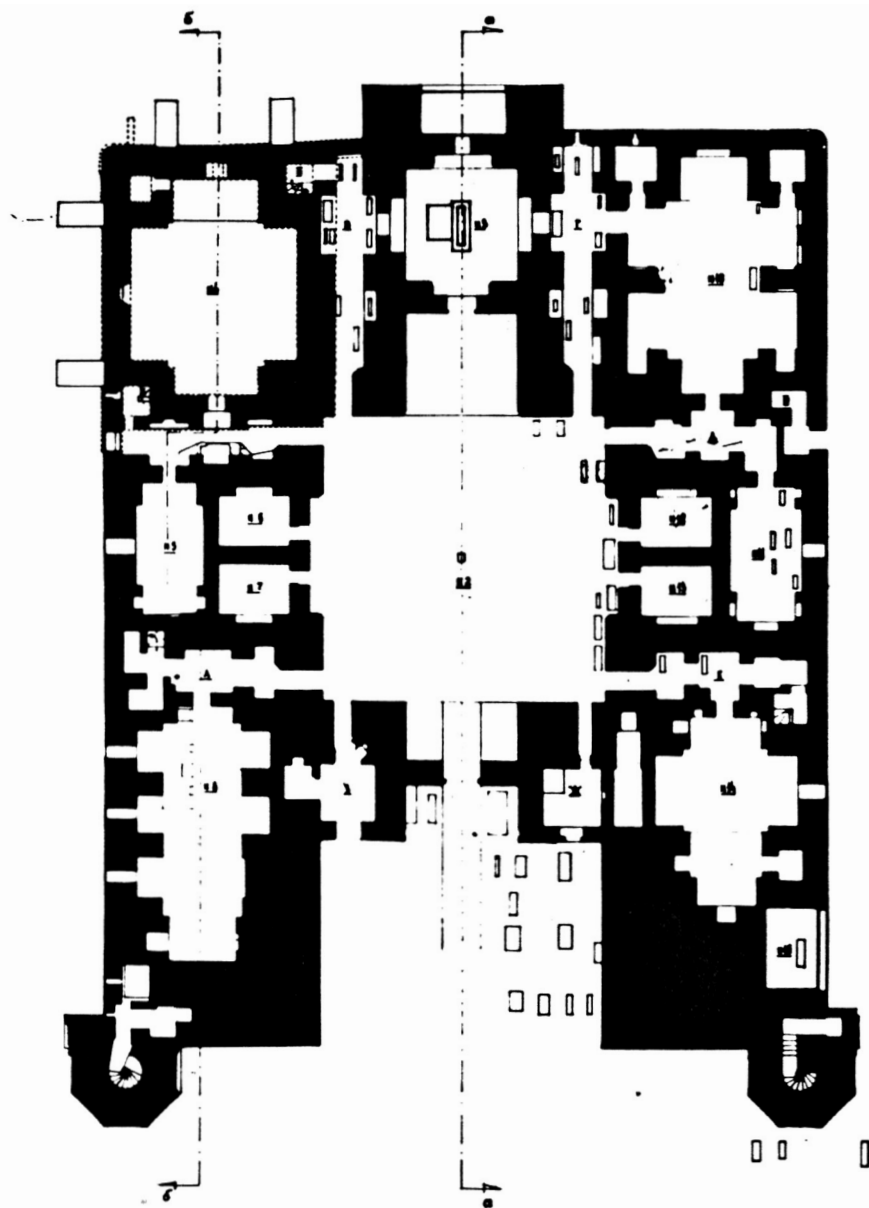
14 Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX века... С.8.

15 Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века... С.220.

16 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.32 – 33, 34.

17 Там же. С.33.

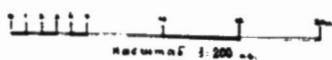
18 Там же. С.34.

ТУРКЕСТАН.

МАУЗОЛЕЙ ХОДЖА-АХМЕД-ЯСАВИ.

План 1го этажа.

Сентябрь 1938 г.
 Автор проекта
 Лейтенант Я.И.
 Соколовский В.И.
 Консультант
 проф. Е.К.Коновалов

План первого этажа мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, снятый в 1884 г. инженером А.В. Печенкиным

Фотографии М.К. Приорова являются первыми по времени создания, включённые в «Туркестанский альбом». До этого они публиковались и в других изданиях. Его можно считать первым фотографом, работавшим в Южном Казахстане. Он, судя по свидетельству А.К. Гейнса, делал первые шаги в фотографии. М.К. Приоров (ок. 1840 – после 1902),¹⁹ судя по всему, был человеком выдающихся способностей. П.И. Лерх упоминает о нём с оттенком уважительности.²⁰ Он был военным инженером. Закончил Николаевскую инженерную академию. В чине поручика руководил участком инженерно-земляных работ при взятии в 1866 г. Джизака. После службы в Оренбурге и Туркестане работал в Санкт-Петербурге. Владел там техническим бюро. Построил в столице ряд доходных домов. Дослужился до полковника. Неизвестно, вышел он в отставку или был разжалован (его называют «бывшим полковником»), но он был сослан на поселение в Томск.²¹ Известны его церкви, построенные в 1890 – 1900-х гг. в Подмосковье. В 1897 г. основал Первые Московские строительные курсы (курсы Приорова), (нынешний МГСУ).²² О том, что Приоров был архитектором, А.К. Гейнс упоминает при описании главного купола мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане:²³

О причастности Приорова к началу археологического изучения Южного Казахстана свидетельствует Н.С. Лыкошин. Он пишет, что П.И. Лерха в его известной археологической поездке в Туркестан в 1867 г. сопровождал адъютант Оренбургского генерал-губернатора М.К. Приоров. В конце 1867 г. на общем собрании ИРГО были показаны рисунки древностей Джанкента, сделанные М.К. Приоровым.²⁴

19 Эти даты относительно. Некоторые архитектурно-биографические словари указывают конкретную дату рождения – 1842 год, а год смерти неизвестен. Но последняя его постройка датируется 1908 годом.

20 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1870. – С.12.

21 Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). – Томск: Изд-во Томского Гос. архитектур.-строит. ун-та, 2004. – С.65, 123.

22 Московский государственный строительный университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://ru.Wikipedia.org/wiki/Московский государственный строительный университет](http://ru.Wikipedia.org/wiki/Московский_государственный_строительный_университет).

23 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан... С.272.

24 Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. М. Елеуов, М.М. Бахтыбаев. – Туркестан: Туран, 2011. – С.18 – 29.

14. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Главный портал. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

Работы Приорова, несомненно, были известны археологам. П.И. Лерх в своей работе, написанной по результатам поездки 1867 г., отмечает приоровские фотографии памятников архитектуры Саурана, сделанные в 1866 г., и рисунки мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане в книге П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году», выполненные по фото М.К. Приорова.²⁵

На книге Пашино²⁶ считаем нужным задержать внимание. Некоторые западные исследователи (Хитер С. Зоннтаг, США) считают, что часть альбома Приорова вошла в книгу Пашино.²⁷ Это утверждение не стоит воспринимать буквально – лишь некоторые фотографии были *использованы* в переработанном виде в ее оформлении. Издание этой книги также кос-

25 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С.12, 26.

26 Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. – СПб.: типу Тиблена и К (Неклюдова), 1868. – 179 с., ил., карт.

27 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.33.

венным образом повлияло на сложение «Туркестанского альбома». Сама по себе она является ценнейшим литературным и визуальным источником по истории, этнографии и средневековой архитектуре Южного Казахстана. Оформление этой, одной из лучших для второй половины XIX в. в полиграфическом отношении книги даёт великолепный синтез фотографии и книжной графики. Она положила начало иконографии памятников архитектуры Средней Сырдарьи, до того известной, так сказать, на «вербальном уровне», по очень скудным упоминаниям в периодической печати.

Исходным материалом для иллюстрирования книги Пашино стали рисунки и этюды художника-пейзажиста Д.В. Вележева²⁸ и М.К. Приорова.

Упомянутой поездке А.К. Гейнса в Ташкент предшествовала экспедиция, которую возглавил флигель-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков. При нём состоял П.И. Пашино, драгоман Азиатского департамента Министерства внутренних дел.²⁹ Эта командировка также носила научный характер. На Пашино возлагались обязанности «сбора всех необходимых научных и других сведений о Туркестане и соседних среднеазиатских ханствах». Такие же задачи стояли и перед художником Д.В. Вележевым, ехавшим вместе с Пашино. За три месяца своего путешествия и пребывания в Ташкенте П.И. Пашино успел собрать материал и быстро написал книгу «Туркестанский край в 1866 году». По мнению Б.В. Лунина, она была одним из первых (едва не первым) описаний Туркестанского края в период его включения в состав Российской империи.³⁰

15. Н.И. Веселовский
(1848 — 1918)

28 Дмитрий Васильевич Вележев (1841 – 1867), классный художник 3-й степени. О нём см.: Ёлгин Ю.А. Первый художник в Чимкенте // Культурное наследие Южного Казахстана: Сборник статей, посвящённый 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 2002. – С.158 – 162.

29 Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки. – Ташкент: Фан, 1974. – С.273.

30 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895 – 1917 гг.). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.255.

Для иллюстрирования и оформления книги Пашино был использован далеко не весь, но значительный материал, созданный Д.В. Вележевым в их совместном путешествии. Художник А.В. Гине, соученик Д.В. Вележева по классу пейзажной живописи в Академии художеств, исполнил по его рисункам и живописным работам около двадцати литографий. Книгу украсили также 35 заставок и концовок, гравированных на дереве А. Даугелем по рисункам В. Крюкова с набросков Вележева.

Литографии изображали виды Туркестана, Чимкента, Ташкента, Ходжента. Полностью они вошли не во все экземпляры книги Пашино. Они были помещены в виде вклеек, расположенных произвольно. Эти листы выполнены в технике так называемой «литографии с тоном», когда основной рисунок напечатан тёмной краской, а сверху он покрывается светло-серым и охристым цветом; кое-где изображение оживляют белые блики (на некоторых видах Ташкента небо окрашено бирюзовым тоном).³¹ По сути – это цветной литографический эстамп. Все вклейки были отпечатаны в Петербургской мастерской «Литография Беккера и К», о чём свидетельствуют надписи на них.

При более внимательном рассмотрении выясняется, что не все рисунки Вележева попали в книгу Пашино. Прежде всего это относится к изображениям самых известных памятников архитектуры – Саурана и г.Туркестана. На одной из вклеек помещено изображение туркестанского базара, литографированное по рисунку Вележева. Вид мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави с юго-запада (в подписи ошибочно указано – с востока) литографирован с фотографии М.К. Приорова, сделанной также в 1866 г., но позже вележевских этюдов. Он также выполнен в технике «литографии в тоне» и мало отличается от других литографий, сделанных с художественных оригиналов. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави М.К. Приоров сфотографировал и с другой, юго-восточной стороны. По этому снимку А. Даугелем была гравирована заставка к главе шестой книги Пашино «Г. Туркестан». На это прямо указывает П.И. Лерх: «Рисунок с туркестанской мечети, резанный на дереве по фотографии М.К. Приорова, опубликован в вышеприведённом сочинении г. Пашино (Туркестанский край в 1866 г.) на стр. 63».³²

Основой этой композиции послужил снимок, сделанный М.К. Приоровым. Концовка главы о Туркестане также изображает развалины Саурана. Гравирована она не по фотографии, а по рисунку

31 Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии: (К 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. – 1946. – №6. – С.94.

32 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С.16.

Д.В. Вележева. Следующая седьмая глава книги Пашино «От Туркестана до Чимкенда» полностью оформлена по вележевскому материалу. На заставке дана панорама г. Туркестана с юго-западной стороны с мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави на заднем плане. В концовке использован рисунок мавзолея Рабии Султан-Бегим в г. Туркестане.

Вышеописанные фотографии М.К. Приорова вошли в 1871 г. в «Туркестанский альбом». Судьба среднеазиатского материала Вележева неизвестна. Между тем известно, что Д.В. Вележевым был сделан подробный рисунок мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, изображающий его с юго-востока. Он почти идентичен фотографии М.К. Приорова.

Уместно сделать предположение, что первый профессиональный художник, работавший в Южном Казахстане, и первый фотограф, сделавший первые фотоснимки мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, встретились в Туркестане. Когда М.К. Приоров в сентябре 1866 г. следовал в Ташкент вместе с экспедицией А.К. Гейнса, художник Л.В. Велележев уже отправился вслед за высланным из Туркестанского края П.И. Пашино. Художник с мольбертом в нижнем левом углу фотографии мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, сделанной М.К. Приоровым, не мог быть ни кем иным, как Д.В. Вележевым.³³

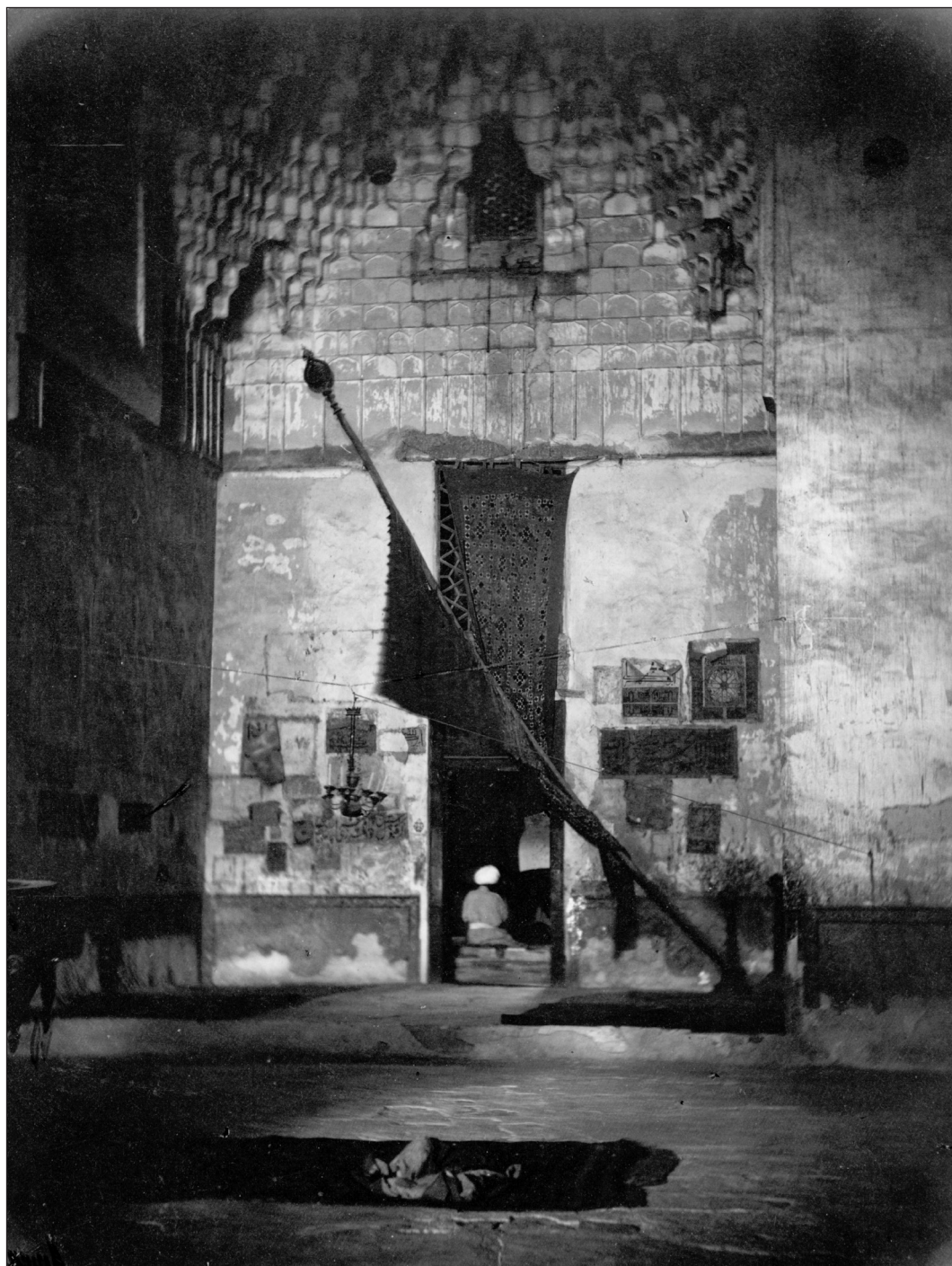
Полагаем, что рисунок мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави не попал в книгу Пашино потому, что в июне или июле 1866 г. был использован рядом периодических изданий. С него был сделан ряд компилятивных композиций, выполненных в технике гравюры на дереве.

При атрибуции изображений мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, сделанных как художественных оригиналов, равно как и с фотографий, возникают некоторые затруднения. Под одинаковыми, казалось бы, картинками стоят разные авторские подписи (иногда до трёх-четырёх). Объясняется это полиграфическими возможностями того времени. Воспроизведение в печати возможно было в виде гравюры на дереве. Поэтому под такими иллюстрациями ставилось сначала имя художника, автора исходного рисунка (иногда оно забывалось, как в случае с рано умершим Д.В. Вележевым), затем фамилия рисовальщика по дереву (или камню), потом гравёра.³⁴

Предполагаем, что первое воспроизведение рисунка мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави появилось в августе 1866 г. в «Военном сборни-

33 На эту интересную деталь обратил моё внимание Б.А. Байтанаев, мой соавтор по нескольким публикациям по истории архитектуры Южного Казахстана. Отдаю должное его наблюдательности и научной скрупулезности.

34 Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. ... С.172.

Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Ниша гурханы. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

ке» без указания на авторство.³⁵ Более художественное изображение мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави по оригиналу Д.В. Вележева было опубликовано уже после смерти художника и выхода книги Пашино в июне 1870 г. в журнале «Всемирная иллюстрация». Там же были напечатаны гравюры с других рисунков Д.В. Вележева, частично уже известные по книге Пашино: «Типы сартов», «Казалы, церковь в форте 1-й», «Могила Кармакчи», изображающие казахские мавзолеи, виды базаров в Перовске и Туркестане.

На гравюре из «Всемирной иллюстрации» подписи в имени художника допущена ошибка (И. Вележев вместо Д. Вележев). Печатную доску резал гравёр Н. Кондем, рисовал на дереве А.Н. Писченков.³⁶

Книга П.И. Пашино с её замечательными иллюстрациями в сжатом виде содержала программу историко-этнографического и археолого-архитектурного изучения края (типы и виды Туркестана, промыслы и занятия, обычаи и быт и т.д.), масштабную реализованную в «Туркестанском альбоме» средствами фотографии.

Фотографиями М.К. Приорова, сделанными в Южном Казахстане, воплощение проекта К.П. фон-Кауфмана начиналось, здесь же оно и завершалось – последние фотосъёмки велись в Казалинске, Аулие-Ате и Чимкенте.³⁷

Этот материал никогда не лежал мёртвым грузом. Снимки из «Туркестанского альбома» неоднократно копировались, активно использовались дореволюционными и советскими археологами и историками архитектуры. Казахстанская часть альбома в 2005 г. была издана отдельным томом, повторяющим формат и оформление оригинала.³⁸ Многие фотографии также вошли в книгу-альбом

16. В.Л. Вяткин
(1869 — 1932)

35 Бекчурин М.-С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8. – С.209 – 217.

36 Писченков А. Путевые заметки по дороге в Ташкент // Всемирная иллюстрация. – 1870. – II год. – Т.III. – №76. – С.421 – 422.

37 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.34.

38 Кун А.Л. Туркестанский альбом. 1871 – 1872. – Алматы: ОФ Берел, ТОО Asia line, 2005. – 166 с.

«Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях».³⁹

Хотя основы изучения архитектуры ислама в Средней Азии и Казахстане были заложены уже во второй половине 1860 – начале 1870-х гг., оно ещё долго находилось в состоянии накопления фактического материала. С другой стороны, мы не можем согласиться с утверждением А.А. Формозова, что «Жемчужины зодчества Средней Азии заметили далеко не сразу после её присоединения к России».⁴⁰ История изучения мавзоля Ходжи Ахмеда Ясави в г.Туркестане полностью опровергает это. Первое подробное описание этого памятника было сделано выдающимся учёным, зоологом и путешественником Н.А. Северцовым, обладавшим широчайшим научным кругозором, ещё в 1859 г.⁴¹ Но в целом значимость архитектуры мусульманской Средней Азии российскими историками была осознана много раньше, ещё в первой трети XIX в. Историк Н. Погодин отметил во введении к своей «Истории русского народа» значение памятников Самарканда.⁴²

После выхода «Туркестанского альбома» изучение архитектуры ислама до организации Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) в 1895 г. (во многом и в деятельности его членов) шло по пути накопления фактического материала. Собранный материал 1870 – 1917 гг. расплён по различным печатным изданиям самого широкого диапазона: т.н. «литература путешествий» и мемуарная литература, из которой что-то издаётся с большим запозданием, публицистика и материалы периодической печати, очень многообразной, сочинения по истории, географии, этнографии...

17. Н.Ф. Петровский
(1837 — 1908)

39 Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. – СПб.: Лики России, 2006. – 304 с. Второе издание вышло в 2010 г.

40 Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – С.172.

41 Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. – СПб.: Кушелев – Безбородко, 1860 – С.77 – 78. Впервые: Русское Слово. – 1859. – №10.

42 Полевой Н. История русского народа. – М.: Типогр. Августа Семена при Имп. Медико-хирургической академии, 1829. – Т.I. – С.XXVI.

Жанр «литературы путешествий» не всегда был легковесным чтением – в форму путевых записок, дневников, воспоминаний очерков часто облекали свои работы некоторые серьёзные исследователи, как отечественные (Г.А. Арндаренко, В.В. Верещагин, А.К. Гейнс, И.И. Зарубин, П.И. Пашино, Н.А. Северцов, Н. Сорокин, А.П. Хорошхин и др.), так и зарубежные (С. Гедин, Г. Мозер, Ш.-Э. Ужвальви, Э. Скайлер и др.). Труды последних быстро переводились на русский язык и оперативно издавались в России. Часто труды названных авторов были иллюстрированы снимками из «Туркестанского альбома», гравированными или литографированными, другими рисунками, включая малоизвестные изображения туркестанской святыни.

18. В.В. Бартольд
(1869 — 1930)

Пионеры туркестанского востоковедения, большинство из которых имели историко-востоковедное или филологическое образование, были археологами по своим научным увлечениям. До открытия ТКЛА и во время его плодотворной работы они полагали главной своей задачей археологическое изучение ранней истории Средней Азии. Стояли перед ними и другие глобальные вопросы, например, проблема этногенеза среднеазиатских народов и связанная с ней идея о «великой арийской расе», её культуре, истоки которой искали в новоприобретенном регионе. Памятники архитектуры развитого средневековья попадали в орбиту их научных интересов не как собственно произведения зодческого искусства, а как носители другой информации – эпиграфики, генеалогии, истории религиозных учений и т.п.

Во второй половине XIX в. архитектурные памятники Средней Азии и юга Казахстана воспринимались в качестве археологических объектов (впрочем, эпиграфика, письменные источники, нумизматика и проч. тоже в ту пору связывались с археологией).⁴³ Заметим, что в «Археологической части» «Туркестанского альбома» преобладали именно памятники культовой архитектуры средневековья. При этом, как ни парадоксально, именно *археологическое* их изуче-

43 Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии...С.28 – 62.

ние отставало долгие десятилетия. На отсутствие востоковедов архитектурных специальностей указывали Н.С. Лыкошин,⁴⁴ а позже Б.В. Лунин.⁴⁵

Недостатки дореволюционного периода изучения архитектуры Южного Казахстана начали исправляться к середине первого десятилетия XX в., когда с ТКЛА стали сотрудничать архитекторы и гражданские инженеры, работавшие в Туркестанском крае (уже упоминавшиеся В.С. Гейнцельман, С.Г. Маллицкий), и к изучению средневекового зодчества Средней Азии были привлечены крупные российские архитекторы (А.В. Щусев, П.П. Покрышкин), а также художники-архитекторы, имевшие академическую подготовку – С.М. Дудин, А.И. Горохов (из Казани), А.М. Гуржиенко (из Петербурга). Усилия их были направлены на фиксацию и изучение крупнейших построек Тимура в Самарканде, в том числе мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане. Немалая заслуга в организации этих работ принадлежит Н.И. Веселовскому, российскому ориенталисту и археологу (1848 – 1918). Важный вклад и формирование иконографии мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави сделан экспедициями в г. Туркестан, организованными его стараниями (о чём упоминалось выше).

Н.И. Веселовский одинаково много сил отдал как археологии Средней Азии, так и изучению средневековой архитектуры, которое он стремился поставить на научную основу. В.В. Бартольд писал об этом: «Ещё во время командировки 1885 г. (в Среднюю Азию. – Ю.Ё.), как показывает прочитанный им в марте 1886 г. доклад о Шах-и Зинде, он наряду с производством раскопок на местах древних городищ обратил внимание на необходимость изучения архитектурных памятников, сохранившихся на поверхности земли».⁴⁶ На протяжении более чем двадцати лет архитектура мусульманской Средней Азии в научной деятельности Н.И. Веселовского занимала очень важное место. В своих работах он также использовал материалы из «Туркестанского альбома».⁴⁷

Вклад Н.И. Веселовского как *инициатора и организатора исследований* в изучение средневековой архитектуры несопоставим с усилиями других востоковедов-археологов в этой области. Его деятельность подводит своеобразный итог дореволюционному периоду

44 Там же. С.49.

45 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане... С.107.

46 Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.660.

47 Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. – Ташкент: Фан, 1979. – С.79.

архитектуроведения и вместе с тем наглядно характеризует достижения и недостатки, обусловленные условиями того времени.

Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави можно считать итоговой точкой в данной сфере деятельности Н.И. Веселовского и неоценимым вкладом в его иконографию.

Архитектурная иконография мавзолея Ясави, начало которой было положено в первой половине XVIII в. описанным выше чертежом Д.Г. Мессершмидта, было продолжено в изобразительном искусстве и фотографии. После Л.В. Вележева в Туркестане побывал титан русской живописи В.В. Верещагин, отразивший мавзолей Ясави в крупных живописных полотнах и графических изображениях, тиражировавшихся в русских и зарубежных изданиях, периодической печати. И в начале XX в. художники неоднократно обращали внимание на этот памятник. Известны работы А.В. Исупова «В старом Туркестане», «Мечеть Хазрета Ахмета Яссавийского» (1910-е гг.), Бурэ Л.Л. «Туркестан. Внутренность мечети Хазрет-Султана» (1909 г.) и многие другие. После выхода «Туркестанского альбома» с фотографиями М.К. Приорова мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави фотографировался неоднократно. В начале XX в. такие снимки (иногда с них делались литографические изображения), тиражировались в виде почтовых открыток. После революции графическая фиксация памятника в чертежах и рисунках, а также в фотографии была продолжена в более широком масштабе и на новом техническом уровне.

Для своего времени достижения в области изучения средневековой архитектуры в Туркестанском крае выглядят достаточно весомыми и заслуживают уважения. Южный Казахстан в этот период (и ещё долгое время) не мог быть изучен в должной мере. Но он не оставался без внимания крупнейших отечественных ориенталистов и западных исследователей, работавших или бывавших в Туркестанском крае. Безусловно, мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави представлял для них особый интерес.

ГЛАВА V

МАВЗОЛЕЙ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ В 1920-е ГОДЫ. ИЗУЧЕНИЕ. РЕМОНТ. РЕСТАВРАЦИЯ

Не будет большим преувеличением сказать, что история архитектуры Казахстана начиналась с изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане. На этом памятнике сфокусировались почти все линии развития архитектуроведения как в Казахстане, так и во всем среднеазиатском регионе; здесь, как, в зеркале, отразились все сложности этого движения – от незнания к знанию, от накопления материала к обобщениям, от догадок и заблуждений к научно обоснованным выводам.

Библиография по этому памятнику довольно обширна, но сколько-нибудь полного архитектурно-историографического очерка его изучения не написано.

Л.Ю. Маньковская, архитектор-куратор мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в 1955 – 1959 гг., впервые собрала и систематизировала сведения о его ремонтах с XVI в. по 1959 г. и критически осмыслила работы исторического плана С.Г. Маллицкого, А.А. Семёнова, М.Е. Масона и др. Её диссертационный материал остался неопубликованным.¹ Приступая к реставрации туркестанского мавзолея, Б.Н. Засыпкин подвёл итоги предыдущих исследований (главным образом археологических и инженерных). Его наблюдения, обобщения и выводы отложились в архивах. Введение в научный оборот упомянутых материалов особенно актуально теперь; не так давно (1994 – 1995 гг.) началась кардинальная реставрация мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави реставраторами Казахстана и Турецкой Республики. Её нельзя признать удовлетвори-

1 Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса – мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане и вопросы его реставрации: Автореферат. дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1963. С. 5.

тельной. Одной из главных причин этого является, на наш взгляд, недостаточное изучение предыдущего опыта, равно как и самой истории изучения памятника.

Вышеупомянутая небольшая статья ташкентского архитектора М.Т. Махмудовой об исследовании и реставрации мавзолея Ясави, конечно, не может охватить всей проблематики изучения и восстановления этого масштабного памятника, очень многое в ней лишь обозначено пунктиром, а изучение памятника в 1920-е годы целиком выпало из поля зрения автора.²

Между тем именно в 1920-е гг. был сделан огромный, по сравнению с дореволюционным этапом, шаг вперёд в изучении мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави и в архитектуроведении в целом.

Чтобы уловить преемственность в изучении мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави до революции и после неё, чтобы вместе с тем подчеркнуть позитивный сдвиг в этом деле, происшедший в 1920-е гг., очень кратко остановимся на первоначальном этапе изучения данного объекта. Писавшие о нем в 1860 – 1910-е гг. обнаружили во многом дилетантский подход к этому шедевру архитектуры. На это сооружение бросали мистический отсвет два чрезвычайно значимых для народов Средней Азии и Казахстана имени: поэта, мистика, суфия Ходжи Ахмеда Ясави и донатора его мавзолея эмира Тимура. Многих авторов интересовали, прежде всего, легенды и предания, связавшие в единое мавзолей, погребённого в нём поэта и могущественного строителя этого архитектурного комплекса. Поэтому до революции памятник полнее всего был изучен в фольклорно-этнографическом отношении.³ Ни археолого-архитектурное, ни тем более инженерное обследование не проводились. Мелкие фрагментарные ремонты 1870 – 1880-х гг. носили характер экстренных противоаварийных мер и были направлены на поддержание памятника. Даже более значительные мероприятия дореволюционного периода, такие как работы РКСВА при Министерстве иностранных дел, проведённые летом 1905 г. под руководством Н.И. Веселовского (натурное обследование, обмеры, фиксация деталей, чтение эпиграфики), и довольно крупный ремонт 1910 г. мало дали для выявления истории создания комплекса и понимания его архитектурного строя. Первым, кто предпринял попытку историко-архитектурно-

2 Махмудова М.Т. Из истории исследования и реставрации мавзолея Ахмада Ясави в Туркестане // АСУ. – 1989. – №10. – С.25 – 27.

3 Ёлгин Ю.А. К истории изучения архитектурного комплекса Ходжи Ахмеда Ясави во второй половине XIX в. – 1917 г. // Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави: (Библиографический указатель) / Сост. и автор, вступ. статьи Ю.А. Ёлгин. – Шымкент, 1992. – С.15.

го исследования мавзолея Ясави, был С.Г. Маллицкий. Сегодня очевидна ошибочность многих его выводов. Но будучи инженером по образованию, он ближе других современников подошел к пониманию конструктивной основы памятника и попробовал проанализировать планировочную структуру здания. Хотя С. Г. Маллицкий стремился придерживаться принципа историзма, всё же на том этапе изучения местного зодчества он не мог подняться до его объективной оценки.⁴

Ошибки того времени закономерны, но главное состоит в том, что памятник тогда не предали забвению и не уничтожили (его собирались разбирать), русская колониальная администрация не забывала о нем, он был постоянно объектом внимания научных обществ (в частности, членов ТКЛА) и отдельных ориенталистов. Первоначальный этап изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави ещё не мог дать больших результатов, хотя бы потому, что, собственно, не было такой научной дисциплины, как история архитектуры Средней Азии, а на недостаточном материале не могла возникнуть концепция сложения комплекса. Тем не менее основа для его дальнейшего изучения закладывалась уже тогда.

В 1911 г. специальная комиссия осмотрела туркестанский мавзолей и опечатаала аварийные помещения.⁵ После 1916 г. он выпал из поля зрения административных органов, научных учреждений и обществ.⁶

Начало следующего этапа в изучении мавзолея Ясави совпало с учреждением декретом Совнаркома Туркеспублики № 127 от 23 мая 1921 г. Туркестанского Комитета по делам музеев, охраны памятников старины и природы (Туркомстарис, после национального размежевания конца 1924 – 1925 гг. Средазкомстарис).⁷ Первым объектом в списке памятников, переданных в ведение Туркомстариса и подлежащих в пер-

4 Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавайского в гор. Туркестане // ПТКЛА – 1907. – Вып.12. – С.6 – 28.

5 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типолит. №2 Узполиграфтреста, 1930. – С.11.

6 В пятилетний промежуток, когда мавзолей оставался в неведении, можно только отметить упоминание А.А. Семёнова, что 25 января 1917 г. прапорщик Рузов сделал «эскизы подсвечников с их подробными обмерами» (См.: Семенов А.А. Мечеть Ахмеда Есевийского в г.Туркестане: Результаты осмотра в ноябре 1922 г. // Известия Среднеазиатского Комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы. – Ташкент, 1926. – Вып.1. – С.124).

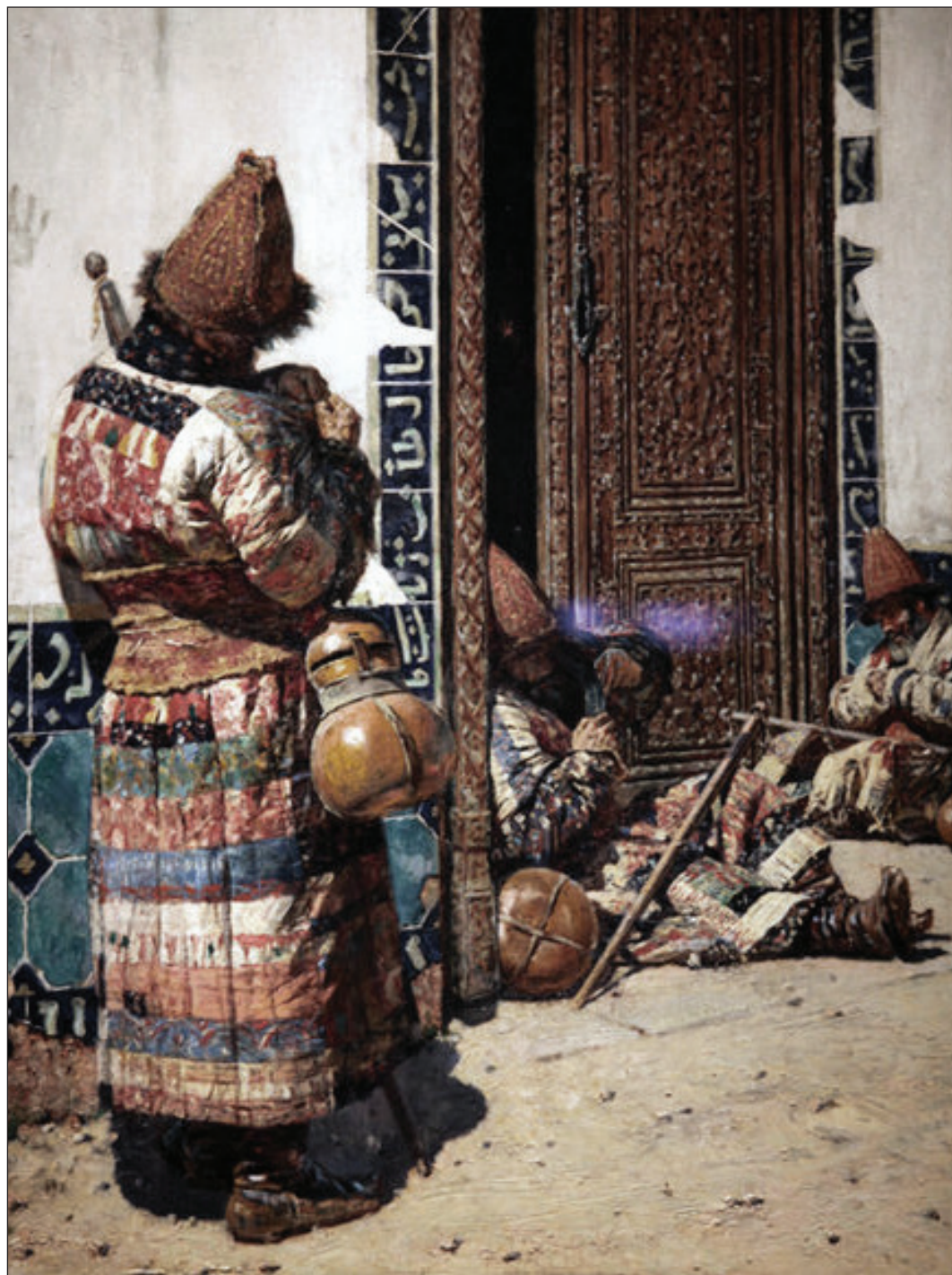
7 Ставиский Б., Жукова Н. Первые шаги государственной системы охраны и реставрации памятников Средней Азии // Искусство. – 1981. – №4. – С.53; Миронов А.М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1926. – Вып.1. – С.26.

Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Резные деревянные двери главного входа.

Верещагин В.В. У дверей мечети. 1973 г.

Верещагин В.В. Нищенствующие монахи ордена Накшбэнди у входа в мечеть в Туркестане.
Ок. 1882 г.

вую очередь изучению и реставрации, значится мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане.⁸ За этим последовало постановление Совнаркома Туркеспублики № 151 от 26 июля 1921 г. «О ремонте и реставрации исторических памятников мусульманского зодчества».⁹ Мавзолеем Ясави, несомненно, отвечал всем критериям отбора в этот список, причём учитывался предыдущий опыт изучения мавзолея, главным приобретением которого было осознание научной и художественной его значимости.

Значение Туркомстариса в судьбе туркестанского мавзолея было решающим. Даже когда комитет превратился после национального размежевания в Средазкомстарис, было нецелесообразным делить историко-культурное наследие по республикам, и Средазкомстарис занимался изучением мавзолея Ясави на протяжении всей своей активной деятельности, хотя он и оказался на территории другой республики.¹⁰

Менее чем через полгода после образования комитета в Туркестан едут члены Туркомстариса, видные представители туркестанского востоковедения А.А. Семёнов, арабист, профессор А.Э. Шмидт, председатель комитета Д.И. Нечкин, гражданский инженер С. К. Орлов.¹¹ Этой короткой экспедицией (4 – 5 ноября 1922 г.) был сделан новый крупный сдвиг на пути постановки изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави на научную основу.

Осмотр здания проводился в присутствии местных властей и шейхов мавзолея. С.К. Орлов составил протокол осмотра, зафиксировав множественные трещины, повреждения, разрушения сводов во многих частях здания, оседание северо-западного угла. Удовлетворительным признали только состояние казандыка.¹² А.А. Семёнов обратил внимание на разрушающийся михраб мечети.

По итогам экспедиции 1922 г. А.А. Семёновым написана монографическая статья о мавзолее Ясави (автор по-прежнему именуется его мечетью), первая, вероятно, послереволюционная полная публикация о

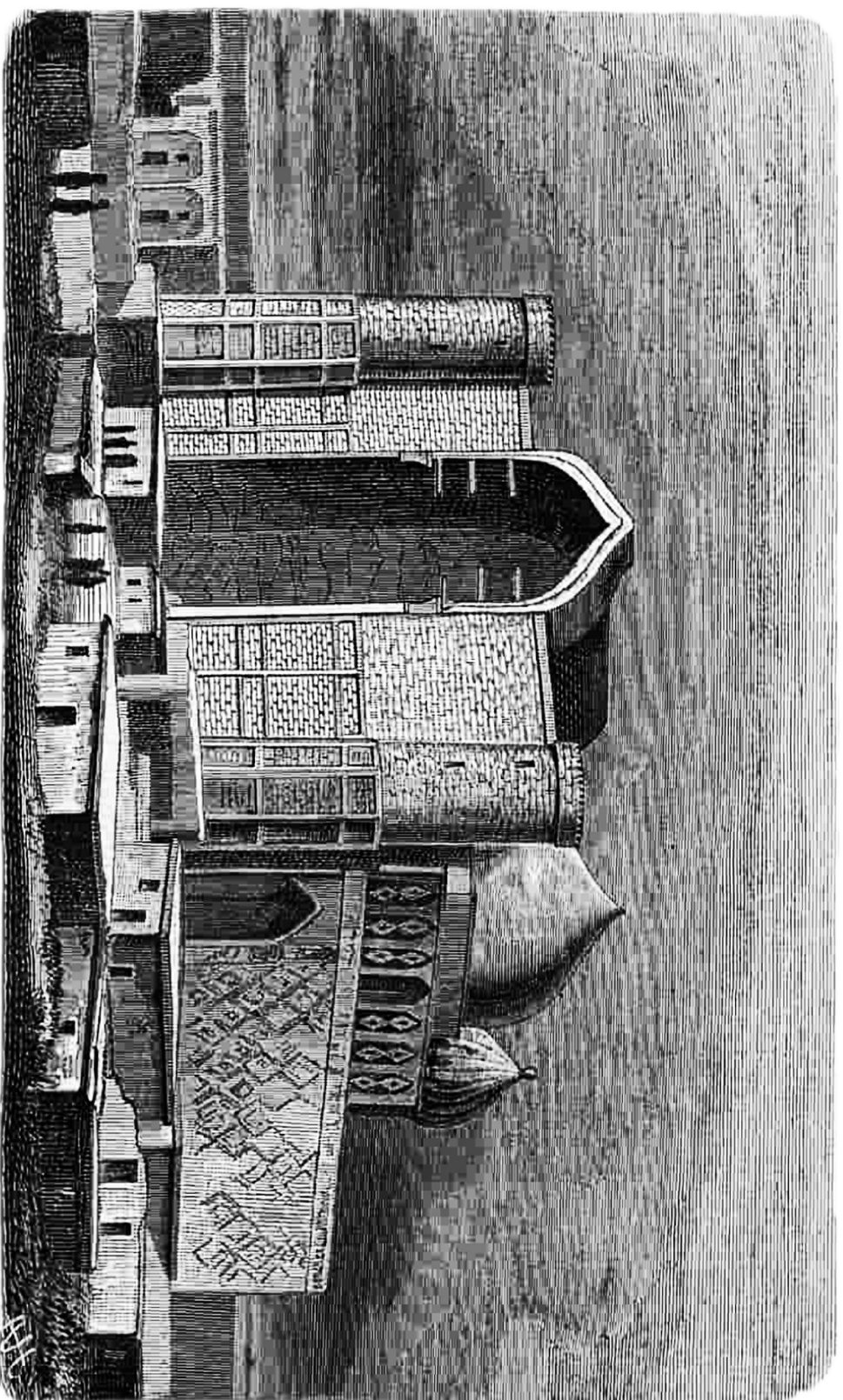
8 Умняков И.И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1926. – Вып.1. – С.49.

9 Миронов А.М. Организационная, научная и практическая деятельность... С. 27.

10 В 1926 г. Казахстан вошел в Средазкомстарис, надо полагать, что членство было скорее всего номинальным. (См.: Вхождение Казреспублики в Средазкомстарис // Южно-Казахстанский областной Государственный архив (Далее: ЮКОГА), Ф.147, Оп.1, Св.12, Д.137, Л.5 – 5 об.).

11 Умняков И.И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1928. Вып. 3. С. 265; Семёнов А.А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевичского... С. 125.

12 Семёнов А.А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевичского... С.125 – 126; Переписка по управлению Средазкомстариса в Казахстане // ЦГА РУз., Ф.394, Оп.1, Д.246, Л.36 об.

Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Рис. на дереве А.Н. Писиченкова, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Велжева, 1866 г.).

мавзолее. В ней обобщены ремонты и исследования предыдущего периода изучения памятника. Но большого шага вперед в этой статье еще не сделано. Как и В.Л. Вяткин, Н.Ф. Петровский, другие дореволюционные авторы, историю закладки мавзолея А.А. Семёнов излагает на основе переводов сочинения Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме», целиком следуя устоявшимся, но не всегда верным мнениям. Возможно, это не позволило ему тогда подойти к архитектуроведческой проблематике, связанной с мавзолеем Ясави. Но будучи знатоком восточной эпиграфики и языков, он совместно с арабистом А.Э. Шмидтом сделал новый перевод надписей мавзолея и исправил переводы и датировки М.-С. Бекчурина, П.Н. Ахмерова и даже более профессиональные переводы Н.И. Веселовского.¹³

После экспедиции 1922 г. разрабатывались сметы на ремонт мавзолея. Была начата его фотографическая регистрация и съёмка нового плана.¹⁴

Впоследствии памятник уже не оставался без внимания.

По возвращении из Туркестана решено было создать (учреждена постановлением Совета Туркомстариса в ноябре 1922 г.) в Туркестане постоянную комиссию по охране мавзолея Ясави. Туркомстарис обратился в Наркомпрос Туркеспублики с просьбой включить в сметную роспись названную комиссию, куда вошли четыре члена и один служащий.¹⁵ Однако ни в 1922, ни в 1923 г. такая комиссия за отсутствием денежных средств не была создана.¹⁶

Всё же в 1923 г. в охране и изучении мавзолея Ахмеда Ясави был сделан позитивный сдвиг. В ходе довольно ординарного ремонта кровли нашли пять фрагментов резной неглазурованной керамики, точно датированных XII веком.¹⁷ Случайно, можно сказать, был открыт первый (позднее Л.Ю. Маньковская назвала его «нулевым») строительный период мавзолея Ясави.¹⁸

Состояние мавзолея постоянно вызывало тревогу как у исследователей, так и у местных властей. В 1923 г. памятник был обследован комиссией Туркестанского горисполкома. В акте обследования, в частности, говорилось:

13 Семёнов А.А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского... С.126 – 127.

14 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви... С.11 – 12.

15 Документы к журнальному постановлению Коллегии Наркомпроса от 8 июля 1923 г. // ЦГА РУз, Ф.34, Оп.1, Д.1798, Л.1.

16 Переписка по управлению Средазкомстариса в Казахстане... Л.37.

17 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви... С.4 (прим.).

18 Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви в г. Туркестане // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып.3 (14). – С.63, 65, Рис.8.

«Последний небольшой ремонт мечети был произведен в 1910 г. на сумму 12000 руб.; ремонт состоял в подводке жжёным кирпичом цоколя, укреплении треснувших арок и заштукатурке стен там, где обвалилась штукатурка. Но как раз самая опасная сторона – правая – осталась без всякого ремонта. В этой стороне находятся девять стрельчатых арок и все [они] дали громадные трещины, грозящие каждую минуту обвалиться. Арки пролётом в две сажени сложены в два кирпича. Для исправления требуется их разборка и новая кладка из жжёного кирпича на цементном растворе» (далее идёт перечисление ремонтных работ и необходимые для них суммы).¹⁹

Очевиден непрофессиональный подход подобных комиссий. Отсюда не только огрехи в стиле документов, но и путаница в названии частей мавзолея, его ориентации, в терминологии; бывает трудно догадаться, о каких помещениях и архитектурных деталях шла речь.

Однако и после посещения памятника профессионалами в 1925 г. новых подходов в его исследовании не появилось. Осмотр его германским искусствоведом Э. Кон-Винером никак не отразился в его работах по истории архитектуры. В тот же год в Туркестан приезжал искусствовед-востоковед Б.П. Денике и архитектор М.М. Логинов. М.М. Логинов сделал архитектурные обмеры и составил сметы на ремонт мавзолея.²⁰ Б.П. Денике упомянул его в своей книге, изданной в 1927 г. «Искусство Средней Азии».²¹ Развёрнутой историко-архитектурной характеристики здания им не было дано, однако отрадно уже то, что мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави впервые после революции попал в сводный искусствоведческий труд, тем самым была сделана попытка определить его место в системе среднеазиатской архитектуры.

В 1925 г. также вёлся довольно крупный ремонт мавзолея Ясави: были переложены нижние части некоторых помещений, перекрыта куполом кудукхана, вскрывались фундаменты под археологическим надзором, продолжалось чтение эпитафии мавзолея.²²

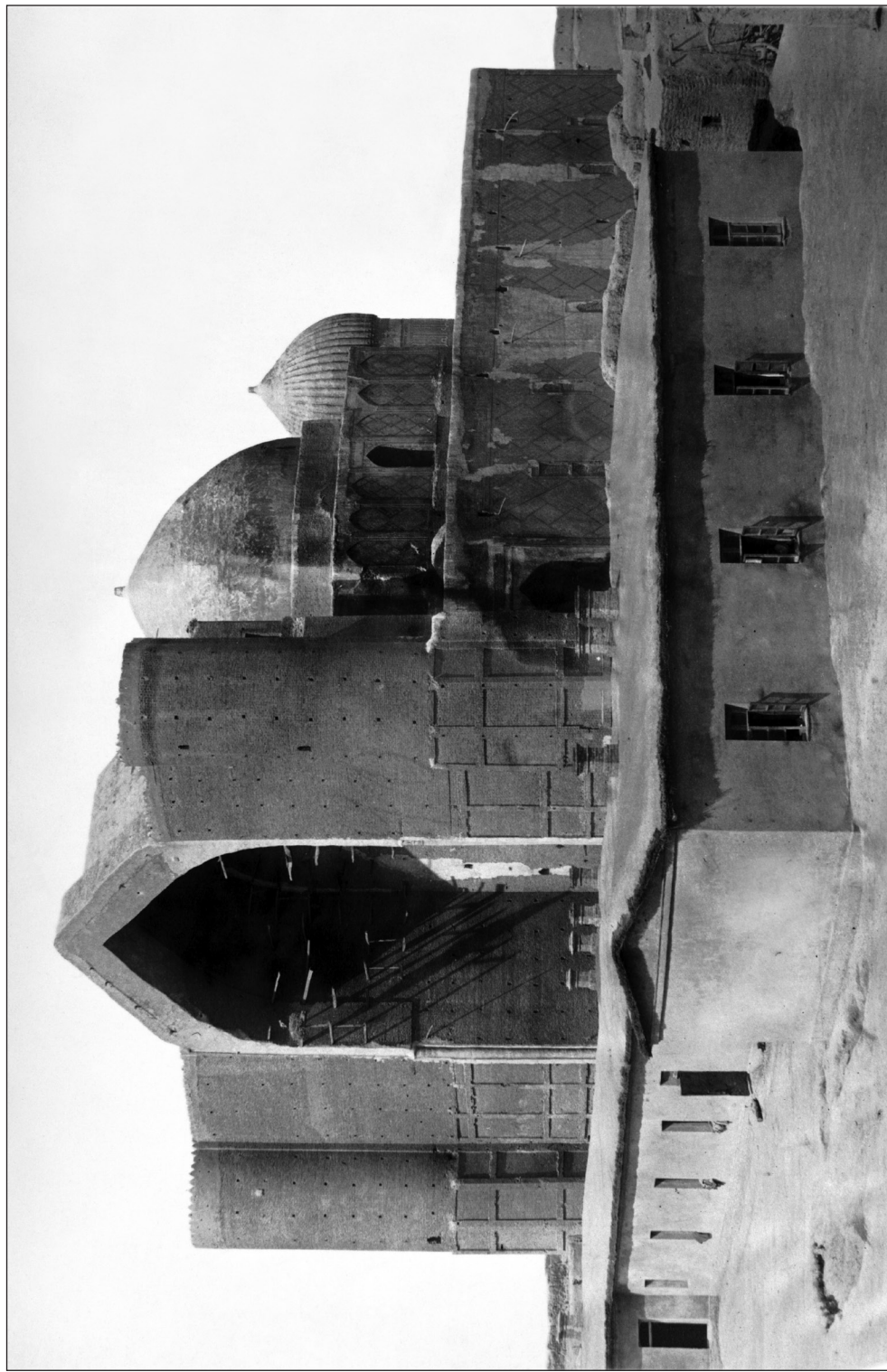
В следующем году ремонтные работы продолжались. Инженеру Козловскому удалось спасти от разрушения некоторые части постройки. В

19 Из доклада завсекцией охраны памятников старины и искусства Средазкомстара. Сентябрь 1926 г. // ЮКОГА, Ф.147, Оп.3, Св.7, Д.61, Л.105 – 106.

20 Умняков И.И. Археологическая и ремонтная деятельность... С.265; его же. Архитектурные памятники Средней Азии: Исследования. Ремонт. Реставрация. 1920 – 1928 гг. – Ташкент, 1929. – С.31.

21 Денике Б.П. Искусство Средней Азии. – М.: Центриздат народов СССР, 1927. – С.56., Ил.11 (фото северо-западного угла мавзолея Ясави).

22 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви... С.13. Работы в кудукхане И.И. Умняков относит к более поздним срокам (1928 г.). (См.: Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии... С.31).

Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото из «Гуркестанского альбома». 1871 г.

мае 1926 г. Средазкомстарис направил в Туркестан своего представителя в Чимкенте директора Сырдарьинского губернского музея Б.П. Тризну для организации постоянной комиссии по охране мавзолея, вопрос о которой поднимался еще в 1922 – 1923 гг. Б.П. Тризна докладывал на заседании секции охраны памятников Средазкомстариса: «Средства для ремонта (мавзолея Ясави. – Ю.Ё.) собирались путём сбора среди населения, но население жертвует неохотно, так как не доверяет шейхам. К организации комиссии население отнеслось доброжелательно, но благодаря вмешательству Укома возникли трения, и организовать комиссию не удалось».²³ Средства, собранные среди населения, были, вероятно, незначительны, ибо председатель Средазкомстариса Д.И. Нечкин телеграфировал в Кызыл-Орду в Совнарком Казахской ССР о срочном выделении 9200 руб. для подготовки реставрации мавзолея в Туркестане.²⁴

На заседании Средазкомстариса Б.П. Тризне вторично поручили создать комиссию в Туркестане.²⁵ Состав комиссии предполагался такой: от УИК²⁶ – председатель Туркестанского горсовета Бекметов; от населения – Умаров Али-Мухаммед-Ходжа, Ходжаев Турсун-Ходжа-Маруф (с правом совещательного голоса); от Средазкомстариса – С. Утегенов.

О жизнеспособности этой комиссии можно судить по фрагменту доклада в Средазкомстарис Б.П. Тризны: «Комиссия в самом Туркестане расценена как направленная к поддержанию религии. Садыка Утегенова задержала милиция».²⁷

В 1927 г. на мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави ведутся небольшие подготовительные работы.²⁸

В этом месте целесообразно кратко резюмировать изложенное, так как в 1928 г. состоялась ещё одна экспедиция Средазкомстариса в Туркестан, поднявшая знание о памятнике на качественно новый уровень. Исследовательская работа первой половины 1920-х гг. не выходила за рамки мелких фрагментарных ремонтов – бессистемных, разнородных по материалам и техническим методам. Не было и самой реставрации в понимании восстановления научно обоснованного первоначального облика памятника; не сложился и кадровый состав реставраторов. Зодчество среднеазиатско-казахстанского региона пока оставалось

23 Протокол заседания секции по охране памятников старины Средазкомстариса от 13 мая 1926 г. // ЮКОГА, Ф.57, Оп.1, Св.31, Д.319, Л. 16.

24 Переписка по управлению Средазкомстариса... Л. 14.

25 Протокол заседания секции по охране памятников... Л. 16 об.

26 Уездный Исполнительный комитет.

27 Переписка по управлению Средазкомстариса... Л.24 – 24 об.

28 Умняков И.И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа... С.270.

малоизученным, историко-архитектурная сторона знания о мавзолее Ясави базировалась все ещё на дореволюционных данных.

28 июля 1928 г. в Туркестан по поручению Средазкомстариса выехали наиболее деятельный член комитета М.Е. Массон и сотрудник Музея истории в Ташкенте, знаток арабской эпиграфики Турды Мир-Гиязов. Там в это время на средства Средазкомстариса вёлся ремонт под руководством архитектора Н.М. Бачинского. Объём работ был большой. Перечисление их заняло бы много места, поэтому укажем на основные моменты. Ремонт вёлся в кудук-хане, китап-хане, мечети в Малом и Большом Ак-Сараях, в коридорах, частично на кровле у купола гурханы. Это прежде всего укрепительные меры (заливка трещин в стенах, ремонтные обкладки кирпичом опасных мест, перекладка аварийных сводов и арок).²⁹ Как и прежде, работы носили частный и местный характер, главным казалось остановить разрушение здания, а причины разрушений, осадок, появления трещин, уклонов, разрывов и т.д., как и раньше, не были выявлены и объяснены. Н.М. Бачинский предложил переложить стены северо-западной части комплекса, где находится мечеть (под этот угол в 1886 – 1887 гг. были подведены четыре мощных контрфорса), но его предложение признали неприемлемым.³⁰

Ремонты Н.М. Бачинского не показали достаточно глубокого проникновения в специфику архитектуры Средней Азии, понимания архитектуроники ремонтируемого здания. Но Н.М. Бачинский был архитектором-профессионалом, специализировавшимся на изучении восточного зодчества, и это не должно было пройти для мавзолея Ясави бесследно. Впоследствии М.Е. Массон заметит, что «даже сами ремонтные работы (1920-х гг. – Ю.Ё) были превращены в опытно-лабораторную практику, когда изучались приёмы древних зодчих, учитывался живой опыт привлечённых к работам старых местных мастеров».³¹

В течение недели М.Е. Массон осматривал работы Н.М. Бачинского, сделав ряд замечаний архитектуроведческого характера. При его участии положили семь археологических шурфов у стен мавзолея, наблюдал он и за сооружением колодца у юго-восточного минарета. Археологическое изучение теперь сопутствует ремонтам. Собирались образцы архитектурной ке-

29 Протокол заседания Средазкомстариса по ремонту мечети Ходжи Ахмеда Ясави // ЦГА РУз, Ф.2406, Оп.1, Д.481, Л.1 – 2. Подробный перечень работ 1928 года приведён И.И. Умняковым (См.: Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии... С.31 – 32).

30 Вопросы изучения и реставрации архитектурного памятника Казахской ССР Ахмеда Ясави в г. Туркестане в связи с генеральной реставрацией в 1952 – 1956 гг. // ЦГА РУз, Ф.2406, Оп.1, Д.320, Л.7.

31 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // ТСГУ: Новая серия. – 1956. – Вып. LXXXI. – Кн.12. – С.20.

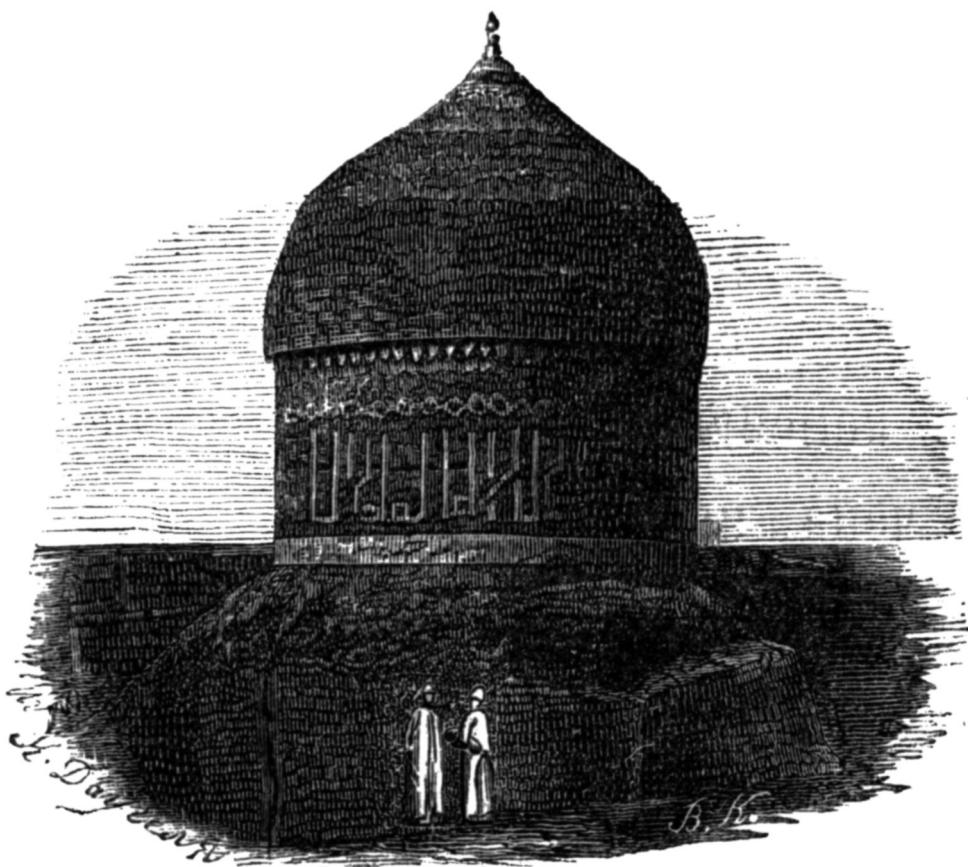

19. Туркестан. Мавзолей Рабии Султан-Бегим. XV в. Фото М.К. Приорова. 1866 г.

рамики «между прочим и для более точного разрешения [вопроса], что в порталльной части относится к эпохе Тимура и что является позднейшим дополнением».³²

М.Е. Массон составил список намогильных плит (надгробий), хранящихся в мавзолее. Он первым занялся выяснением позднейшей истории памятника. Продолжено чтение и уточнение надписей, что вкупе с данными ремонтных и археологических работ позволило по-новому взглянуть на историю закладки здания. М.Е. Массон вновь обнаружил на восточном фасаде над нишей плитку с автографом мастера Ходжи Хасана

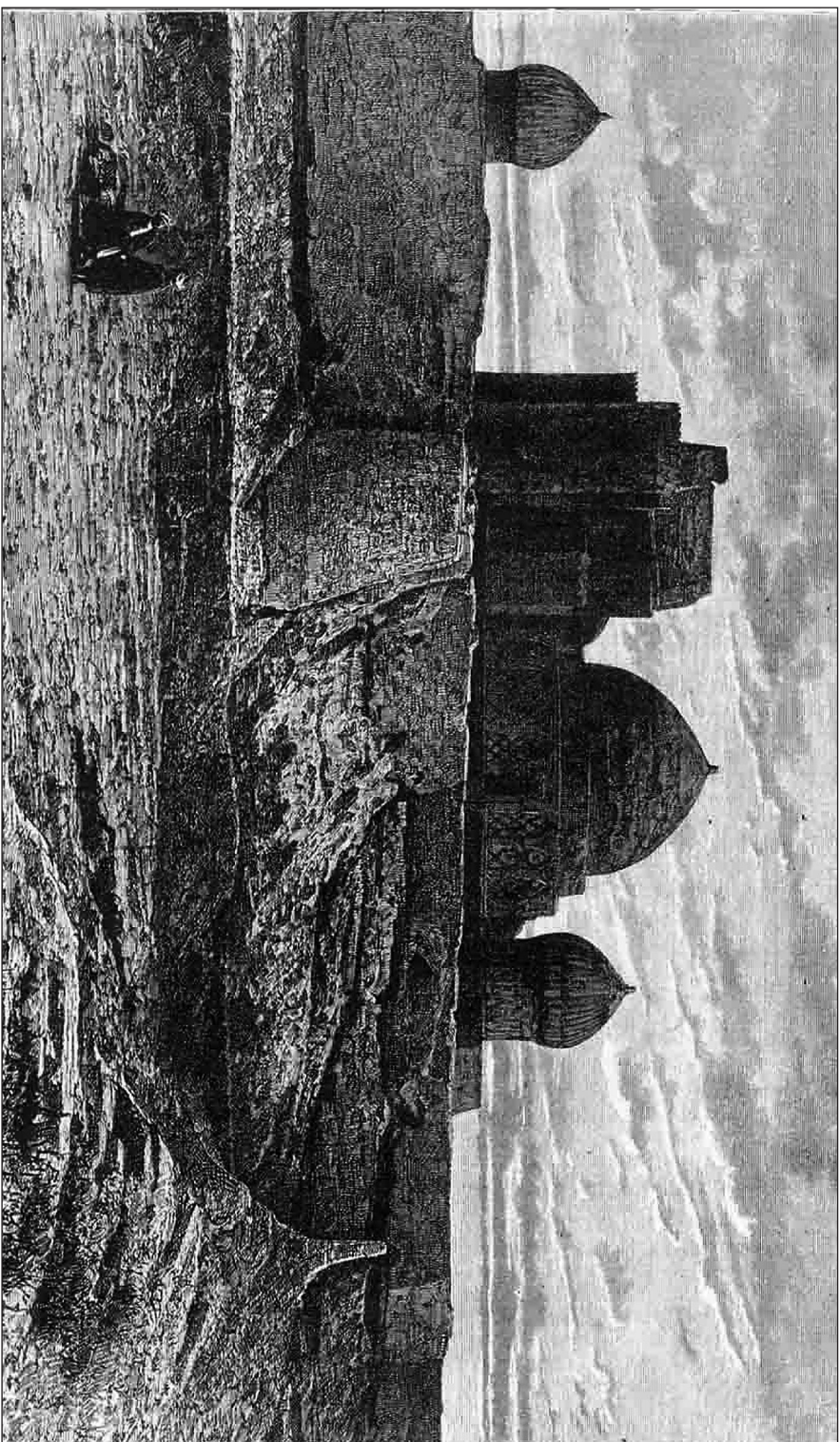
32 Предварительный отчёт о поездке М. Массона и Т. Мир-Гиязова в г. Туркестан для археологического надзора за вскрытием фундаментов памятника Ходжа Ахмеда. Ясави // ЦГА РУз, Ф.396, Оп.1, Д.23, Л.1 об.

20. Концовка главы седьмой из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году».

из Шираза, считавшуюся утраченной с 1865 г. Тогда же он усомнился в единоличном авторстве этого мастера: «Считать Хасана Ширазского архитектором – автором всего памятника нет оснований. Несомненно лишь, что ему принадлежит наложение изразцовой рубашки на наружных стенах, изготовлением майолики был занят другой мастер, имя которого, в литературе до сих пор не встречавшееся, мной найдено и прочитано одним туркестанским ходжой на шестиугольной плитке в барабане купола над мазаром (гурханой – Ю.Ё.) года три тому назад».³³

33 Предварительный отчёт... Л.1. Имя этого мастера Шамс абд-ал Ваххаба из Шираза. Впоследствии Л.Ю. Маньковская расширила круг имён мастеров, работавших на мавзолее Ясави с сер. XIV по XIX в., до девятнадцати (См.: Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса... С.7, прим.).

Мавзолей Ходжи Акмеда Ясави. Рис. Т. Тейлора. Из журнала «Нива». 1879 г.

Поездка М.Е. Массона в Туркестан была кратковременной, но результаты её по научной значимости перевешивают все предшествующие исследования. Сразу же им были написаны две работы – статья «О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви» и брошюра монографического плана «Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви». Первая опубликована в 1929 г.³⁴ Рукопись второй была готова уже к октябрю 1928 г. и передана в Общество изучения Казахстана, но за отсутствием средств тогда не была издана,³⁵ вышла в свет в Ташкенте в 1930 г. Эти публикации долгое время сохраняли основополагающее значение в изучении мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви, многие их положения работают и сейчас. Впервые в них выдвинута научная концепция сложения этого архитектурного комплекса.

В историко-архитектурном очерке мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви сформулированы основные методологические принципы изучения архитектурного памятника Средней Азии и Казахстана, разработанные М.Е. Массоном в 1920-е гг. В основе археолого-архитектурного изучения сохранившегося наземного сооружения лежит комплексный подход, который он сам определял как «изучение памятника в диалектическом аспекте».³⁶ Предполагалось исследование объекта различными специалистами – археологами, историками, географами, этнографами, архитекторами, искусствоведами, инженерами и др. Отсюда многообразие аспектов восприятия мавзолея Ясеви, которые М.Е. Массон отразил в своих работах.³⁷ Отметим главные из них, изменившие взгляд на историю комплекса.

Первым делом, как и дореволюционные авторы, М.Е. Массон обращается к основному письменному источнику по истории закладки мавзолея в Туркестане – первому разделу сочинения историка Шарафад-Дина Али-Йазди (ум. 1454) «Зафар-наме» («Книга побед»)³⁸ 1397 – 1399 гг. – это даты начала и окончания строительства мавзолея Ясеви по Шарафад-Дину,

34 Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. – Ташкент, 1929. – Т. XIX. – С. 39 – 45.

35 Отчётные доклады Южно-Казахстанского областного Общества изучения Казахстана о работе общества за 1926 – 1927, 1927—1928 гг. // ЮКОГА, Ф.210, |Оп.2, Св.1, Д.3, Л.8.

36 Массон М.Е. Краткий отчёт... С. 20.

37 Ёлгин Ю.А. Михаил Евгеньевич Массон и архитектурное наследие Чимкентской области // Тез. докл. научно-практической конф., посвящённой 70-летию Чимкентского областного историко-краеведческого музея (10 – 12 октября 1990 г.). – Алма-Ата, 1990. – С.8.

38 Вопрос о письменных источниках, опубликованных в переводах, поднимался нами ранее (См.: Ёлгин Ю.А. К истории изучения... С. 12).

принятые на веру В.Л. Вяткиным и другими дореволюционными авторами, достоверность их не пытался оспорить и знаток восточных рукописей А.А. Семёнов. Однако названные сроки (два года) Шараф ад-Дином неправдоподобно коротки для возведения столь масштабного здания. В рукописи № 12 «Книги побед» по каталогу Е.Ф. Каля³⁹ из Среднеазиатской библиотеки назван даже один год! Проанализировав рукописи № 12 и № 13, сверив разночтения в них и допуски в переводах, используя для сравнения исторический труд Мирхонда (ум. 1496) «Раузат ас-сафа», М.Е. Массон пришёл к выводу, что сооружение мавзолея в Туркестане (Ясах) началось не в 1397 году, а раньше, или же, возможно, речь могла идти не о начале строительства, а перестройке существовавших ранее построек. Свои доводы он подкрепил сравнением сроков сооружения этого мавзолея с работами на других современных ему памятниках и сопоставлением дат на облицовках стен и предметах мавзолея (чирагах, хальках на дверях, казане).⁴⁰ Предположения М.Е. Массона подтвердились в 1950 – 1980-е гг. Десятилетие 1389 – 1399 гг. есть основной тимуровский период строительства мавзолея.⁴¹

Однако детального описания памятника, и даже периодизации строительства явно недостаточно для построения концепции его генезиса и эволюции. Стержнем такой концепции могло стать только осмысление его с точки зрения истории архитектуры. Параллели с памятниками византийского и персидского зодчества (в частности, с константинопольской Айя-Софией), проведённые С.Г. Маллицким, с одной стороны, не отвергаются и повторяются почти дословно: М.Е. Массон называет мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави «среднеазиатской Айя-Софией».⁴² С другой стороны, М.Е. Массон преодолевает ограниченность и уязвимость этого сравнения (оно идёт в основном на уровне общих идей; слишком мало конкретных точек соприкосновения для этих разных памятников), поставив мавзолей Ясави в ряд с современными ему сооружениями Средней Азии, в частности, с дворцом Ак-Сарай в Шахрисябзе (1380 – 1404). Сравнительный анализ этих сооружений показал их органическое родство. Туркестанский мавзолей находит своё место в истории среднеазиатского зодчества. Систему взгля-

39 Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки. – Ташкент: Тип. Окружного Штаба, 1889. – С.11 –12.

40 Массон М.Е. О постройке... С. 41 – 44.

41 Маньковская Л. Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения... С.66 – 67; Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса... С.8 – 11; Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К истории строительства ханаки Ходжи Ахмеда Ясави // ИАН КазССР: Сер. общественных наук. – 1985. – № 4. – С.63 – 69.

42 Массон М.Е. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви... С. 12.

дов на него, сложившуюся к 1928 г., ещё нельзя считать сформировавшейся окончательно (например, нет еще речи об альфе и омеге среднеазиатского зодчества – подкупольных конструкциях, в мавзолее Ясави многообразных и оригинальных). Позднее возникали другие концепции генезиса этого комплекса (Б.Н. Засыпкин; Н.Б. Бакланов, Т.Ш. Карумидзе, Ш.Е. Ратия, Л.Ю. Маньковская, И.Ф. Бородин, Б.Т. Туякбаева, А.Н. Проскурин), некоторые из них отмечены оригинальностью, но все они так или иначе базировались на многих положениях, выдвинутых М.Е. Массоном в 1928 году.

Хотя работы на мавзолее Ходжи Ахмеда продолжались и в 1929 г., логически завершающим звеном в его изучении в 1920-е годы стала экспедиция 1928 г. В 1930 г. работы были прерваны из-за отсутствия денежных средств.⁴³ Впереди был новый этап в исследовании этого замечательного памятника.

43 Протокол заседания архитектурно-реставрационного отделения о работах по памятникам в Туркестане и Бухаре // ЦГА РУз., Ф.2406, Оп.1, Д.488, Л.1.

ГЛАВА VI

ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ КОНЦА 1930 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг. и Б.Н. ЗАСЫПКИН

Итальянский архитектор и деятель в области охраны памятников и музеев Пьеро Гоццола когда-то тонко подметил: «Реставрация архитектурных произведений отмечена, как правило, печатью времени проведения работ и личности их авторов».¹ В изучении и реставрации мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави можно выделить этапы, связанные с именами С.Г. Маллицкого, А.А. Семёнова, М.Е. Массона, Н.М. Бачинского, Т.Ш. Карумидзе, Л.Ю. Маньковской, Б.Т. Туякбаевой и А.Н. Проскурина. Подобающее место в этом ряду занимает Б. Н. Засыпкин – один из первых реставраторов-профессионалов среднеазиатского зодчества и мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в частности.²

Б.Н. Засыпкин придавал изучению и реставрации мавзолея Ясави новый импульс после продолжительной паузы, следовавшей со времени экспедиции Средазкомстариса 1928 года.

До Б.П. Засыпкина работами в Туркестане занимался техник И.З. Поляков. В 1938 г. были сделаны обмеры фасадов мавзолея (кроме северного) студентами МАИ³ В.А. Свирским и Л.И. Лейпунером (консультация профессора Н.Б. Бакланова), сняты четыре плана (М 1:100), сделаны девять разрезов (М 1:50); планы и разрезы довольно точные, но

1 Гоццола П. Реставрация памятников, исторический обзор // Консервация и реставрация памятников и исторических зданий: Пер. с франц. – М.: Стройиздат, 1978. – С.10 (Музей и памятники, 14).

2 Исключение – статья Г.И. Пацевича, по сути слегка правленный им отчёт Б.Н. Засыпкина, отправленный реставратором в Госстрой Казахской ССР. См.: Пацевич Г.И. Ремонт и реставрация мавзолея-мечети Ходжи Ахмеда Ясави в 1939– 1940 гг. // ИАН КазССР: Сер. архитектурная. – 1950. – № 80. – Вып.2.

3 Московский Архитектурный институт. Позже была принята другая аббревиатура – МАРХИ.

СОВЕТ СЕКЦИИ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА СРЕДАЗКОМСТАРИСА

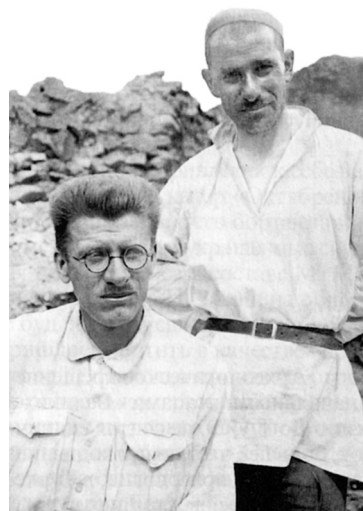
Слева: 1) архитектор Б.Н. Засьякин, 2) проф. Э.А. Шмидт, 3) академик В.В. Баргольд, 4) председатель Средазкомстариса Д.И. Нечкин, 5) археолог В.Л. Вяткин, 6) проф. А.А. Семенов, 7) зав. секцией по охране памятников старины и искусства И.И. Умняков (стоит)

архитектурно схематичные: своды на разрезах даны приблизительно, их проекции на планах не показаны; не указано, к какому горизонту привязаны размеры, или они вообще не проставлены. План ремонтов и реставрации, разработанный Н.Б. Баклановым на 1938 – 1940 гг., не был принят, за исключением некоторых работ.⁴

Б.Н. Засыпкин и М.Ф. Мауэр внесли свои предложения, содержавшие качественно новую методику реставрации и историко-архитектурного исследования.⁵

До того как Б.Н. Засыпкин приступил к инженерной консервации и реставрации мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, он уже участвовал и руководил крупными реставрационными работами – выпрямление минарета медресе Улугбека и укрепление купола мавзолея Гур-Эмир в Самарканде, реставрация мавзолея саманидов в Бухаре, научные экспедиции по описанию и изучению памятников Термеза, Шахрисябза, Хивы, Ферганской долины, Туркмении...⁶

Некоторые исследователи считают, что практические основы научной реставрации памятников Самарканда заложил М.Ф. Мауэр,

21. М.Е. Массон и Турды Мир-Гиязов. 1929 г.

4 Вопросы изучения и реставрации памятника архитектуры Казахской ССР «Ахмед Ясеви» в г.Туркестане в связи с генеральной реставрацией 1952 – 1956 гг. // ЦГА РУз., Ф.Р2406, Оп.1, Д.320, Л.8.

5 Махмудова М.Т. Исследователь и реставратор памятников архитектуры // АСУ. – 1991. – №5. – С.17.

6 Научная биография исследователя изложена более или менее подробно во многих следующих публикациях: Шишкин В.А. Борис Николаевич Засыпкин // Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана. – Ташкент, 1967; Махмудова М.Т. Учёный, архитектор, реставратор: (К 95-летию Б. Н. Засыпкина) // АСУ. – 1987. – № 2. – С.38 – 39; Булатова В.А. К столетию со дня рождения Бориса Николаевича Засыпкина // АСУ. – 1991. – №5. – С.14 – 16; Махмудова М.Т. Исследователь и реставратор памятников архитектуры // АСУ. – 1991. – №5. – С.17 – 18; Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии: (Деятельность историка, архитектора и реставратора Бориса Засыпкина) /// Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX века. – М., 1999. – С.96 – 105; Булатова В. Борис Николаевич Засыпкин (1891 – 1955): Из истории становления научной реставрации памятников архитектуры в Узбекистане // Россия – Узбекистан: В прошлом и настоящем: Люди. События. Размышления. – М.: Альфа-книга, 2003. – С.99 – 117. В пристатейных списках литературы дана библиография работ Б.Н. Засыпкина, явно неполная и с некоторыми неточностями.

а Б.Н. Засыпкина его последователем и преемником.⁷ Наверно, это так, но верно и другое – как историк архитектуры и практик-реставратор Б.Н. Засыпкин сформировался задолго до своего переезда в Среднюю Азию, в первое послереволюционное десятилетие, отмеченное подъёмом в реставрационном деле, в охране и изучении историко-культурного наследия в РСФСР. Откуда этот парадоксальный всплеск активности в период, поневоле связываемый с разрушением? Н.Г. Машковцев — историк искусства, участник того процесса свидетельствовал: «...ни в какую иную эпоху не тучнеет так пласт исторических отложений и никогда сознание, обращаясь к прошлому, не бывает в состоянии с такой отчетливостью рассекать его наслоения. Яснее в эпохи революций идеи исторического процесса. Его очевидцем делается сознание».⁸ Научный багаж Б. Н. Засыпкина позволил ему быстро войти в проблематику формирующегося среднеазиатского архитектуроведения и реставрации. М.Е. Массон считал, что Б.Н. Засыпкин «положил начало особой главы о самостоятельной среднеазиатской архитектуре в истории зодчества Востока».⁹

Когда к Б.Н. Засыпкину перешло научное руководство архитектурно-археологическим изучением памятников зодчества Узбекистана, многие проблемы встали перед ним: экстренные противоаварийные меры на разрушающихся объектах, подготовка специальных кадров и разработка методов консервации и реставрации; решения требовали теоретические вопросы, такие, как периодизация истории архитектуры и всей художественной культуры Средней Азии на фоне ее социальной истории и т.д.¹⁰ В равной степени это относится и к южноказахстанскому региону, испытывавшему влияние архитектурных школ Мавераннахра, где эти проблемы сфокусировались в одном объекте – мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави.

Б.Н. Засыпкиным был сформулирован принцип научной реставрации, ставший хрестоматийным: «...при всей документальности восстанавливаемых частей реставрационные работы ставят себе целью не затрагивать сохранившихся древних частей уничтожением или частичной разборкой, новые же доделки делать в соответствии с древними, но

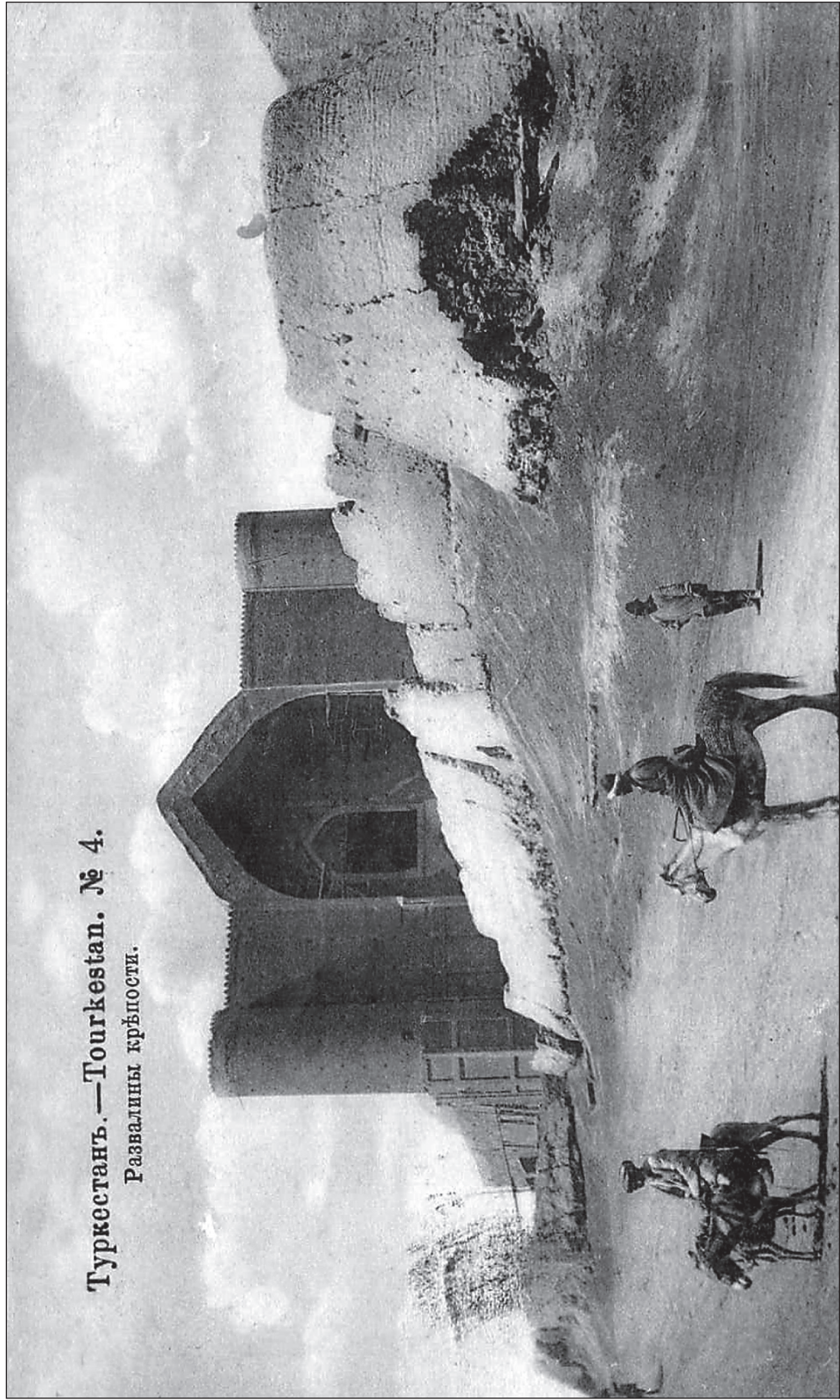
7 Захидов П. Возрождение памятников Узбекистана // Архитектура СССР. – 1974. – №9. – С.21.

8 Машковцев Н.Г. Революция и памятники // Машковцев Н.Г. Из истории русской художественной культуры: Исследования, очерки, статьи. – М.: Сов. художник, 1982. – С.307.

9 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // ТСАГУ: Новая серия. – 1956. – Вып. LXXXI: Исторические науки. – Кн.12. – С.22.

10 Булатова В.А. К столетию со дня рождения Бориса Николаевича Засыпкина ... С. 15.

Туркестанъ.—Turkistan. № 4.
Развалины крепости.

Мавзоль Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. С фотографии 1907 г.

вводя знаки и отметки, по которым последующие исследователи могли бы отличить подлинно древние части от восстановления».¹¹ Б.Н. Засыпкин в Средней Азии не только получил признание как учёный и реставратор, но и проявил себя как яркая неординарная личность.¹²

Так совпало, что когда в 1922 г. Б.Н. Засыпкину было предложено заняться архитектурным наследием Средней Азии, началось систематическое изучение мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави Туркомстарисом (Средазкомстарисом).

В конце 1938 г. по постановлению СНК КазССР Республиканским управлением заповедниками и охраной памятников старины было создано специальное прорабство по ремонту и реставрации туркестанского памятника во главе с техником-строителем И. З. Поляковым. Научным консультантом, затем и руководителем реставрации стал Б.Н. Засыпкин. Обратим внимание на неотложные проблемы инженерной консервации, также перерастающие в факты историко-археологического изучения объекта, теории и практики реставрации и которые Б.Н. Засыпкину необходимо было решить в первую очередь. Восстановление же утраченных фрагментов декора в 1939 – 1940-х гг. шло частично и выборочно. Купол казандыка облицевали мелким плиточным кирпичом, изготовленным на месте производства работ; это была надёжная защита от атмосферных осадков на годы вперёд.¹³ Подготовка к реставрации декора наружных стен была только начата – производились детальные фотосъёмки и зарисовки орнаментов. Тогда же были начаты, но не закончены обмеры и зарисовки сталактитов в казандыке студентами МАРХИ. В 1940 г. И.З. Поляков восстановил разрушенные места на западной грани четверика под куполом казандыка. Старым подъёмным материалом облицевали более половины поверхности четверика. Для этого приглашали самаркандского мастера Кули Джалилова. Тимпаны арок на стенах четверика, рисунок которых тогда, вероятно, не поддавался восстановлению, заштукатурили ганчем в нейтральный тон, как и некоторые места на наружных стенах мавзолея.¹⁴ Это то основное, что относится собственно к реставрации. Из ремонтов того периода можно назвать исправление парапета наружных стен, устройство водостоков, перекладку лестниц, ведущих на кровлю. М.Т. Махмудова относит к 1939 – 1940 гг. и другие противоаварийные

11 Захидов П. Возрождение памятников Узбекистана... С.21.

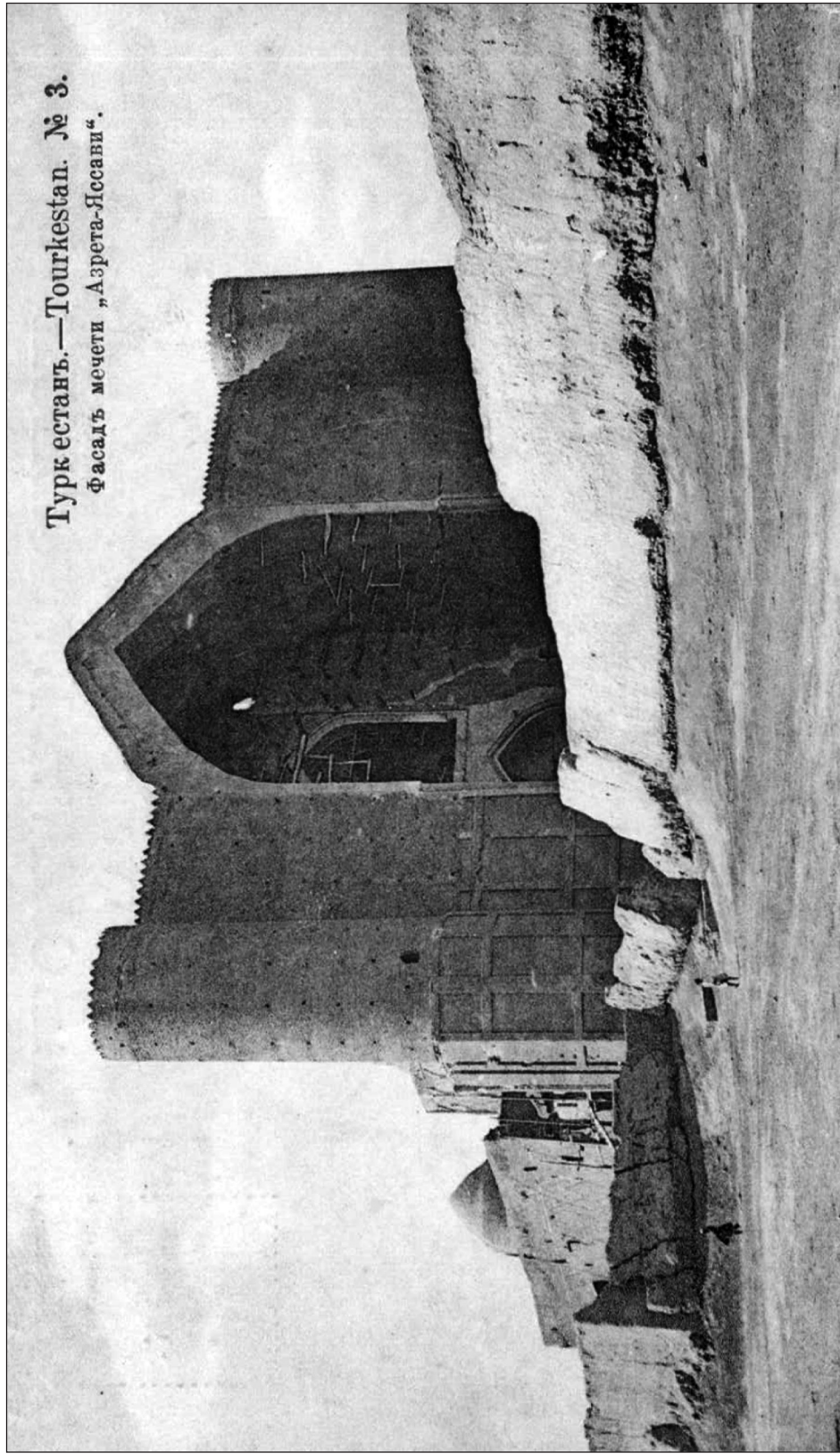
12 Ремпель Л.И. Далёкое и близкое: Бухарские записи. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства им. Гафура Гуляма, 1981. – С.23.

13 Вопросы изучения и реставрации памятника архитектуры Казахской ССР «Ахмед Ясеви»... Л.9.

14 Там же. ЛЛ.22 – 23.

Турк естанъ.—Туркестан. № 3.

Фасадъ мечети „Азрета-Ясави“.

Мавзоль Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. Нач. XX в.

22. Туркестан. Главная улица. Почтовая открытка. Нач. XX в.

работы: стяжку металлическими связями стен второго этажа и Большого Ак-Сарая, перекладку его арочно-купольных перекрытий; были оштукатурены свод пештака и ребристый купол гурханы.¹⁵

Угрожающим было состояние мечети, занимающей северо-западный угол, остававшейся на протяжении веков самым слабым местом здания, под который еще в 1886 – 1887-х гг. подвели четыре кирпичных массивных контрфорса, что не предотвратило оседания угла и разрушения конструкций мечети. Н.Б. Бакланов предлагал разобрать весь угол и затем восстановить его. Но метод анастилоза¹⁶ вряд ли здесь был приемлем, так как все части мавзолея Ясави архитектурно-конструктивно взаимосвязаны; отсутствие, хотя и временное, одной из них могло нарушить равновесие всего здания. Предложение Бакланова не было принято.¹⁷

15 Махмудова М.Т. Из истории исследований и реставрации мавзолея Ахмеда Ясави в Туркестане // АСУ. – 1989. – №10. – С.25.

16 Анастилоз – метод реставрации, заключающийся в воссоздании памятника из его отдельных частей.

17 Н.Б. Бакланов также предлагал разобрать свод пештака (южного портала) и переднюю арку (неясно, какую. – Ю.Ё.), после чего подводить фундаменты, присовокупив аркбутаны по бокам портала. Эта идея тоже была отвергнута. См.: Вопросы изучения и реставрации памятника архитектуры Казахской ССР «Ахмед Ясави»... Л.8.

18 – 26 декабря 1939 г. провели детальное обследование подкупольных конструкций мечети. Выявились консольно-балочные паруса из арчовых бревен сечением 10–15 см. Такие же конструкции использованы в перекрытиях казандыка и гурханы мавзолея Ясави; они характерны для монументальных сооружений тимуровской эпохи. Такие «балочные» паруса, впрочем, не получили дальнейшего развития. Брёвна были заложены по три под угловыми нависающими сторонами восьмерика. Концы двух брёвен были выпущены с северной и южной сторон и опирались на стрелки полуарок под световым фонарем, на который опирался непосредственно купол мечети (переложен в 1928 г.).¹⁸

Относительно мечети Б.Н. Засыпкин внёс свои предложения и разработал проекты. Предполагалось укрепить угловой пилон мечети и её стены без разборки облицовок и сталактитов в интерьере (консультация М.Ф. Мауэра). Запроектированы подводка фундаментов из квадратного кирпича на ганчевом растворе, усиление связями всего угла, укрепление купола мечети.¹⁹

Если действия по укреплению подземной части мечети привели к положительным результатам, то этого определённо нельзя сказать о другой кардинальной мере – введении по проекту Б.Н. Засыпкина в подкупольные конструкции мечети вместо деревянных стальных балок.

Сама по себе замена при сооружении мавзолея Ясави традиционного яруса арочных парусов (тромпов) балочными парусами не несла в себе прогресса и, по мнению Г.А. Пугаченковой, противоречила основной идее кирпичной конструкции, вела к разрушению её логически обусловленной архитектоники.²⁰ Б.Н. Засыпкин, определивший зодчество Средней Азии как «архитектуру кирпича»,²¹ будучи создателем теории сводов в этой архитектуре,²² был невысокого мнения о системе балочных парусов.²³ Тем не менее о нарушении замысла зодчих не

18 Пояснительная записка к проекту укрепления купола мечети при мавзолее Ахмеда Ясави в Туркестане // ЦГА РУз., Ф. Р2406, Оп.1, Д.200, Л.1.

19 Вопросы изучения и реставрации памятника архитектуры Казахской ССР «Ахмед Ясави»... Л.19.

20 Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век: Ведущие тенденции и черты. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства им. Гафура Гуляма, 1976. – С.19.

21 Засыпкин Б.Н. Кирпич в архитектурных сооружениях Средней Азии домонгольского периода: (IX – XI вв.) // Строительная промышленность. – 1926. – №4. – С.67.

22 В 1946 г. Б.Н. Засыпкин защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Своды в архитектуре Средней Азии». – См.: Махмудова М.Т. Исследователь и реставратор памятников архитектуры... С.12.

23 Засыпкин Б.Н. Своды в архитектуре Узбекистана // АН. – Вып.12. – С.153.

23. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави.
Почтовые открытки. Нач. XX в.

допускалось и мысли. Так произошла замена старой конструкции аналогичной, но из другого материала. Б.Н. Засыпкин был не только историком архитектуры, но и инженером-практиком реставрационного дела: он осознавал, что применение только старых материалов и методов работ есть отражение архаических и своего рода «идеалистических» взглядов на реставрацию, что и было признано реставраторами в последующие годы.²⁴ Дополнительно у основания купол мечети стянули обручем из «уголка». Примечательно, что такая же мера (стягивание кольцом из полосовой стали, разделённым на сектора, соединяющиеся натяжными муфтами) предлагалась позднее и современными инженерами.²⁵

Существуют отличия между инженерной консервацией и реставрацией, с одной стороны, и ремонтом – с другой. Многие работы под руко-

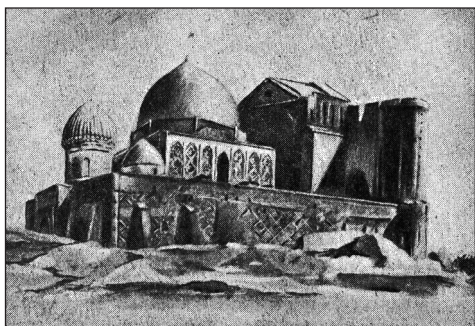
водством Б.Н. Засыпкина на мавзолее Ясави следует признать ремонтными. Но поскольку он отличался широтой научного и исторического кругозора, самые рутинные, казалось бы, работы по ремонтам и инженерной консервации по совокупности, а некоторые и по отдельности «работали» на воссоздание истории памятника.

Он также считал, что «Мавзолей Ахмеда Ясави представляет исторический и художественный интерес как решение комплексного здания, объединённого около большого купола».²⁶ В качестве ближайшего прототипа в отношении планировки он назвал дворцовое здание (или загородную усадьбу?) Кырк-кыз, сооруженное из сырцового кирпича

24 Гендель Э.М. Инженерные работы при реставрации памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1980. – С. 4.

25 Шишкин А.А., Романова А. Восстановление комплекса Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане: (Из опыта реставрации древних памятников) // АСУ. – 1977. – № 4. – С.35.

26 Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948. – С. 92.

24. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави.
Рис. В.И. Лузан. 1946 г.

Фирюзабад) со схемой Кырк-кыз, создав большой центральный зал, сохранив коридоры и выдвинув на почётное место мавзолеей».²⁸

Спустя годы эта гипотеза выглядит, конечно, по-иному.

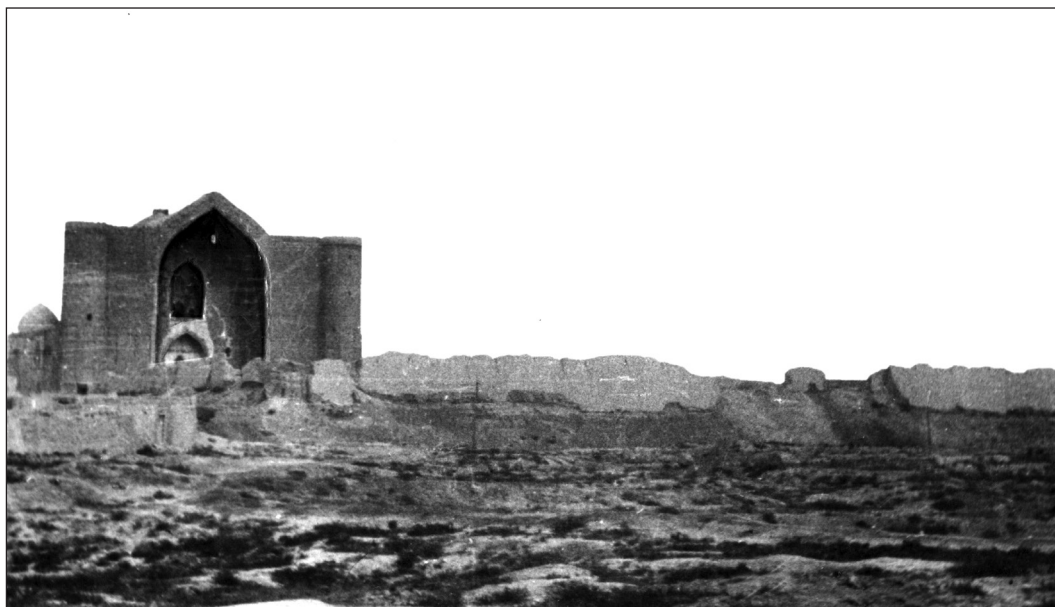
Среди других уязвимых мест в ней был и такой момент, как вопрос о различном функционировании обоих зданий. Это важно, потому что «...функциональная структура зала вытекает из суфийских правил организации обители у могил святых» и глубже – идёт от доисламских культов.²⁹

Во-вторых, в отличие от Кырк-кыза, в плане которого выражено центрическое начало, мавзолей Ясави имеет прямоугольный призматический объём с гипертрофированным порталным входом, а продольная ось «гурхана – казанлык – главный портал» усложняется рядом других помещений, связанных с суфийскими культами, ритуалом поминовения Ахмеда Ясави. Это было подмечено Л.Ю. Маньковской и другими историками архи-

27 Авторство или участие ширазского мастера Шамс абд-ал Вахабы в проектировании мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави пока ещё нуждается в более серьёзном обосновании (так же, как и Ходжи Хусейна из Шираза). Л.Ю. Маньковская считала, что иранские мастера участвовали во втором периоде строительства мавзолея и отделочных работах (откуда и «автографы» в наружном декоре), допуская их участие в закладке здания «при условии восприятия ими местных традиций и знаний» (См.: Маньковская Л.Ю. К изучению приёмов среднеазиатского зодчества конца XIV в.: (Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави) // ИЗУ. – 1963. – Вып. II. – С.141).

28 Бакланов Н.Б. Три сооружения Тимура // Труды Всероссийской Академии художеств. – М. – Л.: Государств. изд-во искусства, 1947. – Вып.1. – С.63.

29 Туякбаева Б., Проскурин А. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханаки Ахмеда Ясави // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – Вып.4. – С.108.

25. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.

тектуры.³⁰ В итоге в современном архитектуроведении устоялась концепция (о чём нами подробно говорилось в первой, что касательно дефиниции памятника и его ИС), что планировка мавзолея Ясави есть результат развития темы продольно-осевой композиции многофункционального мемориального сооружения, достигшего в нём апогея.³¹

Общим для них архитектурным прототипом является здание Кырк-кыз в древнем Термезе. Выяснение древнего плана мавзолея Ахмеда Ясави имеет значение для других памятников, в частности для комплекса в Шахрисябзе, который сооружён по заданию Тимура и, видимо, также при его постройке в комплекс попали древние стены.³² Л.Ю. Маньковская также не исключала Кырк-кыз из ряда факторов, определивших архитектуру мавзолея Ясави.³³

30 Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии: Мавзолей Фудины и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – С.97.

31 Бородина И.Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X – XV вв.// АН. – 1974. – Вып.22. – С.124.

32 Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмед Ясави» в г. Туркестане // ЦГА РУз., Ф.Р2406, Оп.1, Д.344, Л.5.

33 Маньковская Л.Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества... С. 141.

26. Туркестан. Остатки фортификации второй пол. XIX в. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.

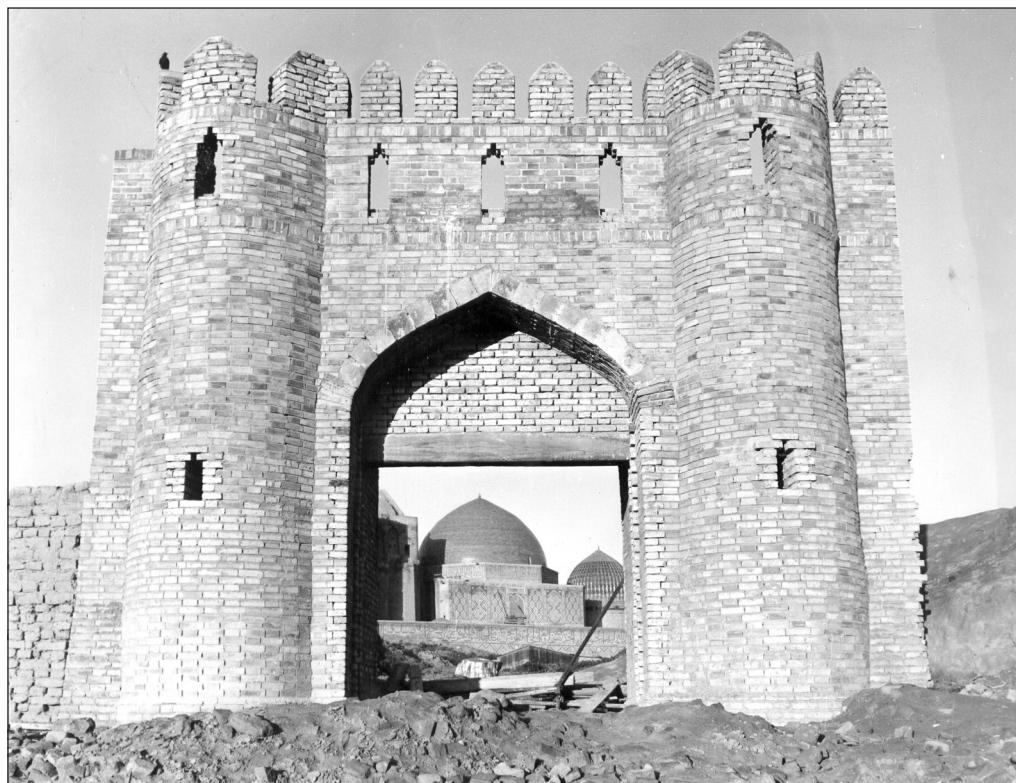
В 1940-е годы ничего существенного не было сделано ни для поддержания памятника, ни для прояснения его истории. В начале войны работы на мавзолее прекратились.

Крупнейшие научные силы страны были эвакуированы в Среднюю Азию. Б.Н. Засыпкин разрабатывал вопрос о сводах «... под углом зрения практического использования сводчатых перекрытий из сырца и жженого кирпича в современном строительстве» и дал ряд проектных решений некоторых типов хозяйственных сооружений.³⁴

В 1949 г. в мавзолее были заложены два археологических шурфа.³⁵ Как и прежде, работы затруднялись из-за отсутствия точных обмеров и целенаправленного археологического изучения. Необходимость комплексных архитектурно-археологических и инженерных исследований назрела и частично нашла отражение в специальной программе работ по мавзолею Ясави на 1952 год. По плану намечается 27 археологических шурфов. Запланировано окончить обмеры северного и восточного фасадов здания и их фрагмен-

34 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении... С. 36.

35 Программа научно-исследовательских, обмерных, проектных работ по памятнику архитектуры Казахстана «Ахмед Ясеви» на 1952 год // ЦГА РУз., Ф. Р2406, Оп.1, Д.734, Л.1.

27. Туркестан. Ворота кокандской крепости XIX в. Реконструкция. Фото А.Ф. Рассказова. 1981 г.

тов; детальный обмер западного фасада; обмеры и чертежи реставрации окон и дверей.³⁶ Эти работы велись специализированной научно-реставрационной производственной мастерской Госстроя УзССР (СНРПМ) по заказу отдела охраны памятников Госстроя КазССР под научным руководством Б.Н. Засыпкина. Их курировали в 1951 – 1954-х гг. Б.Н. Засыпкин и Т. Ш. Карумидзе, в 1955 – 1957-х гг. – главный архитектор Б.Г. Швайбиш и Учёный совет, в 1955 – 1959 гг. – Л.Ю. Ратнер (Маньковская).³⁷ В 1953 г. Б.Н. Засыпкина назначили начальником отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совмине УзССР.³⁸ При колоссальной занятости Б.Н. Засыпкина руководство по изучению и реставрации мавзолея Ясави не стало для него второстепенным. Во второй период его

36 Там же.

37 Махмудова М.Т. Из истории исследований и реставрации мавзолея Ахмеда Ясави... С. 25.

38 Махмудова М.Т. Учёный, архитектор, реставратор... С. 36.

28. Туркестан. Угловая башня кокандской крепости XIX в. Реконструкция.
Фото А.Ф.Рассказова. 1981 г.

руководства ещё более актуальными стали вопросы инженерной консервации, невозможной без археологического изучения объекта. В 1952, 1954, 1957-х гг. археолог А.К. Шахурин провёл планомерное археологическое исследование территории мавзолея и сооружений, входящих в его охранную зону. Н.С. Гражданкина начала изучение строительных растворов.

Дело замедлялось из-за недостатка квалифицированных кадров в самом Туркестане. Кардинальный сдвиг в работах на мавзолее Ясави произошёл только во второй половине 1952 г., когда в Туркестан прибыл архитектор Т.Ш. Карумидзе и стала руководить ремонтными и восстановительными работами. Т.Ш. Карумидзе не ограничивалась «присмотром» за ходом дела, и научно-исследовательский аспект, пожалуй, в её деятельности преобладал.³⁹ Она сравнительно быстро вошла в курс дела. В её докладной записке

³⁹ Письма архитектора Т.Ш. Карумидзе Б.Н. Засыпкину // ЦГА РУз., Ф. Р2406, Оп.1, Д.206, ЛЛ.9 (об.), 15.

29. Б.Н. Засыпкин
(1891 — 1955)

Б.Н. Засыпкину изложен ход работ с начала сентября: множество пунктов, содержащих... научные задачи и отдельные детали, имеющие значение для восстановления облика здания.⁴⁰

Дальнейшее существование памятника обеспечила подводка фундаментов, успешно начатая в 1952 г. Фундаменты были запроектированы с расширенным основанием на одном горизонте с профилем по расчетам инженера В.Т. Рассказовского.⁴¹ Фундамент под щипцовую стену главного портала мавзолея рассчитывал инженер Батурлинский. Он отказался от сплошной бетонной плиты – вместо неё был устроен так называемый ленточный фундамент.⁴² По его же проекту установлены железные связи, «привязавшие» щипцовую стену главного портала к четверику казандыка.⁴³

Остальные фундаменты подводились не на бетоне, а из кирпича на цементном растворе, и подводка сопровождалась переложением кладки в цокольных частях здания.⁴⁴

В первой половине 1950-х годов фундаменты подвели под все бесфундаментные стены, кроме казандыка и гурханы. Здесь решающую роль сыграло мнение Б.Н. Засыпкина. Он писал: «Я лично полагаю, что тревожить грунты, уплотнившиеся в течение 500 лет под давлением 7 – 8 кг/см², совершенно нецелесообразно, тем более, что нет для этого основательных причин в виде расширяющихся трещин, деформаций и разрушений кирпичной кладки и т.п.»⁴⁵

40 Там же. ЛЛ.11 – 11 (об.).

41 Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмед Ясеви» в Туркестане // ЦГА РУз., Ф. Р2406, Оп.1, Д.306, Л.1.

42 Там же. Л.1 (об.).

43 Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмед Ясеви» в г. Туркестане // ЦГА РУз., Ф. Р2406, Оп.1, Д.344, Л.3.

44 Там же.

45 Там же. Л.7.

Подводка фундаментов сопровождалась понижением уровня полов внутри здания, а снаружи - освобождением основных стен от культурных слоёв и наносной земли (толщина 2 м), при этом обнаружены фрагменты каменной панели с майоликовыми вставками, идущей по периметру здания.⁴⁶ Параллельно с этим шли другие обмерные, ремонтные и восстановительные работы. Предпринята реставрация облицовок северной части здания с ремонтной перекладкой всех трещин в фасадных стенах.⁴⁷ Реставрация облицовок после войны выполнялась уже не нейтрального цвета терракотой или штукатуркой, а с применением цветной майолики и других полихромных керамических материалов.⁴⁸ Облицовка велась в ноябре – декабре 1952 г. и была повреждена морозом.⁴⁹ Одновременно с этим Т.Ш. Карумидзе делала обмеры и разрабатывала проекты восстановления западного, восточного и части северного фасадов. За два с половиной года реставрировали весь северный фасад (кроме ниши портала) и северные участки восточного и западного фасадов. Архитекторами В. Железняковой, Е. Осиповой, А. Хусаиновой, М. Абдуллаевой сделаны обмеры планов 1 – 2 этажей (М 1:100) и крыши. Т.Ш. Карумидзе обмерила облицовки четверика казандыка, в результате были проведены мелкие ремонтные работы и сделаны рабочие чертежи.⁵⁰

30. Н.Б. Бакланов
(1881 — 1959)

46 Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения... С.53; Махмудова М.Т. Из истории исследований и реставрации мавзолея Ахмеда Ясави... С.25 – 26.

47 Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения... С.53.

48 Булатова В.А. К столетию со дня рождения Бориса Николаевича Засыпкина. С.16.

49 Работала бригада облицовщиков из Туркестана, руководимых Б.Т. Толыбаевым, Т.Ш. Карумидзе. Работали: Я. Мусаев, Ю. Шаханов, А. Тараханов. Помощник мастера – Ш. Назарметова. – См.: Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмед Ясеви»... Л.9 – 10.

50 Махмудова М.Т. Из истории исследований и реставрации мавзолея Ахмеда Ясави... С.26.

31. Л.Ю. Маньковская
(1932 — 1988)

Предприняты вскрытия и ремонтные пере-
кладки всех деформированных кирпичных
конструкций с переборкой насквозь трещин
щипцовой стены и тыловых конструкций глав-
ного портала.⁵¹

Т.Ш. Карумидзе, начав подводку новых
фундаментов и тщательное изучение старых,
обнаружила неоднородность стройматериалов
в разных частях здания – среди фундаментов
XIV в. прослеживались более древние, возмож-
но XII в., которые, как писал Б.Н. Засыпкин,
«дают совершенно новые материалы к исто-
рии возникновения и постройки памятника».⁵²

Последовали довольно неожиданные
выводы:

1) строилось не целиком новое здание, до этого существовала другая
постройка с внутренним двориком (или группа построек, образующая дво-
рик), перекрытым позже куполом казандыка; причём более древние стены
имеет мечеть (СЗ угол комплекса);

2) главный южный портал с минаретами пристроен к ранее существовав-
шему зданию; для установки купола казандыка стены бывшего дворика
были усилены обкладками, и коридоры-проходы в этих стенах были сужены
(этим объяснялось отсутствие фундаментов под южным порталом).⁵³

В ходе исследований Карумидзе возникали также такие вопросы: поче-
му помещение за восточной стеной было заложено сплошь и почему помеще-
ния внутри пилонов южного портала имеют разную форму? Б.Н. Засыпкин
совершенно определённо ответил на эти вопросы: «Это могло быть толь-
ко при тех обстоятельствах, когда по распоряжению Тимура начали возво-
дить грандиозный портал, помещение за восточной стеной и аш-хана уже
существовали.

Были ли они сооружены в XII веке или позднее – требуются исследова-
ния, но, по имеющимся данным, они одновременны с нижней частью щип-
цовой стены. По-видимому, через восточную нишу и заложённое помещение
был особый вход к колодцу со «святой водой». Оно сплошь заложено во время
сооружения портала».⁵⁴

51 Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения... С.54.

52 Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмед Ясави'»... Л.3.

53 Там же. Л.4.

54 Там же. Л.8.

Не много найдётся на Среднем Востоке архитектурных сооружений, относительно которых воля донатора была бы изложена столь программно, как о мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави – от построения плана до мелких декоративных деталей и убранства. Задание Тимура по его сооружению подробно изложено в «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди и было понято правильно дореволюционными ориенталистами. М.Е. Массон первым усомнился (о чём подробно говорилось в предыдущей главе) в объективности знаменитого тимуридского историографа и выдвинул новую периодизацию строительства комплекса.⁵⁵ Тем не менее некоторые авторы, основываясь на данных Шараф ад-Дина Али Йазди и архитектурно-художественных достоинствах памятника (главным образом геометрической соразмерности плана), которые, конечно, бесспорны, выдвигали версию о якобы существовавшем проекте мавзолея (и даже модели) и чуть ли не личном участии Тимура в их разработке.⁵⁶ Последний довод сторонников этой версии – гармоничность сооружения в частях и целом – не столь уж безусловен. М.С. Булатов, исследовавший проблемы геометрической гармонизации в архитектуре Средней Азии IX – XV вв., признавал: «Известно, что мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясави строился в несколько приёмов, причём мастера заменялись. Быть может, по этой причине были допущены погрешности, искажившие октогональные формы и размеры угловых гильдаста на главном фасаде: они отличаются друг от друга по ширине на 50 см. Погрешности были допущены и при разбивке основного прямоугольника плана здания».⁵⁷ Тем не менее мавзолеем Ясави по характеру не является произведением эклектическим – план его вычерчен по модульно-масштабной сетке гязов. В гязях же даны основные параметры мавзолея в описании Шараф ад-Дина, не противоречащие результатам обмеров и геометрического анализа плана здания. Скрупулезность описания Шараф ад-Дина может объясняться следующим: 1) Шараф ад-Дин изложил волю донатора, своего рода программу проекта архитектурного сооружения, что в конце концов не подтвердилось археологическими данными; 2) описа-

55 Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. – Ташкент, 1929. – Т.ХІХ. – С.39 – 45.

56 Острота этого вопроса обойдена Б.Т. Туякбаевой и А.Н. Проскуриным, хотя именно ему, судя по заголовку, посвящена их статья. См.: Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К истории строительства ханаки Ходжи Ахмеда Ясави // ИАН КазССР: Сер. общественных наук. – 1985. – №4. – С.63 – 69.

57 Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX – XV вв.: (Историко-теоретическое исследование): 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, ГРВЛ, 1988. – С.155.

но уже существовавшее здание; 3) речь идёт об объединении или перестройке более ранних помещений.

«Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди существует во множестве списков, изданий и переводов.⁵⁸ Нам здесь ещё раз приходится возвращаться к этому вопросу, уже в связи с работами на мавзолее Ясави 1950-х годов. Анализ разночтений в них и допусков в переводах, сравнение с сочинениями других авторов позволили М.Е. Массону опровергнуть устоявшийся «с лёгкой руки» Шараф ад-Дина миф и постройке грандиознейшего мавзолея за 1 – 2 года.⁵⁹ Конечно, свидетельство Йазди не стоит отвергать безапелляционно, а нужно анализировать. Критический анализ письменного источника в совокупности с новыми археолого-архитектурными данными меняют взгляд на историю создания комплекса. «Исследования и предварительные выводы Т.Ш. Карумидзе не противоречат историческим данным, – считал Б.Н. Засыпкин. – Сообщение Шараф ад-Дина [гласит], что Тимур «та’мир» мавзолеем над могилой Ходжи Ахмеда Ясави.

Одни историки переводили слово «та’мир» как «построил», другие – «перестроил». По словарю слово «та’мир» переводится: «ремонт, исправление, починка». Это мнение не опубликовано, но в рукописи Б.Н. Засыпкин подчёркивает, что «Исследования Т.Ш. Карумидзе окончательно решают вопрос о том, что комплекс «Ахмеда Ясави» существовал до работ 1397 – 1399 гг. и Тимур дал распоряжение о постройке портала и возведении купола над двориком».⁶⁰ Т.Ш. Карумидзе и Б.Н. Засыпкин не просто вернулись к массоновской периодизации, они по сути открывают новую картину грандиозной стройки.

58 Некоторые сведения о «Зафар-наме» Йазди о строительстве монументальных зданий в Средней Азии в конце XIV - начале XV вв. / Выборка и перевод с персидского М. Урунбаева и Ш. Мусаева // Маскан. – 1992. – №2. – С.36 – 39; Шараф ад-Дин Йазди // Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки / Сост. Б. В. Лунин. – Ташкент: Фан, 1974. – С.40 – 43; Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1952. – Т.1. – С.58 – 59; Стори Ч.А. Персидская литература: Библиографический обзор: В 3 ч. М.: Наука, ГРВЛ. 1972. – Ч.1: Кораническая литература. Всеобщая история. История пророков и ранний ислам. – С.797 – 805; Петрушевский И.П. [Основные источники по истории Ирана (30-е годы XIV – конец XV вв.)] // Пигулевская Н.В. и др. История Ирана: С древнейших времен до конца XVIII века; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – С.211 – 216; Костыгова Г.И. Коллекция рукописей Д.И. Долгорукого в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока. 1975. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С.62 и др.

59 Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави... С.39 – 45.

60 Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмед Ясави»... Л.1.

Кроме «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди и других нарративов существует ещё один документ (о нём мы упоминали в первой главе), связанный непосредственно с комплексом, это вакуфная грамота, данная Тимуром шейхам мавзолея Ясави, где расписано его дальнейшее существование. И опять, на этот раз в середине 1990-х гг., археология подвела к новой интерпретации известного письменного источника: «Но учреждал ли эмир (Тимур. – Ю.Ё.) этот порядок? Скорее всего он санкционировал уже существующий порядок внутренней жизни храма, законность давно сложившимся правилам и обычаям. А начали они формироваться, надо полагать, со времён смерти Ходжи Ахмеда Ясави, когда на некрополе города Ясы был возведён храм популярного суфийского проповедника». ⁶¹ Отсюда следует: если существовал «порядок», то должно было стоять и какое-то сооружение.

М.Е. Массон, Б.Н. Засыпкин, Т.Ш. Карумидзе, Л.Ю. Маньковская единодушны в том, что на месте мавзолея Ясави было древнее кладбище и какие-то постройки. Но конкретной периодизации истории некрополя не было. Идеи Карумидзе – Засыпкина нашли определённое подтверждение в исследованиях казахстанских археологов в середине 1990-х годов. Выделены основные этапы сложения некрополя Ясы-Туркестана: 1) V – X вв.; 2) XI – XII вв., 3) XIII – XIV вв. ⁶² Второму этапу соответствовали погребение самого Ходжи Ахмеда и остатки его мавзолея XII в. Этот факт давно известен. Но результаты исследования третьего этапа более рельефно высвечивают проблематику, над которой работали Карумидзе и Засыпкин, если не прямо, то косвенно «работая» на их гипотезу. Раскопки 1997 г. показали, что под полами существующего комплекса оказались погребения этого периода. ⁶³ Найдены также фрагменты архитектурного декора – резной поливной майолики XIII – XIV вв. ⁶⁴ Были и другие открытия, много давшие для истории создания мавзолея. ⁶⁵ Поражает совпадение выводов учёных 1950-х гг. и результатов современных археологических исследований. Археологи также считают, что на месте сохранившегося

61 Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Древний Туркестан // Новости археологии. – 1997. – № 1. – С.67.

62 Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестана // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.18.

63 Там же. С.25.

64 Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Основные этапы формирования некрополя средневекового города Туркестана: (к 1500-летию Туркестана) // Саясат. – 1996. – № 2 (9). – С.74.

65 Археологические работы в Туркестане подробно изложены и интерпретированы в новой специальной монографии. – См.: Смагулов Е., Григорьев Ф., Ишенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 232 с.

мавзолея существовал ансамбль зданий, организующим центром которого был мавзолей караханидского типа с обширным двором перед ним и колодцем посреди двора. Теперь определённо говорится о наложении плана тимуровского комплекса на план первоначального ансамбля с совпадением центров двора и казандыка.⁶⁶ Хотя, на наш взгляд, здесь надо пользоваться более точной терминологией, так как наличие ансамбля предполагает согласованное и продуманное единство, общий идейно-художественный и архитектурно-пространственный замысел. Данных же на этот счёт пока нет (неизвестно, что были за постройки, как они были взаимосвязаны функционально и архитектурно и т.д.), хотя заманчиво показать развитие комплекса по прямой – от однокамерного мавзолея к многофункциональному монументальному зданию.

Б.Н. Засыпкин, будучи признанным практиком реставрации, не игнорировал дедуктивный метод исследования, учитывая логику развития истории зодчества среднеазиатско-казахстанского региона. Его выводы, подтверждённые данными археологии, не идут в принципе в разрез с концепцией формирования многофункционального монументального здания-комплекса Средней Азии, сложившейся в отечественной истории архитектуры, начиная с 1970-х годов. Таким является мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, не имеющий аналогов в зодчестве Центральной Азии и мусульманского Востока.

66 Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестана... С. 24.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Издание исчерпывающей монографии по мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави в рамках выполнения Государственной программы «Культурное наследие», которая стала бы весомым вкладом в историю архитектуры Казахстана, – дело ближайшего будущего. Такая книга предполагает все-сторонний охват этого знакового в истории архитектуры Центральной Азии памятника. В основе подобного исследования должен лежать междисциплинарный подход, в котором археологические исследования займут своё место. Накоплен весомый багаж знаний об этом, не имеющем аналогов в зодчестве ислама, сооружении. Отложились результаты малых и масштабных исследований и реставрационных проектов. Также в Казахстане сформировались квалифицированные кадры археологов, имеющих опыт работы на памятниках архитектуры развитого и позднего средневековья, сохранивших свои наземные объемы, и появились профессионально работающие историки архитектуры. Именно им предстоит осуществить идею объёмной монографии. Историографическая составляющая представляется нам важным разделом такого обобщающего труда. Но и сама по себе, в рамках архитектурной историографии, такая работа представляет собой важную и насыщенную архивным и источниковедческим материалом тему, имеющую самостоятельное значение. Предложенные вниманию читателей очерки и материалы по истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави рассматриваются нами как прелюдия к написанию специальной историографической работы.

В дальнейшем предстоит преодолеть фрагментарность данных очерков, восполнить лакуны в истории изучения памятника, дополнить не в полной мере затронутые нами периоды исследования мавзолея и его реставрации, имеющей очень длительную и местами не совсем ясную

историю. В отличие от предыдущих историографических работ (очень немногих) о мавзолее Ясави должен быть задействован материал, полученный в ходе археологических исследований непосредственно на памятнике, в том числе внутри казандыка и некоторых других помещений комплекса. В предыдущих периодах изучения памятника археологические работы велись главным образом в его охранной зоне. Сделанные открытия позволят пересмотреть многие неясные моменты, связанные с историей создания комплекса и вопросами его изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаза К.К. Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. – 312 с.
2. Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012//4/a13-pr.html>.
3. Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы, 1996. – 176 с.
4. Абдрахманов Б.А. Казахстан в материалах Полного собрания Законов Российской империи: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Усть-Каменогорск, 2002. – 25 с.
5. Абиджанова Д.С. Маверауннахр эпохи правления Амира Темура в англоязычной историографии 60 – 90-х годов XX в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2001. – 24 с.
6. Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII – XVIII вв.: (Биобиблиографические обзоры). – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 426 с.
7. Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // Историческая наука Советского Казахстана (1917 – 1960 гг.). – Алма-Ата: Ғылым, 1990. – С.43 – 60.
8. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар: (Топография, стратиграфия, перспективы). – Алма-Ата: Наука, 1972.

- 215 с.
9. Арапов Д. Ю. Русское востоковедение и изучение истории Золотой Орды // Куликовская битва в истории нашей Родины: (Материалы юбилейной конференции). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С.70 – 77.
 10. Архитектурный комплекс Ахмеда Ясави. – Изд. 2-е, доп. / [Автор текста Н.-Б. Нурмухаммедов]. – Алма-Ата: Өнер, 1988. – 168 с.
 11. Ахьеров П.Н. Надписи мечети Ахмеда Ясави // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1896. – Т.ХIII. – Вып.6. – С.538 – 551.
 12. Ахьеров П.Н. Описание печати Ахмеда Ясави // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1896. – Т.ХIII. – Вып.6. – С.530 – 537.
 13. Ахмеров П.Н. Описание мечети Ахмеда Ясави // Восточные заметки (Казань). – 1896. – С. 3 – 10.
 14. Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С.81 – 93.
 15. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.
 16. Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Древний Туркестан // Новости археологии. – 1997. – 1 (Январь – июнь). – С.64 – 69.
 17. Бакланов Н.Б. Три сооружения Тимура // Труды Всероссийской Академии художеств. – М. – Л.: Государств. изд-во искусства, 1947. – Вып.1. – С.51 – 66.
 18. Бартольд В.В. Абдулла б. Искендер // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, 1964. – Т.II (2). – С.487 – 488.
 19. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.199 – 482.
 20. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Изд-во восточной литер., 1963. – Т.II (1). – С.169 – 433.
 21. Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.648 – 664.
 22. Бартольд В.В. О погребении Тимура // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, 1964. – Т.II (2): Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – С.423 – 454.
 23. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков //

-
- Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977.– Т. IX: Работы по истории востоковедения. – С.23 – 174.
24. Барутчева Е.А. Из истории нескольких заимствованных архитектурных терминов // Русский язык в школе, – 1990. – №5. – С.90 – 92.
 25. Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии // Известия Сибирского отделения АН СССР: Сер. общественных наук. – 1977. – №6. – Вып.2. – С.133 – 140.
 26. Бекчурин М.-С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8. – Отд.2. – С.209 – 217.
 27. Берёзиков Е. Святые лики Туркестана: Жизнеописания и легенды. – Ташкент: Каламак, 1992. – 160 с.
 28. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР: Сер. археологическая. _ 1949. – Вып. 2. – С.59 – 99.
 29. Боровков А.К. Очерки по истории узбекского языка: (Определение языка хикматов Ахмеда Ясеви) // СВ. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – V. – С. 229 – 250.
 30. Бородина И.Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X – XV вв. // АН. – 1974. – Вып.22. – С.117 – 127.
 31. Брентъес Б. Планы городов Бухары и Туркестана XVIII в. // ОНУз. – 1985. – №6. – С.55 – 58.
 32. Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX – XV вв.: (Историко-теоретическое исследование): 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, ГРВЛ, 1988. – 362 с.
 33. Булатова В. Борис Николаевич Засыпкин (1891 – 1955): Из истории становления научной реставрации памятников архитектуры в Узбекистане // Россия – Узбекистан: В прошлом и настоящем: Люди. События. Размышления. – М.: Альфа-книга, 2003. – С.99 – 117.
 34. Булатова В.А. К столетию со дня рождения Бориса Николаевича Засыпкина // АСУ. – 1991. – №5. – С.14 – 16.
 35. Бушков А. Русская Америка: Слава и позор. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2004. – 640 с.
 36. В.В[яткин]/ Историческая справка [о мавзолее Ясави] // ТВ. – 1906. – №93.
 37. Верещагин В.В. От Оренбурга до Ташкента // Всемирный путешественник. – 1874. – Май. – С.1 – 118.
 38. Верещагин В.В. Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. – СПб,

- 1874.
39. Верещагин В. От Оренбурга до Ташкента /// Санкт-Петербургские Ведомости. – 1868. – №16.
 40. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988. – 466 с.
 41. Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры О.А. Федченко, исполненные Саврасовым в Москве, Сисери, Сабатье и Ламерсье в Париже. Федченко О.А. – М.: Изд-во Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии [между 1903 и 1913]. – 14 л.
 42. Вишневецкая В.А. Фотоальбом 1874 г. по этнографии Средней Азии в собрании МАЭ // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Май 1989 г. – Л., 1990. – С.56 – 58.
 43. Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник: (Заметки к постановке вопроса) // СА. – 1954. – XIX. – С.42 – 77.
 44. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и турков: Словарь. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – 221 с.
 45. Гафуров А.Г. О сложносоставных антропонимах таджикского языка // Ономастика Средней Азии: [Сб. статей]. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С.165 – 168.
 46. Гедин С. В сердце Азии: Памир –Тибет – Восточный Туркестан: Путешествие Свена Гедина в 1893 – 1897 годах / Пер. со шведского А. и П. Ганзен. – СПб.: А.Ф. Девриен, 1899. – Т.I – VIII. – 487 с.
 47. Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса: В 3-х тт. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – 742 с.
 48. Гейнцельман В.С. О ремонте мечети Хазрета Ахмеда Ясави // ПТКЛА. – 1906. – Вып. XI. – С.1 – 2.
 49. Гендель Э.М. Инженерные работы при реставрации памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1980. – 199 с.
 50. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб.: Тип К.В. Мюллера, 1776. – Ч.2: О народах татарского племени. – [4], 188 с., 30 л. илл.
 51. [Гнучева В.Ф., сост.]. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках // Труды Ленинградского отделения Академии наук. – М. – Л., 1940. – Вып.4. – 310 с.
 52. Голендер Б.А. Окно в прошлое: Туркестан на старинных почтовых открытках (1893 – 1917). – Ташкент: ЛИА Р.Элинина, 2002. – 246 с.
 53. Голованов В. Сказки бабушки Екатерины II // Наука и жизнь. – 2010. – №1. – С.109 – 112.

-
54. Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана // *Ab imperio*. – 2007. – №3. – С.1 – 64.
 55. Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии: (Деятельность историка, архитектора и реставратора Бориса Засыпкина) /// Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX века. – М., 1999. – С.96 – 105.
 56. Горшенина С.М. Становление и развитие системы истории искусств в Средней Азии и Узбекистане: Конец XIX века – первая половина XX века: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1996. – 27 с.
 57. Гоццола П. Реставрация памятников, исторический обзор // Консервация и реставрация памятников и исторических зданий: Пер. с франц. – М.: Стройиздат, 1978. – С.9 – 33 (Музей и памятники, 14).
 58. Грамота Тамерлана, данная шейхам мечети Ахмеда Ясави // ПТКЛА. – 1897. – Вып.II. – С.1– 4.
 59. Денике Б.П. Искусство Средней Азии. – М.: Центриздат народов СССР, 1927. – 56 с.
 60. Диваев А.А. Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета Ясави: (Пер. с перс.) // ТВ. – 1901. – №39, 41.
 61. Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859 – 1917): (Фотографии Научного архива Института истории материальной культуры РАН) // РА. – 2008. – №3. – С.157 – 167.
 62. Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотографиях русских исследователей второй половины XIX – первой половины XX века (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2008. – 32 с.
 63. Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. – СПб.: Лики России, 2006. – 304 с. Второе издание вышло в 2010 г.
 64. Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск. Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. – Ташкент: Эл.-пар. типолит. О.А. Порцева, 1912. – 204 с.
 65. Если заглянуть в глубь истории Амира Тимура Гурагана и Туркестанской соборной мечети Ахмеда Ясави: Вакуф (Грамота)
-

- / Пер. с персидского Абубакира Диваева // Первые этнографы Казахстана / Авт. предисл. и сост. У. Жанибек. – Алматы: Білім, 2002. – С.125 – 130.
66. Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати // Туран – Туркестан: Проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 23 – 24 ноября 2006 года. – Туркестан, 2006. – С.171 – 172.
67. Ёлгин Ю.А. К проблеме изучения названий памятников культовой архитектуры Средней Азии и Казахстана // Язык и культура: Функционирование и взаимодействие: Материалы Международной конференции. – Шымкент, 2003. – С. 202 – 206.
68. Ёлгин Ю.А. Первый художник в Чимкенте // Культурное наследие Южного Казахстана: Сборник статей, посвящённый 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 2002. – С.158 – 162.
69. Ёлгин Ю.А. К истории изучения архитектурного комплекса Ходжи Ахмеда Ясави во второй половине XIX в. – 1917 г. // Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави: (Библиографический указатель) / Сост. и автор вступит. статьи Ю.А. Ёлгин. – Шымкент, 1992. – С.9 – 12.
70. Ёлгин Ю.А. Михаил Евгеньевич Массон и архитектурное наследие Чимкентской области // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Чимкентского областного историко-краеведческого музея (10 – 12 октября 1990 г.). – Алма-Ата, 1990. – С.7 – 10.
71. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, экономическом и бытовом значении. Под общ. ред. П.П. Семёнова. – СПб. – М.: М.О. Вольв, 1885. – Т. 10: Русская Средняя Азия. – 448, IV с.
72. «Записки Бухарского гостя» Фазлаллаха Исфохани (начало XVI в.) // История Узбекистана в источниках: Известия путешественников, географов и учёных XVI – первой пол. XIX в. / Сост. Б.В. Лунин. – Ташкент: Фан, 1988. – С.18 – 19.
73. Завия // Ислам: Словарь атеиста. – М.: Политиздат, 1988. – С.76.
74. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). – Томск: Изд-во Томского Гос. архитектур.-строит. ун-та, 2004. – 170 с..
75. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 года) // ВИРГО. –1856. – Ч.18. – С. 255 –290.

-
76. Зарубин И. По горам и степям Средней Азии: (Путевые заметки) от Москвы до Кульджи // Русский Вестник. – 1879. – Т.144. – Декабрь. – С.627 – 683.
 77. Засыпкин Б.Н Кирпич в архитектурных сооружениях Средней Азии домонгольского периода: (IX – XI вв.) // Строительная промышленность. – 1928. – №4. – С.307 – 312.
 78. Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948. – 159 с.
 79. Засыпкин Б.Н. Своды в архитектуре Узбекистана // АН. – Вып.12. – С.139 – 168.
 80. Захидов П. Возрождение памятников Узбекистана // Архитектура СССР. – 1974. – №9. – С.21 – 22.
 81. Зинин С.Н. Из истории антропонимической терминологии // Антропонимика: [Сб. статей]. – М.: Наука, 1970. – С. 24 – 26.
 82. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI – XIX вв. – Ташкент: Фан, 1983. – 187 с.
 83. ибн Рузбихан Исфохани, Фазлаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). – М.: Наука ГРВЛ, 1976. – 448 с.
 84. Ибрагимов С.К. «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV – XVI вв. // ТИАЭ АН КазССР. – 1960. – Т.8. – С.141 – 157.
 85. Из «Зафар-нама» Шараф ад-Дина Али Йазди / (Пер. с персидского Ж.М. Тулибаевой) /// История Казахстана в персидских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т.V: Извлечения из сочинений XIII – XIX веков. – С.85 – 87.
 86. Из «Лексикона, или словаря топографического, Оренбургской губернии» П.И Рычкова (1776 г.) // Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С.258 – 264. (История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков, Т.IV).
 87. Калмыков А.Д. Мечеть: Основные вопросы среднеазиатской археологии // ПТКЛА. – 1910. – Вып.XIV. – С.91 – 109.
 88. Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки. – Ташкент: Тип. Окружного Штаба, 1889. – 75 с.
 89. Кереева-Канафиева К. Дореволюционная печать о Казахстане: Из истории русско-казахских литературных связей. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1963. – 303 с.
 90. Кёстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к
-

-
- Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. – Алматы: Жибек жолы, 1998. – 152 с.
91. Климовицкий Я.А. Термин и обусловленность определения понятий в системе // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С.107 – 114.
 92. Книга Большому чертежу. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 232 с.
 93. Княжецкая Е.А. Путешествие тобольского казака Фёдора Скибина в Казачью Орду в 1694 – 1696 гг. // Страны и народы Востока. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – Вып. XXII. – Кн.2. – С.66 – 73.
 94. Кожа М., Ёлгин Ю.А. Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах Сырдарьи // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы, 2004. – С.237 – 241.
 95. Копанева Н.П. О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С.174 – 181.
 96. Коран [Перевод с арабского Г.С. Саблукова] / Третье издание. – Казань: Центральная типография, 1907. – 1169, VIII с.
 97. Косанбаев С.К. История изучения этнологии казахов (XVIII – 40-е гг. XIX в.): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2001. – 34 с.
 98. Костыгова Г.И. Коллекция рукописей Д.И. Долгорукого в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока. 1975. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С.59 – 66.
 99. Кумеков Б., Султанов Т. Вклад русских и советских учёных-востоковедов в изучение средневековой истории Казахстана // ИАН КазССР: Сер. общественных наук. – 1974. – №2. – С.14 – 23.
 100. Кун А.Л. Туркестанский альбом. 1871 – 1872. – Алматы: ОФ Берел, ТОО Asia line, 2005. – 166 с.
 101. Кылыев А. «Зафар-наме» как источник изучения истории средневекового Кыргызстана // Библиография. – 2005. – №2. – С.100 – 103.
 102. Лазарев А.Г., Лазарев А.А., Кудинова Е.А. Справочник архитектора. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 352 с.
 103. Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён до 1917 года. – М.: Мысль, 1971. – 516 с.
 104. Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1870.. – X, 39 с.
-

-
105. Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. – Ташкент: Фан, 1979. – 183 с..
 106. Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895 – 1917 гг.). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 320 с..
 107. Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки. – Ташкент: Фан, 1974. – 386 с.
 108. Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. М. Елеуов, М.М. Бахтыбаев. – Туркестан: Туран, 2011. – С.27 – 62.
 109. Лэмб Гарольд. Тамерлан: Правитель и полководец. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – С. 334 с.
 110. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави: Книга-альбом / Авторы текста А.К. Муминов, С. Молдаканагатулы, Б.С. Корганбек. – Алматы: «Эффект» ЖШС, 2009. – 200 с.
 111. Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавийского в гор. Туркестане // ПТКЛА. – 1907. – Вып. XII. – С.6 – 28.
 112. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и материалы. – М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1951.– 451 с.
 113. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – 183 с.
 114. Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии: Мавзолеи Фудины и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – С.96 – 105.
 115. Маньковская Л. Ю. Исследование архитектурного комплекса – мавзолея Ахмада Яссави в городе Туркестане и вопросы его реставрации: Автореферат. дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1963. – 18 с.
 116. Маньковская Л.Ю. К изучению приёмов среднеазиатского зодчества конца XIV в.: (Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави) // ИЗУ. – 1962. – Вып. II. – С.92 – 142.
 117. Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви в г. Туркестане // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии.
-

- 1960. – Вып.3 (14). – С.52 – 69.
118. Масанов Э.А. Очерки этнографического изучения казахского народа. Алма-Ата: Наука, 1966. – 322 с.
119. Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // САГУ: Новая серия. – 1956. – Вып. LXXXI: Исторические науки. – Кн.12. – С.5 – 40.
120. Массон М.Е. К исторической топографии Герата XV века // Великий узбекский поэт: Сб. статей. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1948. – С.120 – 145.
121. Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типолит №2 Узполиграфтреста, 1930. – 22 с.
122. Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. – Ташкент, 1929. – Т.ХІХ. – С.39 – 45.
123. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисябз при Тимуре и тимуридах // ТСФГУ. – 1953. – Вып.ХLІХ. – Кн.6. – С.17 – 87.
124. Матвиевский Е.П. Дневник Дж. Кёстля как исторический источник // История СССР. – 1958. – №4. – С.135 – 145.
125. Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. – 5 июня 1739 г.) // Первые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII – XIX века. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С.32 – 55. (История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков, Т.VI).
126. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауезовой. Индексы составлены Р. Эмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
127. Махмудова М.Т. Исследователь и реставратор памятников архитектуры // АСУ. – 1991. – №5. – С.17 – 18.
128. Махмудова М.Т. Из истории исследования и реставрации мавзолея Ахмада Ясеви в Туркестане // АСУ. – 1989. – №10. – С.25 – 27.
129. Махмудова М.Т. Учёный, архитектор, реставратор: (К 95-летию Б.Н. Засыпкина) // АСУ. – 1987. – № 2. – С.38 – 39.
130. Машковцев Н.Г. Революция и памятники // Машковцев Н.Г. Из истории русской художественной культуры: Исследования, очерки, статьи. – М.: Сов. художник, 1982. – С.307 – 309.
131. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – 180 с/

-
132. Мечети Самарканда. – СПб.: Изд. Имп. Археологической комиссии, 1905. – Вып.1: Гур-Эмир.
 133. Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Ислам и Россия. – М.: Вече, – 2004. – 368 с. (Тайны Земли Русской).
 134. Мирбабаев А.К. К истории медресе Герата XV – XVI вв. // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С.126 – 137.
 135. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII век). – Кемерово, 1963. – 263 с
 136. Миронов А.М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1926. – Вып.1. – С.18 – 42.
 137. Мозер Г. В странах Средней Азии: [Путевые впечатления Генриха Мозера. 1882 – 1883] / Оттиски из исторического журнала «Русская старина». Изл. 1886 г. – СПб.: В.С. Балашев, 1888. – 73 с.
 138. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
 139. Настич В.Н. Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XII – XVII вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983. – С.143 – 152..
 140. Некоторые сведения в «Зафар-наме» Йазди о строительстве монументальных зданий в Средней Азии в конце XIV – начале XV вв. / Выборка и перевод с персидского А. Урунбаева и Ш. Мусаева // Маскан. – 1992. – №2. – С.37 – 39.
 141. Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре: (К истории архитектурного комплекса). – Бухара, 2003. – 215 с.
 142. Нурмухаммедов Н-Б. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. – Алма-Ата: Өнер, 1980. – 37 с., 75 л. илл.
 143. П. И. Рычков. Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге ис книг турецких и персидских и по скаскам бывалых в тех местах людей, к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания // Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С.60 – 79 (История Казахстана в русских источниках XVI – XX

- веков, T.IV).
144. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1773. – Кн.2. – Ч.2. – 216 с.
 145. Пацевич Г.И. Ремонт и реставрация мавзолея-мечети Ходжи Ахмеда Ясави в 1939– 1940 гг. // ИАН КазССР: Сер. архитектурная.– 1950. – № 80. – Вып.2. – С.95 – 100.
 146. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. – СПб.: типу Тиблена и К (Неклюдова), 1868. – 179 с., илл и карт.
 147. Пётр Иванович Лерх // Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки / Сост. Б.В.Лунин. – Ташкент: Фан, 1974. – С.209, – 210.
 148. Петрушевский И.П. [Основные источники по истории Ирана (30-е годы XIV – конец XV вв.)] // Пигулевская Н.В. и др. История Ирана: С древнейших времен до конца XVIII века; Н. В. Пигулевская, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – С.211 – 216.
 149. Писченков А. Путевые заметки по дороге в Ташкент // Всемирная иллюстрация. – 1870. – II год. – Т.III. – №76. – С.419 – 422.
 150. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
 151. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник Русского Географического общества. – 1851. – Ч.I. – Кн.1. – Отд.VI. – С.1 – 56.
 152. Полевой Н. История русского народа. – М.: Типогр. Августа Семена при Имп. Медико-хирургической академии, 1829. – Т.I. – LXXXII, 370, VII с.
 153. Попова В.Н. Шавгар – Ясы – Туркестан // Актуальные проблемы языкознания: Сб. научн. трудов. – Шымкент: МКТУ им. Ясави, 1998. – С.122 – 127.
 154. Предполагаемая реставрация мечети Азрета в г.Туркестане // ТВ. – 1883. – №40.
 155. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века (Из собрания МАЭ РАН) // Культурное наследие Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.: Наука, 2006. – С.174 – 225 (Кунсткамера, Сборник МАЭ РАН, Т.52).
 156. Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. // Радловские чтения. 2006. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С.171 – 176.

-
157. Проскурин А.Н., Туякбаева Б.Т. Историко-архитектурное наследие г. Туркестана // Отан тарихы = Отечественная история. – 2000. – №3. – 4. – С.19 – 24.
 158. Пугаченкова Г.А. Средняя Азия: Справочник-путеводитель: (Памятники искусства Советского Союза). – М.: Искусство, 1983. – 426 с.
 159. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век: Ведущие тенденции и черты. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1976. – 116 с.
 160. Пугаченкова Г.А. И всё-таки мавзолей // САУ. – 1975. – №12. – С.10 – 13.
 161. Пугаченкова Г.А. К архитектурной типологии среднеазиатских ханака // Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия: Проблемы взаимодействия культур в эпоху средневековья: Тезисы докладов конференции. – Л., 1972. – С.14 – 15.
 162. Пугаченкова Г.А. Зодчий Кавамеддин Ширази // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. – М., 1969. – С.28 – 29.
 163. Пугаченкова Г.А. Искусство Афганистана. – М.: Искусство, 1963. – 248 с.
 164. Пугаченкова Г.А. К вопросу о реконструкции ансамбля Доруссиодат, тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. – М., 1950. – Вып. I. – С.58 – 72.
 165. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана: (С древнейших времён до середины девятнадцатого века). – М.: Искусство, 1965. – 688 с.
 166. Рассудова Р.Я. Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С.115 – 128.
 167. Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и в библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX в. – М.: Наука, 1978. – С.217 – 260.
 168. Рахматуллаева С.Д. Образ фортификации в миниатюре Герата XV века // Маскан. – 1991. – №12. – С.34 – 35.
 169. Реклю Э. Россия европейская и азиатская. – СПб.: Изд. картографического заведения А. Ильина, 1884. – Т.2: Азиатская Россия и среднеазиатские ханства. – 516 с.
 170. Ремпель Л.И. Далёкое и близкое. Страницы жизни, быта, строитель-
-

- ного дела, ремесла и искусства Старой Бухары: Бухарские записи. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1981. – 301 с.
171. Реформатский А.А. Термин как член лингвистической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. – М.: Наука, 1968. – С.103 – 125.
172. Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 году. – СПб., 1772. – 105 с.
173. Рычков П.И. История оренбургская (1730–1750). Издание Оренбургского Губернского статистического комитета. Под ред. и прим. Н.М. Гутьяра. – Оренбург: Типолит. И.И. Евфимовского-Мировецкого, 1896. – 100 с.
174. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887.
175. Рычков П.И. Топография Оренбургской степи. – СПб., 1762. – Ч.II.
- Рычков П.И. История Оренбургская. – СПб., 1759. – 195 с.
176. Свод памятников истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Гл. ред. «Казак совет энциклопедиясы», 1994. – Т.I: Чимкентская область. – 368 с.
177. Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. – СПб.: Кушелев – Безбородко, 1860. – 98 с. Впервые: Русское Слово. – 1859. – №10.
178. Семёнов А.А. Мечеть Ходжа Ахмеда Есевийского в г. Туркестане: Результаты осмотра в ноябре 1922 г. // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1926. – Вып. I. – С.121 – 130.
179. Сикстулис Я.П., Матвеев В.В., Фролова О.Б., Амирьянц И.А., Родионов М.А. Арабы // Система личных имён у народов мира. – М.: Наука, ГРВЛ, 1986. – С.43 – 58.
180. Славина Т.А. Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX века. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1989. – 191 с.
181. Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 232 с.
182. Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Основные этапы формирования некрополя средневекового Туркестана: (К 1500-летию Туркестана). // Саясат. – 1996. – №2. – С.72 – 78.
183. Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестана // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.18 – 25.
184. Смирнов Е.Т. О состоянии мечети Ахмета Ясави // ПТКЛА. – 1897. – Вып. II. – С.10 – 11.
185. Смоленский Н.И. Понятие и слово в языке историка // Новая и но-

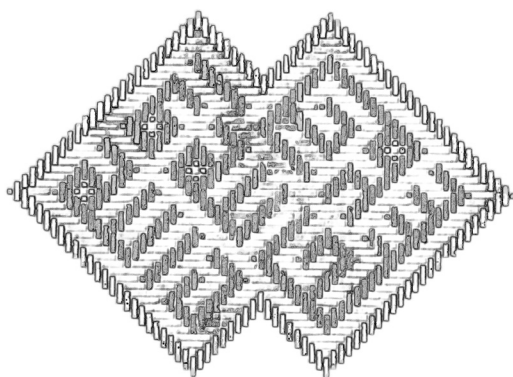
-
- вейшая история. –1982. – №2. – С.3 – 14.
186. Собрание восточных актов Академии наук Узбекистана // Исторические записки. – 1948. – Т.26. – С.306 – 311.
187. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1952. – Т.1. – 441 с.
188. Ставиский Б., Жукова Н. Первые шаги государственной системы охраны и реставрации памятников Средней Азии // Искусство. – 1981. – №4. – С.53 – 56.
189. Стародуб Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры: Автореферат дисс. ... д-ра искусствоведения. – М., 2006. – 45 с.
190. Стародуб Т.Х. Рибат и ханака: Термин и архитектурный тип // Архитектура и искусство Ближнего и Среднего Востока: Материалы конференции. – Баку: Элм, 1989. – С.44 – 48.
191. Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: Ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С.268 – 279;
192. Старостин Б.А. О структуре и историческом развитии антропонимии арабского происхождения // Антропонимика. – М. : Наука, 1970. – С. 281 – 285.
193. Стори Ч.А. Персидская литература: Биобиблиографический обзор: В 3 ч. М.: Наука, ГРВЛ. 1972. – Ч.1: Кораническая литература. Всеобщая история. История пророков и ранний ислам. – 693 с.
194. Султанов Н. Памятники зодчества средних веков и магометанского Востока. Атлас: Пособие для изучения истории архитектуры. – СПб.: Журнал «Строитель», 1908. – СХІХ с.
195. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым – М.: Изд. Императорского Московского ун-та, 1769. – Кн.І. – Ч2. – 600 с.
196. Тильман Нагель. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. – Ростов-н/Д: Феникс, 1997. – 640 с.
197. Тоқтабаев А.У. Қожа Ахмет Яссауи сәулет ғимаратының тарихнамасы // Отан тарихы = Отечественная история. – 2000. – №3 – 4. – 25 – 35 б.
198. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – 328 с.
199. Тулибаева Ж.М. Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана: Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2003. – 50 с.;
-

-
200. Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясави. – Алма-Ата: Өнер, 1989. – 176 с.
201. Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана // ИМОННАН РК: Сер. общественных наук. – 2000. – №1. – С.17 – 27.
202. Туякбаева Б., Проскурин А. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханаки Ахмеда Ясави // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – Вып.4. – С.107 – 110.
203. Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К вопросу о возникновении суфийской ханаки в г.Туркестане // ВАН КазССР. – 1986. – №6. – С.62 – 70.
204. Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К истории строительства ханаки Ходжи Ахмеда Ясави // ИАН КазССР: Сер. общественных наук. – 1985. – №4. – С.63 – 69.
205. Ужфальви де Мезё-Ковёзд Ш.Е. Сырдарья – Зеравшан. Страна семи рек и Западная Сибирь // Французские исследователи в Казахстане. / Пер. с фр. О.В. Рублёвой; Сост. И.В. Ерофеева. – Алматы: «Санат», 2006. – С.153 – 232 (История Казахстана в западных источниках XII - XX вв., Т.VII).
206. Ужфальви-Бурдон, Мари де. Путевые впечатления парижанки // Французские исследователи в Казахстане / Пер. с фр. О.В. Рублёвой; Сост. И.Е. Ерофеева. – Алматы: «Санат», 2006. – С.233 – 270. Впервые на русском языке: Ужфальви-Бурдон М. Русская Азия: (Путевые впечатления) // Звезда, – 1886. – №20. – С.480 – 482; №21. – С.504 – 506; 1887. – №35. – С.761 – 764; №36. – С.777 – 780. (Пер. с париж. изд. 1880 г.).
207. Умняков И.И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы. – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1928. – Вып. III. – С. 265– 275.
208. Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии: Исследования. Ремонт. Реставрация. 1920 – 1928 гг. – Ташкент: Правда Востока, 1929. – 40 с..
209. Умняков И.И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы. – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1926. – Вып.1. – С.43 – 54.
210. Урунбаев А. Шараф ад-Дин Али Йезди и рукопись его труда *Зафар*
-

-
- наме // Шараф ад-Дин Али Йезди. Зафар-наме (Книга побед). – Ташкент, 1972. – С. XXIII – XXXIII.
211. Фальк И.П. Описание всех национальностей России. – Алматы, 1999. – 223 с.
212. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
213. Хорошхин А. Тамды, или Тамлы: (Из походного дневника) // Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях казахской степи (XIX – XX вв.) – Алматы: Дайк-Пресс, 2006 – (История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков, Т. IX). Впервые: Тургайские областные ведомости. 1891. – №12.
214. Хорошхин А.П. Сборник статей, касающийся до Туркестанского края. – СПб., 1876. – 531 с.
215. Чабров Г.Н. Восточные окраины России в русском искусстве XVIII века. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1957. – 71 с. (ТСАГУ, Вып. XLIII, Кн.20).
216. Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии: (К 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. – 1946. – №6. – С.92 – 101.
217. Шараф ад-Дин Йезди // Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки / Сост. Б. В, Лунин. – Ташкент: Фан, 1974. – С.40 – 43.
218. Шарафуддин Али Йаздий. Зафарнома. – Ташкент: Шарк, 1997. – 382 с. (уз. яз.)
219. Шишкин А.А., Романова А. Восстановление комплекса Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане: (Из опыта реставрации древних памятников) // САУ. – 1977. – № 4. – С.32 – 35.
220. Шишкин В.А. Борис Николаевич Засыпкин // Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1967. – С.6 – 18.
221. Шлиттнер М. В Туркестане: (Отрывки из старого дневника) // Военный сборник. – 1902. – №2. – С.187 – 216.
222. Architektural illustrations of the principal mahometan buildings of Beejapore: Executed under the direction of Bartle Frere esq. B.C.S., resident at Saattara, by capt. Philip D. Hart b.e. assisted by Alex. Camming, civil engineer, and nanive drafismen . Edited by James Fergusson. – London: Cundall and Downes. – 83 sh.
223. Castle John. Materialien zu russischen Geschichte seit dem Toode Kaisers Peter des Grossers. – Riga, 1777 – 1784. – 2 tt.
224. [Lehman A.] Alexander Lehman s Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdruckerei der
-

-
- Keiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – 352 s.
225. Schuyler E. Turkistan: Notes of journey in Russian Turkestan, Khokand, Buchara and Kuldja: In two volumes. – New York: Scribner, Armstrong & Co, 1876. – Vol. I. – 411 p.

Приложения

СВЕДЕНИЯ ПЕРСИДСКИХ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
О МАВЗОЛЕЕ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ

Отрывки из «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди

Л. 294 б. О строительстве мавзолея Шейха Ахмада Йассави¹

После того, как был разбит сад Баг-и-дилкуша, победоносные знамена выступили в сторону Ташкента. Августейший кортеж переправился через реку Сейхун (Сырдарья) и остановился в Ахангарде, разбив шатры вблизи селения Чиназ. Здесь было решено остановиться на зимовку и с этой целью были построены жилища из камыша.

Его величество Сахибкиран отправился в селение Йассы (Туркестан) на поклонение (могиле) шейха Ахмада Йассави – одного из потомков имам-заде Мухаммада Ханафи – да почитет на них благоволение Аллаха! Он повелел построить над его могилой величественное здание, возвести такой купол, чтобы окружность его изнутри составляла бы сто тридцать газов, и так, чтобы диаметр его был равен почти сорока одному газу, а высота, после завершения строительства, соответствовала бы этому и чтобы стены и купол украсили бы изразцовыми плитами, двери изготовили бы из сплава семи металлов,² а в середине (даора) вырыли бы хауз и отделали бы его так же металлом из семи сплавов. Для отделки могилы привезли бы мрамор из Тебриза и, искусно отшлифовав его, нанесли

1 Приводится по изданию: Некоторые сведения в «Зафар-наме» Йазди о строительстве монументальных зданий в Средней Азии в конце XIV – начале XV вв.: Выборка и перевод с персидского А. Урунбаева и Ш. Мусаева// Маскан. – 1992. – №2. – С.37 – 38, 39 (прим.).

2 В тексте — «хафт-джуш» — сплав из семи металлов: железа, свинца, меди, олова, золота, серебра, сурьмы (Прим. пер.).

бы на него рисунки.³ Строительство здания (Сахибкиран) поручил стараниям и умению маулана Убайдаллаха. Согласно повелению мавзолей был закончен в течение одного года.⁴

[Описание мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави] ⁵

// 294^a После того как был построен Сад очарования, победоносное знамя направилось в сторону Ташкента. Преодолев воды Сайхуна, шахские войска остановились у Ахангарана, недалеко от Чиназа были установлены палатки. Было принято решение перезимовать в том месте, и там же построили домики из камыша.

Его величество Сахиб-и Киран направился в Иасы совершить паломничество на могилу потомка Имама Ханафи⁶ – Шайха Ахмада Иасави, — да будет доволен им Аллах! [Затем] появился высочайший указ возвести здание над этим священным *мазаром*: его купол построить таким образом, чтобы с внутренней стороны в окружности составлял сто тридцать гязов.⁷ Таким образом, в диаметре он должен составлять сорок один гяз. После окончания строительства здание должно иметь соответствующую высоту, стены и купол необходимо украсить цветными изразцами, двери сделать из сплава семи различных металлов, посередине построить *хауз*, поверхность которого также покрыть сплавом из семи

3 В тегеранском издании «Зафар-наме» (1958 г.) мы читаем: заложили основу величественного здания, имеющего высокую и широкую арку, два минарета, купол (диаметр) которого равен тридцати газам на тридцать; и еще другой купол – двенадцать газов на двенадцать, возвышение (чхар-суфа) вблизи источающей свет могилы, расположенной на западной стороне (кибла) большого купола, соединяющейся с ним. А по сторонам купола два других возвышения (чхар-суфа), каждое из которых тринадцать с половиной на шестнадцать с половиной газов вблизи с присутственной комнатой (джмаат-хана) и других худжр, а также строений, соединяющихся с ними. Было велено стены и купол (мавзолея) отделать изразцовыми плитками, а могилу белым камнем (Прим. пер. – Авт.).

4 В тегеранском издании – «Двух лет» (Прим. пер.).

5 Приводится по изданию: Из «Зафар-нама» Шараф ад-Дина Али Йазди/ (Пер. с персидского Ж.М. Тулибаевой) /// История Казахстана в персидских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т.V: Извлечения из сочинений XIII – XIX веков. – С.87.

6 *Имам Мухаммад ибн ал-Ханафийа* (ум. в 700—701 г.) – Прим. пер.

7 *Гяз* — мера длины, равная 87 см. См.: СМИЗО, 2006. С. 343 (Прим. пер.)

металлов. Для установки на могиле привезти мраморный камень из Табриза, искусно обработать его и украсить необыкновенной резьбой. Возложить ответственность за завершение строительства на Маулана 'Убайдаллах-садра. В соответствии с распоряжением строительство было завершено в течение одного года.⁸

Из «Михман-наме-йи Бухара» ибн Ризбихана

Описание здания гробницы Хаджи Йасави⁹

Город Йаси, который является гробницей его святейшества Хаджи, – обширное и плодотворное владение, столица областей Туркестана. Округа его свежи и цветущи, словно цветник. Это северная область окраины узбекских владений и конец путей из Андижана к границам Китая, которые являются восточной благоустроенной окраиной. // В город Йаси привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он, [город], является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам. Что касается здания гробницы его святейшества Хаджи, – *да освятит Аллах его душу*, то оно – одно из достопримечательных построенных в мире зданий и удивительных творений сынов человеческих. Высоковозведенное куполообразное строение, рядом с которым здание пирамиды представляется невзрачным, а орёл поднебесья летает под его сенью. Дворец Гумдан¹⁰ в Сане' Йеменской, оно [здание] называет вместилищем горя, своим превосходством разрушает его основание и швыряет в Садир и Хаварнак камень неудачи. *Суффа* по высоте является редкостью во всем свете, аркада его по высоте ниже этого сталактитового свода [и] по высоте доходит до основания купола этой [гробницы]. Высоты *айвана* насмежаются над зубцами [башни] Сатурна, а ступени его ярусом в смысле прочности не одобря-

8 Согласно тегеранскому изданию «Зафар-нама» (1958 г.) строительство мавзолея продолжалось в течение двух лет (Прим. пер.).

9 Приводится по изданию: ибн Ризбихан, Фазлаллах Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя) / Пер. с персидского Р.П. Джадиловой. – М.: Наука, ГРВЛ, 1976. – С.141.

10 *Гумдан* — крепость между г. Сан'а' и Тайватом в Йемене. – Прим. пер.

ют здание голубого небосвода. Двор его ханаки – рассказ о приятнейшем месте райского сада, а обширная площадь его намекает на ступени лестницы восхождения на небо. Его поглощающая сточные воды яма является образцом обильного [водой] водоема Каусара, доставляющего вечную прозрачную воду блаженной жизни жаждущим в долине искания, а глубокий колодезь его — начало источника Салсабил, который дает отве-
дать напиток отдохновения блуждающим в долине утомления.

[Далее следуют стихи автора, восхваляющие здание гробницы Ахмада Йасави].

В течение двенадцати блистательных дней я удостоился пребывать в соседстве этого возвышающего душу места, в уединенной молитве и благочестивом собеседовании в собрании, где поучал и сам учился, совершенно отказавшись от всего прочего. Мой взор ожидания был прикован к широкой дороге сошествия всемилостивого великодушия, то есть прибытия знамён хаканского величества хана. В этом месте услышания и принятия мольбы я воздымал руки моления за здоровье и невредимость его величества, чтобы судьба, приносящая удачу, и растущее с каждым днем счастье стали путеводителем [его]. И его величество изволил пожаловать. *Хвала Аллаху за это!*

«Записки бухарского гостя» Фазлаллаха Исфакхани (начало XVI в.)

Описание мечети в Йаси, которую повелел
построить его ханское величество¹¹

«Всемилоостивый строитель, его величество, изволил построить в городе Йаси чрезвычайно высокую мечеть. Возвышенный помысел его перевел взор от здания мира сего на вечное здание, согласно речению: Тот кто построит Аллаху мечеть, тому аллах построит в раю дом, подобный ей, достался он и воздвигающему здания мечети и основания поклонения. Пройдя во врата обещанной мечети, он еще раз соизволил обновить знаки следов [своего] правоверия, [чему] свидетельствуют слова: Если увидите, что человек обязался [построить] мечеть, то свидетельствуйте,

11 Подзаголовок написан на полях. Приводится по изданию: История Узбекистана в источниках: Известия путешественников, географов и учёных XVI – первой пол. XIX в. / Сост. Б.В. Лунин. – Ташкент: Фан, 1988. – С.18 – 19.

что он исповедует истинную веру. [Это] такая мечеть, высокий купол которой достает до вершины древа лотоса и могучее здание которой представляет очам народа образ [храма] Байт ал-Акса.¹² Ее линии напоминают линии обещанных гробниц благочестивых [старцев], и врата ее раскрыты пред лицом набожных людей. Великий собор города Йаси, высокая мечеть, ныне тому доказательство». Далее автор приводит стихи своего сочинения, восхваляющие мечеть в Йаси.

12 Байт ал-Акса – мечеть в Дамаске.

СВЕДЕНИЯ ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ИСТОЧНИКОВ О МАВЗОЛЕЕ
ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ
(XVIII – начало XX вв.)

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. – М.: Изд. Императорского Московского ун-та, 1769. – Кн. I. – Ч. 2. – 600 с.

Глава осьмаянадесять.
Остатки скиф, турок и татар

«О граде Туркестане два обстоятельства мне известны: объявленной Ахун сказывал, что оной построен внучатами Трюка¹ сына Афетова, от котораго и звание получил; он же имеет и другое имя Еский, и оноя якобы старее перваго, и сие весьма далеко, даже до Индии и Китая распространялось, в которое заключались Кашкар, Табат [мню Тибет], Яркен, Хождант, Ташкент, Мартикан, Фартак, Янчиха, Сархутян, Утрар, Сабран, Барязин и пр. и все оныя власти Туркестани подлежали. Сии имена неколико невразумительны, грады ль или области значат, и как ныне именуемы, я требовал изъяснения.

По Персидской Истории сей град построен от Джамшит Шаха, которой якобы в Персии был четвёртый, и ежели его почеть за Ксеркса, то по римскому счислению приходит около 3460, до Христа близ 500 лет. Сей Джамшит Шах всею сею странною владел, и построил для пристанищ его войскам три града, яко сей Тюрюк стан, Утрар и Сабран. Оные все целы, и суть малыя крепостцы. В Туркестан неколико семей от Срацын рода

1 Вероятно, следует читать «Тюрка»,

Магометова перешли, которые называются Ходжы, и оных Магометане доднесь высоко почитают, и есть близ Туркестана гроб великаго их святаго Ходжи Ахмет не малаго каменнаго зданя: о сём пространная басня чудес показана, но к нашему порядку не принадлежит, для того оставлена». (С.281 – 282).

Рычков П.И. История оренбургская (1730–1750). Издание Оренбургского Губернского статистического комитета. Под ред. и прим. Н.М. Гутьяра. – Оренбург: Типолит. И.И. Евфимовского-Мировецкого, 1896. – 100 с.

«К последним словам в рукописи следующая приписка: «Город Туркестан в полуденной стороне великой татарии, от Оренбурга расстоянием лёгкой езды дней 10 или 15 по пути к Ташкенту, не доезжая до онога дня за два или за три; стоят при реке называемой Карасу, т.е. Чёрная вода. Улицы в нём кривые и весьма тесные, так что поперёк ииде меньше одной сажени. Домов в нём, по тамошнему обыкновению строенных, однако гораздо хуже ташкентских, с тысячу. Фортеции никакой регулярной нет, токмо имеется округ [всего жилья] стена глиняная и вокруг её небольшой ров с водою. Мечетей в нём три, из которых одна древней и хорошей работы и мечеть в себе многое число разных покоев (заключает); в ней погребён по магометанскому закону за великаго почитаемый святой, и у гроба онога тамошних жителей мольбища бывают. В сём городе никаких базаров нет, а жители [его] всеми торгами отъезжают в Ташкент. На полях около его роятся пшеница, ячмень, просо и хлопчатая бумага. В одном дне от сего города, сказывают, яки бы имеется гора, именуемая Каратау (то есть Чёрная), где прежде добывали золото, но ныне ташкентцы онога не добывают, сказуя, что никто тому не умеет. Впрочем, хоть в сём городе особенный хан имеется, но никакой власти не имеет и управляет всеобще с присылаемыми от зюнгорского владельца зайсангами, ибо как [сим] городом, так и Ташкентом и Большой киргизской ордою предподавними годами означенный зюнгорский владелец овладел». (С.39 – 40).

П. И. Рычков. Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских и по сказкам бывалых в тех местах людей, к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания // Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С.60–79 (История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, T.IV).²

«Что же до города *Туркестанта* принадлежит, то об оном случилось мне слышать два обстоятельства: 1-е от вышепомянутого ахуна, аки бы он построен внуچятами Трюка, сына Афетова, от которого он звание себе получил. Он же и другое звание имеет *Ясси*, которое будто бы старше *Туркестанта*. Сие последнее имя весьма далеко распространялось, ибо все тамошние города, даже до Индии и Китая, яко-то: *Кашкар, Табат, Яркан, Худжант, Ташкент, Мартикан, Фартак, Янгы, Хасар, Хутин, Утрар, Сабрар, Барзягин* и проч. во области Туркестанской состояли. 2-е. По персицким же гисториям (что выписал мне переводчик Уразлин:) сей город построен от Джам-шида, шаха иранского, то есть персицкого, которой аки бы от начала Персицкой монархии был четвертой государь, почему жель почестъ ево за Ксеркса Великаго, кой, по нашим гисториям, четвертой от Кира (с именем Кира выше помянутой Карахан Огузов хотя имеет некоторое сходство, но к тому доказательство гисторическое сыскать не без труда), то по римскому счислению, будет начало оногo от сотворения мира около 3460 году, и тако близ 500 лет до Христа. Оной Джамшид-хан, по сказанию в той гистории, с протчими народами овладел мунгул, татар и китайцов и быв с войском своим в Великой Татарии, зее потребно признал для пристанища войску своему построить три городка. Первой из сих был *Тюрюкстан*, а другой *Утрар*, третьей *Сауран* (все оные донныне есть и суть малые местечки около Туркестанта, как ниже значит), где он оставил наместником одного из своих свойственников; но где Туркестант, тут сказывают, и прежде была крепосца или пристанище воинских людей, кое от тамошних жителей называлось *Ясси* (как вышеупомянуто). Потом в Туркестант из агарян перешло несколько ходжей, которые донныне там живут и за отродие Махометовых учеников признаваются, чего ради у всех махометан в отменном почтении. Ис таких ходжей донныне в Туркестанте есть гроб по их закону за святого почитаемого, которой называется Ходжа-Ахмет, и есть один из седми святых, коих махометане за знатнейших у себя имеют.

2 Эта рукопись П.И. Рычкова впервые публикуется в данном издании.

Об нем баснословят, что он в Туркестанте жил и за ево святость и чудеса в народе в почтении был. А понеже некоторые ис туркестанских жителей малолетнего ево сына поймав, в саду убили до смерти, и отрезавши ево голову, принесли пред него самого, и просили в том прощения, он за то не учинил им ничего, кроме сего, что молил бога, дабы они никогда не были в состоянии ездить на лошадях верхом, и для того б имели на теле своём особой знак, почему аки бы в заду оных людей выросли некоторые кости наподобие хвостов длиною на четверть и меньши. И таким образом аки бы зделались они тогда к верховой езде неспособными и приняли ругательное имя *кююруклы-татар*, то есть с хвостами татара, или смерды, коим имянем доньне имянуются они. И будто б в Туркестанте и около оногo в деревнях несколько таких людей доднесь находится (о сих с протчими ниже упомянуто) и аки б одним тем заклятым людям во всех тамошних местах имя *татар* прилагается. А более сих под оным имянем никакого народа там нет, и никто не знает. Сию басню сказывал переводчик Гуляев, в Туркестанте и в Ташкенте бывшей заподлинно. Он же о гробе помянутого Ходжи-Ахметя объявил, что оной по смерти ево спустя немалое время найден от известного Тамерлана, над которым он велел построить великое здание, которое и доднесь есть, и будто б тут (по их суеверию) разные бывають чудеса. Между протчаго объявлял он за чудо и сие, аки бы недавно зюнгорской владелец конташа, будучи в Туркестанте, хотел в то здание въехать на своей лошаде, но лошада свою никоим образом принудить к тому не мог (что за чудо почесть и потому нельзя, яко киргиские и калмыцкие лошади не только в хоромину, но и на мост или подле телеги по нужде ходят)». (С.64 – 65).

Из «Лексикона, или словаря топографического, Оренбургской губернии» П.И Рычкова (1776 г.) // Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С.258 – 264. (История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков, Т.IV).³

«Туркестант – древней татарской город и владение в разсуждении других мест в тамошней стороне имеющихся. Ныне хотя и не знатны, но по древности надлежит ему пред всеми отдать преимущество, потому что город Туркестант в татарских историях многими старее Бухар почитается, и якобы

3 Эта рукопись П.И. Рычкова впервые опубликована в данном издании.

в древние времена повелительство сперва во оном началось и во всю Азию распространилось. Бывшей в Оренбурге ахун объявлял, будто бы сей город построен внучатами Тарка-хана, внука Афетова, от которого он и звание себе получил; и все тамошние города даже до Индии и Китая, яко-то: Кашкар, Табат, Яркен, Ходжант, Ташкент, Мартикан, Фантак, Янгы, Хасар, Хутяк, Утрат, Сабрар, Барзягит, и протчие во власти туркестанской состояли. Ту ж область называли они в древние времена и другим именем *Эсси*, кое аки бы еще и туркестантского старее. Сие выписано из арапских и татарских книг помянутым ахуном, а переводчик Уразлин, выписав из персидской истории, показывал, что сей город построен был от *Жамшида Шахайрансаго* (то есть персидского), которой от начала персидской монархии был четвёртой государь. Оной Жамшид-хан, по сказанию в той истории, с протчими народами овладел мунгалами, татарами и китайцами, и быв с войском своим в Великой Татарии, за потребно признал для пристанища войску своему построить три города, первой – из сих был *Тюрюкатан* (то есть *Туркестан*); другой – *Утрат*, третьей – *Сауран* (которые доньне есть и суть малые местечки около Туркестана, где он оставил наместником одного из своих свойственников. Но где Туркестан, тут сказывают, ещё и прежде была крепостца, или пристанище, воинских людей, кое от тамошних жителей именовалось, как выше упомянуто, Эсси. Впрочем, сами тамошние учёные люди сказывают, что из живших около Туркестана народов некоторые к сарацынам перешли и, приняв магометанскую веру, с ними сообщились, отчего имя *турков* произошло. И так Туркестан можно почесть за древнее отечество турков, что и с европейскими историями согласует. Потом в Туркестан перешло из агарян несколько хотжей, которые поныне тут живут, и будучи признаваемы за отродие Магометова, отменно и за святых почитаются. Из таких ходжей *доньне* в Туркестанской большой мечете есть гроб одного, по их закону за святого почитаемого, которой именуется *Ходжа Ахмет*, и есть один из семи святых, коих магометане за знатнейших почитают и великую честь их гробам воздают; да и верят, что сей святой в жизни своей чудеса творил, которые якобы и доньне у гроба его бывают. Что же собственно до города Туркестана принадлежит, то разстоянием оной от Орской крепости лёгкой езды дней 10 или 15 по пути к Ташкенту, не доезжая до онаго дни за два или за три. Оной состоит при речке, называемой *Карасу*, т. е. *Черная вода*. Улица в нем кривая и весьма тесная, так что поперег инде меньше одно сажени. Домов в нём, по тамошнему обыкновению строенных, однако гораздо хуже ташкенских, с тысячу; крепостного строения регулярного нет, токмо имеется круг всего жилья стена глиняная и вокруг ея небольшой ров с водою. Мечетей в нем три, из которых одна древней и хорошей работы и имеет в себе многое число разных покоев. В ней погребён вышепомянутый магометанской чудотворец. В сём городе никаких

базаров нет, а жители со всеми торговыми отъезжают в Ташкент. На полях родится пшеница, ячмень и хлопчатая бумага. В один день от сего города, рассказывают, как будто есть гора, именуемая *Каратау* (т. е. *Черная*), где прежде добывали золото, но ныне ташкентцы оного не добывают. Рассказывают, что никто тому не умеет. Прежде сия провинция собственно имела в себе городов до 30, а ныне более 10 нет. Оными городками и народами владеют часто киргизско-кайсацкие владельцы Большой и Средней орд». (С.262 – 263).

Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. – 5 июня 1739 г.) // Первые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII – XIX века. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С.32 – 55. (История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков, Т.VI).⁴

«Краткой журнал флигель-адъютанта Миллера, учинённой по большей части на память, ибо имевшиеся у меня обстоятельные вседневные записки в служившемся над караваном несчастье взяты без остатку».

О Туркестанте

Туркестант против Ташкента втрое или вчетверо меньше. Стоит при речке, называемой *Кара*, суть⁵ то есть *Чёрная вода*. Улицы в нём кривые, весьма тесные – поперёк меньше сажени. Домов в нём с 1000, строены таким же манером, как в Ташкенте, токмо хуже; фортеции никакой регулярной нет, но точию сделана круг всего города нерегулярная стена глиняная и в круг её ров с водою небольшой.

Мечетей в нём 3, из которых одна – высокая, старинной работы, и весьма в ней много разных покоев. В той мечете лежит их великий святой, именуемый *Азрет-хаджа*. Базаров никаких в Туркестанте нет, садов за городом малое число.

На полях около Туркестанта родится пшеница, ячмень и просо, а пшеницы сорочинского нет. Тут же хлопчатая бумага родится же, заводов здесь никаких не имеет.

4 Этот документ впервые опубликован в данном издании.

5 Следует, вероятно, читать: *Карасу*.

От Туркестанта день езды, сказывают, что есть гора, называемая *Каратау* (*Чёрная гора*), где будто прежде доставали золото, а ныне не ищут, сказуя, что никто то [...] не имеет». (С.50).

РГАДА Ф. 248. Кн. 1183. Л. 465-488. Копия.

Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н.А. Халфина. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – 130 с. карт.

«В Туркестане есть крепость, окружённая рвом шириной в две с половиной сажени, который может быть наполнен водой при приближении неприятеля. Протекающий в пяти верстах оттуда Карачик орошает поля. В городе 22 колодца и около 1000 глинобитных домов, обнаруживающих признаки ветхости.

Из всех святых, погребенных в Туркестане, Кара-Ахмед-ходжа наиболее почитаем; перед мечетью, носящей его имя, находится огромный котёл, имеющий в ширину по меньшей мере две сажени. Он покоится на чугунной подставке и используется для приготовления пищи, которую состоятельные люди в определённые дни раздают беднякам». (С.70).

Северцов А.А. Месяц плена у кокандцев. – СПб.: Кушелев – Безбородко, 1860. – 98 с. с карт.

«Особенно он чтит туркестанского местного святого, Азрет-Султана; он крестился, когда божился; а об Пророке мало думал и чарочку любил. Но чудеса Азрет-Султана, чудотворное построение большой туркестанской мечети, он рассказывал с благоговением и с полным убеждением. Вот эта коканская легенда.

Давно уже, когда ещё киргизов тут не было, правил Туркестаном Азрет-Султан, человек святой и праведный, и затеял он построить мечеть большую, чтобы там со всем войском жить и время проводить в молитве. Благословил Господь такое благочестивое предприятие и оказал Азрет-Султану чудесную помощь. Узнал тот, что мечеть должна строиться из особого, цареградского камня; и явился у него верблюд, который сорок раз в день бегал подземным ходом в Цареград и носил оттуда камни: а строили мечеть ангелы. Там и поселился Азрет-Султан с своим праведным войском, проводя время в молитве; там он и похоронен, и до сих пор на его могиле творятся чудотворные исцеления, и приходят к ней поклонники из всего Кокана и окрестных земель.

Вероятно легенда была и длиннее, и Царяграда коканцы пожалуй не знают, или иначе зовут; но так уже мне Абселям рассказывал. Мечеть была недалеко от его дома, и я ее ежедневно видел; она построена из бледного жженого кирпича и тесаного известняка. Она квадратная, вышиной на глазомер сажень в тридцать или и больше; с каждой стороны четыре пилястра поддерживают три стрельчатых, но не высоких арки под крышей; кругом два карниза, один идёт от капителей пилястров, другой под крышей, под арками окна. Купол один, большой, в треть ширины здания; свод его снаружи луковичный, не очень высокий; кругом купола ряд пилястров; карнизы, купол, стены покрыты узорами из разноцветных изразцов по кирпичу. Новых подобных построек нет, и Абселям мне сказывал, что и в Кокане, и в Ташкенте, новые строения все глиняные и не лучше туркестанских; а такого памятника, как мечеть Азрет-Султана он во всем ханстве не видал.

Оттого вероятно и легенда об её чудотворной постройке.

На карнизах мечети меня удивили гнездящиеся белые аисты, которые не встречаются ни в киргизской степи, ни в России, восточнее полтавской губернии; но в Бухаре есть. Еще там я заметил стрижей, которых тоже нет в наших степных укреплениях; и в Туркестане аисты и стрижи водятся на одной большой мечети Азрет-Султана». (С.77 –78).

Бекчурин Мир-Салих. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8. – С.209 – 217.

«Это древнее создание рук человеческих, свидетельствует о даровитости мастеров тогдашнего времени, без сомнения, могло бы, в отно-

шении художественных произведений подобного рода, служить и ныне образцом, если бы оно более удовлетворяло гармоническим требованиям законов изящного». (С. 209)

Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. – СПб.: типу Тиблена и К (Неклюдова), 1868. – 179 с., ил. и карт.

«Показывали мечеть Азрета К. Б-скому; отчего же было не посмотреть и мне.

Мы пошли вдвоём в мечети, рассчитывая зайти и взять К. Б-скаго; но он уже был извещён и сам шёл к нам. Перейдя мостик, мы вошли в высокие ворота, откуда нам представилась направо храмина Азрет-Султана, налево небольшое здание с куполом. Налево – говорят туземцы – похоронена дочь Аксак-Тимура, и над нею воздвигнута эта мечеть. Мы в неё не входили; она была заперта на ключ и в ней находился артиллерийский склад. Мы пошли направо. и подошли прямо к Азрету. Интересно было бы знать, как высок Азрет-Султан и как был бы он высок, если бы постройка его была dokonчена. У входа направо и налево находится несколько могил; мы пошли по ступенькам ко входу. Пропорциональные величине храмины двери чрезвычайно велики. Наружным видом, внешними изразцовыми украшениями резными надписями из Корана и входом в виде арки здание это напоминало мне постройки мечетей и дворцов, виденных мною в Казвине, Тавризе и Ашрефе, постройку которых там относят к золотому веку шаха Аббаса Великого. Это мне даёт повод подозревать, что здание Азрет-Султана построено по вкусу персидских архитекторов, которым обязана Центральная Азия чуть ли не всеми постройками, начиная с часовни над гробом Аксак-Тимура.

Туземное предание приписывает постройку его Аксак-Тимуру, заложившему эту мечеть в честь святого перед походом в Россию. Но, принимая во внимание, что почти во всей Азии за отсутствием исторических летописей и хронографов народная молва всё хорошее, а равно и замечательные постройки, мосты и акведуки приписывает какому-нибудь одному полюбившемуся ей государю, как напр[имер], в Персии всё относится к шаху Аббасу Великому; надо полагать, что в средней Азии

многое нередко весьма ошибочно относят к Тамерлану. И если уж приписывать постройку этой мечети Тимуру, то я готовь скорее согласиться, что здание это воздвигнуто во время другого Тимура, внука знаменитого завоевателя, жившего в XV-м столетии. В «Хавадисати Тимури» говорится о многих постройках Тамерлана, произведённых архитекторами, приглашавшимися со всего света, но о мечети туркестанской нет и помину. Стоящая внутри здания массивного объёма металлическая чаша, которая по преданию не старше самой постройки, имеет пометку восемьсот которого-то года в имя мастера персиянина, что отчасти подтверждает вышеизложенное мною предположение. Можно было бы сделать ещё некоторые разыскания по надгробным камням, находящимся на могилах направо и налево от входа, но я в этом не успел, потому что фанатик казы-келян просил меня не ходить по этим могилам, чтобы не осквернить праха покоившихся под плитами моею неверною ногою. Такие разыскания по надписям дали бы мне возможность проверить слова тех мулл, которые клялись мне, что здание это построено самим святителем, и только посещалось Тамерланом, который делал для него многие пожертвования.

Я не беру на себя описывать с памяти внутренность храмины с её подразделениями, кельями, пекарнями, подземными колодцами и разными проходами, потому что легко могу впасть в ошибку. Но нелишним почитаю высказать ещё одно предположение моё относительно цели постройки этого здания, имеющего в настоящее время назначение мечети.

Во время моих путешествий по мусульманским странам мне ни разу не доводилось ни видеть, ни читать ни одного описания какой-нибудь мечети, имеющей хоть малейшее сходство с устройством храмины Азрет-Султана. К чему эти десятки тёмных келий, двухэтажные пекарни и внутренние колодцы? Устройство пекарен и колодцев ещё можно, пожалуй, объяснить тем, что строитель имел в виду, на случай нападения неприятеля, обеспечить защищающий цитадель гарнизон от голода и жажды; но устройство темных келий, выходящих во внутренность здания низкими дверцами, имело натурально какое-нибудь другое назначение. Я имею некоторые основания предполагать, что сам Азрет-Ходжа-Ахмед-Ясави был основателем какой-нибудь новой секты, и кельи эти служили членам её местом духовного самосозерцания, сопровождаемого молитвою и физическим изнурением. Это подтверждается тем обстоятельством, что и поныне с четверга на пятницу собираются к могиле Азрет-Султана туркестанские фанатики и в продолжении многих часов, читая молитвы, сопровождают их различными кривляньями

ми, бесчисленными глубочайшими вздохами, доводящих непривычных до беспамятства, и плясками кругом гробницы до изнурения. По словам управляющего населением г. Туркестана, в этих ночных бдениях не принимает никакого участия ни шейх уль-ислам, ни казы-келян и ни одно лицо из городского духовенства, а единственно только ходжи, т. е. лица, считающие себя потомками этого святителя и пользующиеся на этом основании вакфом, т. е. доходами с угодий и земель, пожертвованных Азретъ-Султану». (С.65 – 66).

Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса: в 3-х тт. – СПб.: М.М. Стасюлевич, 1898. – Т. II. – 742 с.

«Передний фас мечети состоит из стрельчатого свода, опирающегося на две высокие башни. Ко входу примыкает большое здание мечети, на котором поднимаются два купола. Стены Азрета были обложены синими глазурированными кирпичами, уложенными таким образом, что они составляют весьма красивые арабески. Вверху по карнизу из более тёмных кирпичей составлена какая-то арабская надпись. Теперь арабески, глазурь и позолота остались только на корпусе, с переднего же фаса и куполов глазурь совершенно осыпалась, так что кажется, будто они сделаны из глины или неокрашенных кирпичей. Только местами видишь на красной стене оставшуюся заплатку глазури или под одним из куполов рассмотришь прелестную, будто кружево, узорчатую бахромку из цветных кирпичей. Восточная часть стены сохранилась лучше всех. Узорчатые, красиво изогнутые базы под угловыми колоннами и сами колонны сохранились совершенно хорошо. Мечеть Азрета тесно застроена неопрятными зданиями, сложенными из кирпича. Здесь, до взятия Туркестана, жили офицеры Кокандского гарнизона. Прямо против входа в мечеть построена другая мечеть во вкусе всех прочих, построенных в Туркестане. На этом основании нужно сказать о ней два слова.

Мечеть состоит обыкновенно из трех стен и крыши, поддержанной деревянными колоннами. Минаретов нет, не знаю на каком основании. Вот и вся мечеть. Замечательно, что капители деревянных колонн у многих из

мечетей совершенно похожи на капители сауранских развалин. Под высокой аркой в боковые стены вставлено много длинных палок. Нам сказали, что это сделано, будто бы, для птиц. Действительно, здесь летало очень много голубей. На одной же палке было устроено аистами толстое гнездо. Такое же гнездо устроили себе эти птицы на вершине одного из куполов. Под переднюю аркою направо и налево от входа лежат надгробные камни. Здесь по завещанию, похоронены знатные мусульмане за сто и более червонцев, оставленных мечети.

Большая дверь чрезвычайно мелкой резной работы ведёт во внутренность мечети. Первое, что вас поражает, это чрезвычайно грандиозный купол, покрывающий всё главное здание. Плафон купола из лепной алебастровой работы сделал бы честь лучшему европейскому архитектору. П., учившийся архитектуре и надоевший уже мне рассказами про алгебру, которую, как он говорит, он изучал до мелочей, пояснил, что купол чисто мавританского стиля. Это, впрочем, было видно и без его учёных комментариев.

Узорчатый, как кружево, свод покоится на четырёх стенах, [с] помощью украшений упирающихся в углы: эти украшения, грациозные и оригинальные, в то же время совершенно напоминают громадные сталактиты. В том же вкусе отделана ниша, в которой проделан вход к могиле Азрета, задёнутый черной занавеской. На этой нише ревивные, но бесталанные мусульмане понаделали разноцветные иероглифические украшения.

– Что это такое? - спросил я у муллы.

– «Это имена Бога и святых: Аллах, Аллах ак-бар! Азрет Али, Мусса, Ибрагим; это план Мекки», - говорил он, пробегая глазами по испещренным и изуродованным стенам.

На середине мечети стоит огромный, баснословной величины, бронзовый котёл с рельефными надписями из Корана и другими украшениями. Назначение этой чаши или котла – назовите, как хотите – состоит в варении пищи для бедных; котёл обставлен со всех сторон бунчуками и знаменами Азрет-султана. Огромной величины знамя с древком, сажени в две с половиной, стоит наискось перед входом к могиле Азрета. В первый раз табун мулл, сопровождавший нас, не позволил мне увидеть могилу Азрета, занавес к которой открывается только по пятницам и для одних правоверных. В другой же раз сторож отдёнул занавеску за рубль, но решительно удержал за руку, когда я хотел переступить за порог святилища. Там каменный памятник обыкновенной мусульманской формы был накрыт черным сукном. Около было набросано много книг в поношенных кожаных переплётах. Сторож назвал эти книги Кораном.

Свет в мечеть проникает через окно, освещающее могилу Азрета, че-

рез два высоко проделанных окна, заставленных резными деревянными решетками, и через дверь. Часть мечети у входа и дверь сильно закопчены дымом. Когда я спросил, отчего это закопчено, муллы ответили, что кокандские часовые раскладывали в мечети огонь и грелись здесь во время холодных ночей. Налево от главного здания мечети, через темный коридор входят в малую мечеть, тоже покрытую куполом. Плафон лепной работы в том же вкусе, как и в главном куполе. Но здесь всё лучше сохранилось. По стенам даже видны следы из изразцов, которыми они когда-то были выложены. Здесь есть окна, отчего малая мечеть не кажется такою мрачною.

Кроме двух приделов, мечеть Азрета заключает в себе ещё длинные, тёмные коридоры, в которых похоронены очень большие люди. Так, тут нам показали могилу, сделанную, кажется, из мрамора, Аблая, хана Средней Орды. Он завладел Туркестаном после того, как китайцы истребили калмыков. Должно быть, этот город ему полюбился, потому что; хотя он и умер в Кокчетавском округе (в Сырем-Бетё, где стоит ему надгробный монумент), однако завещал перевезти свое тело в Туркестан, на что ассигновал сто лошадей и несколько калмыков-невольников. Г—ий сказал, что он хорошо знаком со внуком Аблая, Велихановым, и просил муллу от имени последнего помолиться о даровании Аблаю счастья на том свете. Муллы согласились, стали на колени, бормотали что-то, к счастью, недолго и кланялись в землю, что в темноте, при белых тюрбанах мулл, было, впрочем, очень красиво.

Недалеко от Аблая похоронена другая историческая личность, хан Большой Орды Юл-Барс. Кажется, он поддался России одновременно с Аблаем. Императрица Анна Иоанновна дала ему грамоту на подданство, которая и находится в общем собрании законов. Могила Юл-Барса закрыта резною деревянною решеткой. Около, на глиняном пьедестале навалена целая куча голов *ovis argali* с огромными рогами. Это, по словам мулл, дар, приносимый киргизами, приходящими молиться к могиле Юл-Барса.

Мечеть Азрета построена Тамерланом. Двигаясь из Турана в поход к западу, он дал обет построить такую мечеть, какой ещё не бывало, если святой Азрет, похороненный в Туркестане и чтимый всею Среднею Азией, исходатайствует у Аллаха об удачном исходе его похода. Возвратившись домой, отягчённый славою разорителя сотен городов, Тамерлан не забыл своего обещания. Мечеть начали строить, как говорит предание, существующее в Туркестане, черные люди, т.е., вероятно мавры, которых вкус и стиль отпечатались на азретской мечети. Но Тамерлану не удалось окончить свою постройку. Он умер, говорят, всего в двадцати пяти верстах от Туркестана». (С.271 – 275).

Верещагин В. От Оренбурга до Ташкента /// Санкт-Петербургские Ведомости. – 1868. – №16.

«В Туркестане мы почти не останавливались, и потому об этом городе я ничего не могу сообщить вам кроме того разве, что в нём находится замечательная, громадная мечеть, выстроенная в мавританском стиле, в ней похоронен один из чтимых сартами святых, к могиле которого являются на поклонение пилигримы из дальнейших мест».

Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – СПб.: Типография и хромофотография Л. Гранквилля, 1876. – 533 с.

«Мечеть по величине своей принадлежит к тем семи громадным постройкам Тимура, которые здешними мистиками считаются чуть ли не семью чудесами света. К ним же принадлежит цитадель г.Шарсабиса и мечеть г.Мешедра (в Персии).

Двор мечети окружён саклями для служителей культа, богомольцев и проч.

(...! Задним фасадом мечеть почти примыкает к стене цитадели». (С.12).

Хорошхин А. Тамды, или Тамлы: (Из походного дневника) // Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях казахской степи (XIX – XX вв.) – Алматы: Дайк-Пресс, 2006 – (История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков, Т. IX). Впервые: Тургайские областные ведомости. 1891. – №12.

«Святые Ходжа Богаватдин (могила его находится около Бухары) и Хазрет-Султан (могила его в Туркестане) заспорили однажды о том, кто

из них могущественнее? Спор кончился тем, что Хазрет-Султан забрал всю воду Амударьи в свой платок и полетел через Кызыл-кумы в г.Туркестан. Одно предание говорит, что, пролетая над тем местом, где теперь находится урочище Тамды, оазис среди песчаной степи, он уронил каплю воды (по-туркски – там), и она превратилась в ключи, называемые потому и доселе Тамлы, т.е. капельные. Другое предание гласит, что Хазрет спустился здесь для намаза и, должно быть, употреблял имевшуюся при нём воду Амударьи для омовения (*тарат*)...

– А река Аму все-таки и теперь больше Сыра, – заметил я рассказчику.

– Да, они потом помирились, потому что Богаватдин раскаялся и Хазрет-Султан отдал воду назад, – отвечал мне киргиз-рассказчик.

– Значит, Хазрет сильнее?

– Еще бы! – в один голос сказали мои собеседники. Должно помнить, Султан-Хазрет – узбек и святой, особенно чтимый кочевниками, а Богаватдин – таджик. Известен постоянный антагонизм, существующий между этими среднеазиатскими национальностями. Например, в данном случае каждая из них словно будет стоять за своего святого, забыв, что между временем жизни того и другого – разница в несколько сот лет». (С.61).

Зарубин И. По горам и степям Средней Азии: (Путевые заметки) от Москвы до Кульджи // Русский Вестник. – 1879. – Т.144. – Декабрь. – С.627 – 683.

«В Туркестане находится знаменитая мечеть Азрета, по имени которой самый город часто называется Азрет-Султан. Она существует 500 лет и построена Тимуром в честь святого Хаджи-Ахмет-Азрет-Яссави. После Вага-Эддина это второй национальный святой Туркестана и могила его, находящаяся тут же, очень уважается киргизами. По своим размерам мечеть Азрета принадлежит к тем семи постройкам Тимура которые здешними летописями считаются чуть ли не семью чудесами света и к числу коих относятся например цитадель города Шарсабиза и мечети города Мешада (в Персии). Следы наших ядер видны на куполе мечети. Это обстоятельство и было причиной того что мы так легко взяли Туркестану решившийся на упорную защиту. Когда из стратегических соображений решено было бомбардировать мечеть и сделано было по ней 12 выстрелов, то испуганные имамы сами отворили ворота и сдали город». (С.635)

Ужфальви де Мезё-Ковёзд Ш.Е. Сырдарья – Зеравшан. Страна семи рек и Западная Сибирь // Французские исследователи в Казахстане. / Пер. с фр. О.В. Рублёвой; Сост. И.В. Ерофеева. – Алматы: «Санат», 2006. – С.153 – 232 (История Казахстана в западных источниках XII - XX вв., Т.VII).

«*Мечеть Хазрета*. Она существует с 463 года. Построена за пределами городского земляного вала, окружена высокой кирпичной стеной с бастиянами по углам для артиллерийских орудий. Указанное место разделено на две части, на одной размещалась раньше резиденция коменданта, а вторая отводилась непосредственно под мечеть. Её внешний вид таков: два минарета, соединённые каменной стеной, составляют фасад. Вверху между её куполами отсутствует кровельное покрытие. Внутри она разделена на три части: в первой части, под куполом, находится большой зал в 16 саженей высотой (примерно 48 метров : одна сажень = 3 аршина, 1 аршин = 2,1336 метра); влево и вправо от него четыре помещения, в которых находятся могилы.

В передней части мечети с левой стороны есть дверь, ведущая в главный придел, составляющий вторую часть мечети; там один раз в неделю по пятницам проходят культовые церемонии. В центре расположена достаточно большая комната, где находятся могилы Хазрета и членов его семьи, вправо уходит длинный коридор, в конце которого тоже находятся могилы. Этот коридор приводит в просторное вытянутое помещение с колодцем. Неподалеку от мечети есть маленькое круглое здание, увенчанное куполом и покрытое мозаичными плитками. Мечеть Хазрета выстроена из обожжённого кирпича поразительного качества, стены соединены между собой толстыми деревянными балками; все балки из дерева. Верхняя часть зала, расположенного под куполом, украшена лепным орнаментом. С внешней стороны все стены мечети и купола покрыты мозаичными плитками. По верхнему карнизу, выложенному голубой плиткой, вдоль всей мечети идёт цитата из Корана на арабском языке, к сожалению, почти полностью не подлежащая расшифровке вследствие ветхости.

Мечеть Хазрета была построена Тамерланом в 806 году хиджры в соответствии с традицией в связи со смертью внучки великого завоевателя. Он решил таким образом увековечить ее память и поместил ее прах рядом с могилой святого. Эта мечеть совершенно особенно почитается народами Центральной Азии, ее посещали эмиры, ханы и другие высшие правители и делали богатые дары. Доходы служителей мечети Хазрета складываются

из даров, из сборов пошлины с торговых караванов и обоих базаров, от передачи в аренду земель и помещений.

Мечеть Хазрета пострадала во время осады города Туркестана и лишь благодаря самоотверженности и преданности шейх-эль-ислама, который, рискуя жизнью, поднялся на минарет и выбросил белый флаг, в противном случае мечеть была бы полностью разрушена или, по меньшей мере, пострадала бы значительно серьезнее (Бекчурин).

«Это громадная сводчатая базилика, по бокам которой находятся две великолепные башни. Какой же изумительный эффект это должно было производить, когда все стены были покрыты эмалью, переливающейся на солнце всеми цветами радуги, а отблески окружали здание сверкающим ореолом! Сегодня, увы, половины этих кирпичей нет, но и тех, что остались, достаточно, чтобы представить былое величие сооружения. Мы входим через относительно маленькую, в сравнении с размерами здания, дверь... Интерьер также великолепен, как и фасад. Большой квадратный зал с очень красивым сводом, разделенным на украшенные орнаментом сегменты, предстает перед посетителями. Архитектура свода, позволяющая проникать узким полоскам света, являет собой удивительную гармонию линий. Архитектор, создавший этот памятник, обладал и недюжинным талантом, и тонким вкусом. В крупных линиях выражена невиданная смелость, при этом все детали проработаны с большой тщательностью. В середине этого зала возвышается огромный металлический котёл, который в прежние времена по благочестивому замыслу служил для приготовления пищи паломникам. Перед этим кулинарным аппаратом со стороны входной двери установлены два больших бронзовых подсвечника. Резьба по металлу выполнена с поразительным мастерством, на поверхности еще заметны следы эмали, которая усиливала блеск этих предметов. Именно перед ними в наши дни киргизы, не имеющие детей, приносят в жертву баранов, чтобы вымолить потомство для продолжения своего рода. В глубине зала видна деревянная резная дверь. Резьба – подлинный шедевр, как и металлический запор, покрытый эмалью. Эта дверь ведет в своеобразный неф, где покоятся мощи святого Хазрета, или Яссави, над прахом которого в 1404 году Тамерлан повелел Ходжа-Хусейну, уроженцу Ширази, в Персии, возвести эту большую мечеть. В многочисленных маленьких комнатах находятся каменные надгробия, покрытые надписями. Многие надгробия выполнены с большим вкусом. Самое красивое возвышается над могилой киргизского султана. Рядом находятся более скромные памятники, а ещё дальше – песчаные холмики, увенчанные перьями (киргизы имеют обыкновение отмечать заранее таким образом место погребения). В настоящее время по-

требуются миллионы на реставрацию этого дивного памятника, который в недалёком будущем может превратиться в груды бесформенных руин.

Рядом с большой мечетью находится маленькая – та, в которой покоится прах дочери Тамерлана. Это тоже очень красивое сооружение из цветного кирпича». (С.171 – 174).

Ужфальви-Бурдон, Мари де. Путевые впечатления парижанки // Французские исследователи в Казахстане / Пер. с фр. О.В. Рублёвой; Сост. И.Е. Ерофеева. – Алматы: «Санат», 2006. – С.233 270. Впервые на русском языке: Ужфальви-Бурдон М. Русская Азия: (Путевые впечатления) // Звезда, – 1886. – №20. – С.480 – 482; №21. – С.504 – 506; 1887. – №35. – С.761 – 764; №36. – С.777 – 780. (Пер. с париж. изд. 1880 г.).

«Чудо Туркестана – это мечеть Хазрет: колоссальный сводчатый храм, по бокам которого поднимаются две великолепные квадратные башни. Какой же эффект это должно было производить в те времена, когда здание было выложено глазурованными кирпичами, переливающимися всеми цветами под солнцем, отражённый свет которого сиял ореолом над архитектурным ансамблем.

Сегодня, к сожалению, большая часть этих кирпичей исчезла, их осталось ровно столько, чтобы свидетельствовать о минувшем величии.

Мы вошли внутрь через достаточно узкую для такого громадного здания дверь. Муллы всех возрастов и дети выстроились по обе стороны от двери. Интерьер в своём роде так же красив, как экстерьер: это большой квадратный зал, увенчанный великолепными сводами, с орнаментальными нишами. Архитектура свода, позволяющая проникать в здание узким лучам света, поражает гармонией линий. Архитектор, создавший это творение, был одновременно гениальным профессионалом и человеком тонкого вкуса. Крупные части удивляют смелостью и оригинальностью линий, а детали выполнены с большой тщательностью. Посреди зала стоит огромный котёл, предназначенный каким-либо древним религиозным фондом для приготовления пищи странникам. Перед этим кулинарным гигантом со стороны входной двери мы замечаем два бронзовых подсвечника. Резьба по металлу выполнена с большим мастерством; ещё видны следы мозаики, которая, несомненно, усиливала впечатление. Именно пе-

ред этими подсвечниками нынешние киргизы, у которых нет детей, приносят в жертву баранов в надежде продлить свой род.

В глубине зала мы замечаем резную деревянную дверь; резьба по дереву – подлинный шедевр, с тем же мастерством выполнена резная металлическая задвижка. Эта дверь ведёт во внутреннюю часть храма (неф), где покоятся останки местного святого – Хазрета, или Яссави, над которыми по приказу Тамерлана и по проекту Ходжи Хусейна, выходца из Шираза, что находится в Персии, в 1404 году и была возведена эта величественная мечеть. В многочисленных маленьких кельях находятся надгробные камни, покрытые надписями, многие из них выполнены с определённым вкусом. Самый красивый камень установлен над могилой киргизского султана. Рядом находятся могилы посромнее, а дальше – просто песчаные холмики с воткнутыми в песок перьями. Сегодня потребовались бы миллионные средства для реставрации этого прекрасного памятника; уже недалёк тот момент, когда он превратится лишь в груды бесформенных развалин». (С.245 – 246).

Веселовский Н.И. Описание развалин древних городов по дороге из Казалы в Ташкент.⁶

«Туркестан, известный в V – XI веках под именем Яссы, замечателен мечетью с гробницей Святителя Султана Азрета Ахмеда Ясави. Султан Святой Ахмед Ясавийский весьма известен во всей Средней Азии. Мечеть находится внутри городского вала на особом дворе, окруженном глиняной стеной. Построена она Тимуром Кураганом в 806 году хиджры (1403 Р.Х.). Поводом к постройке мечети, как говорят хранители святыни, было следующее обстоятельство: у Тимура скончалась в ранних годах самая любимая правнучка его Султан Рабий Бегим, дочь мирзы Улугбека, известного в учёном мире астрономическими таблицами. Желая почтить

6 Эта рукопись Н.И. Веселовского при его жизни не была напечатана. Впервые опубликована в 2004 г. _ См.: Кожа М., Ёлгин Ю.А. Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах Сырдарьи // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы, 2004. – С.237 – 241.

её память, по его повелению, над могилой Азрета возведен храм с гробницей. Тело покойницы, по показанию одних, погребено возле Султана, по другим – в Самарканде. Письменных памятников об этом нет, и известие может быть подтверждено только осмотром надгробных памятников в Самарканде. В Туркестане же в старых кладбищах его не видно, чтобы правнучка Тамерлана была бы тут похоронена.

Для постройки мечети были вызваны наилучшие мастера Самарканда и Персии. Большая часть материала для внутренней отделки привезена была из Самарканда. Храм по сложности предположенных в нем украшений за смертью Тимура, умершего в 1405 году, по показаниям одних, остался не оконченным, по другим – он окончен, но по смерти Тимура, через несколько лет, его преемниками. Подробный осмотр мечети говорит за первое известие. Множество присланного материала, как, например, куски черного мрамора, оставались долгое время не употреблёнными в дело и только недавно, лет за двести, из него подделаны надгробные памятники.

Снаружи мечеть представляет спереди два высоких зубчатых минарета, соединённых между собой стрельчатой аркой, составляющей переднюю часть мечети, для входа в которую тут же и наружная дверь; верх мечети украшен за аркой двумя высокими куполами: большой, потом малый. Вокруг этих куполов расположено несколько других низеньких куполов с узкими окнами. Для осматривающего мечеть с земли их не видно, потому что над крышей со всех сторон возвышается парапет одной высотой с куполами. Большие купола когда-то были покрыты изразцами и, кажется, преимущественно голубыми, малые же оставались не оштукатуренными. Кругом больших куполов куфическим шрифтом написано по-арабски: «Владения Бога». Выражение это повторяется несколько раз на стене, составляющей основание самого большого купола в арке, обращённой ко второму куполу, написано по-арабски: «Да будет над ним благословение Божье, Пророк сказал, и ратующие удовольствие мира презренной (собаки)». По стенам изразцы шашками в несколько узоров подано нашему письму вязью, повторяются изречения по-арабски: «Бог», «Величие Божье», «Господь мой Бог», «Пророк мой Мухаммед», «Бог един», «Нет бога кроме Бога и его Пророка», «О Боже». Эти выражения повторяются бесчисленное множество раз в чрезвычайно правильных геометрических формах. Колонны, стены, простенки в арках – все испещрено ими. Письмена выведены синею и голубою глазурью по серо-розовому фону, в некоторых же местах длинные изречения написаны по синему фону большими буквами, так, например, украшен

купол и арки. На главном корпусе по стене вместо карниза по алебастру красками была написана целая глава из Корана. (В примеч. Сура, глава XIX, Матерь Божья Мария). В настоящее время ее совершенно невозможно прочесть; можно только по нескольким словам определить, какая глава. Эта выписка из Корана начата с южной стороны, окаймляет западную и северную и оканчивается словами: «Работа Хаджи Хусейна уроженца города Шираза» и тут же видна дата цифрой. Надо полагать, что написанное имя обозначает строителя, а дата цифрой, вероятно, составлялась другим ...(?) время или год постройки. Мечеть построена из жжёного и глазурованного кирпича. Во внутренней отделке местами виден мрамор. Внутренности мечети состоят из трех отделений. Первое – огромный зал саженей 18 в длину. Потолок её, выведенный сводом, судя по остаткам штукатурки, был украшен лепными работами. В ней по правую и левую сторону проложены несколько дверей. Надписей в этой комнате, надо полагать, было очень много, но с запущением времени, все истерто, ничто не видно. Что в этой комнате были надписи, на это наводят поныне сохранившиеся надписи на всех дверях, на кладках и карнизах. Надписи эти заключают в себе персидские стихи, либо изречения из Корана или преданий и имя делавшего вещи: так, на железной кладке и кольцах написано по-персидски: «Да будет счастливо его будущее, работа Мухаммед Назара 1251 г. (1841)».

Посреди этой главной комнаты стоит огромный медный котёл с двумя ручками в виде вазы, вмещающий 60 ведер воды. Вокруг его идет надпись на арабском языке обыкновённым шрифтом.

Сосуд этот наполнялся водой в цветущее время мечети, когда при ней в этой большой комнате было медресе, преподаватели жили тут же в боковых комнатах и к ним стекались со всех концов Туркестана для образования. Впереди против котла выстроен небольшой амвон, предшествуемый дверьми, ведущими в другую комнату с гробницей Султана Ахмета. Арка над амвоном, стены, мраморная плитка над дверью, плинтусы, накладка и кольца у дверей – всё имело когда-то свои надписи: либо арабские изречения из Корана или преданий, либо персидские чтения, ныне же едва можно их разобрать: всё испорчено. Сняты только надписи с мраморной плиты над дверью, чертежи плинтусов, а также с накладки и кольца.

Следы надписей в арках писаны по алебастру сухими красками, указывают на то, что тут выписана была XIV Сура из Корана. Кольца у дверей сделаны сквозными. Линии узора, сходящиеся к центру, изображают арабские изречения: «Бог един».

По правую сторону [от] дверей нанесено так же множество надписей разных пилигримов, посещавших гробницу святого и планы Каабы в Мекке. Но надписи эти не заключают ничего замечательного и потому они не списаны. Все надписи эти писаны простыми лицами как образчики подчерка, в воспоминание проведённого ими времени в мечети. Между их именами не встречается ни одного имени из царствовавших особ Мавераннахра.

Планы Каабы, сделанные мусульманским художниками, мало знакомыми с топографическими приёмами, и надписи наклеены, как видно, в весьма недавнее время, лет за 60, не более.

В правом углу амвона стоят несколько бунчуков, а над самой дверью под углом – зелёное, длиною саженой четыре, если не более, знамя. По показанию одних, принадлежавшие святому, по другим – Тимуру. На самом верхнем конце знамени, в медальоне, вроде плоской пики, сквозными буквами написано: «Бог», затем во втором медальоне есть так же надпись, её можно прочесть, но этого не сделано по огромной тяжести. Шесть человек, присутствовавшие при осмотре мечети, не смогли опустить знамя на землю. По некоторым буквам, которые удалось разобрать в высоте, надо полагать, что и тут написано что-нибудь из Корана, впрочем, это только догадка.

Во второй комнате посредине возвышается огромный катафаль,⁷ формой похожий на насыпи, делаемыми киргизами на своих могилах. Катафаль сделан из красно-жёлтого мрамора с зелёными разводами, привезённого из Самарканда. На катафале, покрытом множеством кусков парчи и другой материи, со времени основания мечети и в позднейшие время, нет никакой надписи. Покрывало поднималось, и осмотр произведён со всех сторон.

По левую сторону гробницы Султана сделана ограда, в которой, говорят, погребены его жена и сын. По правую сторону у изголовья лежат фолианты больших и малых величин книг. Подробный осмотр их показал, что это были экземпляры Корана, написанные и принесённые в дар благочестивыми мусульманами в разные времена. В ящике на полках собраны куски истлевших листов от самых старых Коранов. Были ли надписи в этой комнате, определить довольно трудно, самый подробный осмотр всего, что находится тут, не даёт право предполагать о существовании надписи. Самое нижнее покрывало гробницы тёмно-малинового цвета, по краям имеет надписи (жёлтые буквы), но до того выцветшие, что ничего нельзя было прочесть. В исходной комнате видны заложенные двери в

7 Так в оригинале. Имеется в виду надгробие.

боковые комнаты и потому для осмотра их необходимо было выйти в первую комнату, из которой по правую и левую сторону амвона стояли двери в означенной комнате.

Левая дверь ведёт в мечеть, в которой ныне совершается намаз, а правая – в запущенную и неотделанную мечеть. В намазной мечети, некогда отделанной весьма изящными арабесками, ныне видны на арках, поддерживающих своды купола, следы надписей из Корана. На арках одна и та же Сура написана два раза (Сура, глава LV. Милосердие), на арках В и З написана другая Сура (Сура XIII) и так же два раза. Кругом стены вместо карниза тоже была надпись, разобрать которую теперь физически невозможно. Хранители мечети говорили, что с одного была выписана Сура из Корана.

В южной этой же комнате из синих изразцов выложена в рост человека ниша. По синему фону изразцов, украшенному золотыми и красными узорами, жёлтыми буквами, едва видимыми для глаз, несчётное число раз написано: «Бог».

Из указанных коридоров, кроме входа в мечеть, еще ведут лестницы во второй этаж, имеющий ряд комнат, в которые двери идут по обе стороны большой комнаты. На этом этаже находятся по три небольших мрачных комнаты с маленькими сводами.

В настоящее время во всех комнатах, насчитываемых хранителями в мечети до 200, находятся могилы всех туркестанских шейх-уль-исламов, ходжей, сеидов, бывших хакимов города и знаменитых мюридов султана.

Воду, необходимую для омовения при пятикратных молитвах, не наливают как прежде в котел, а для этого при входе в мечеть тут же направо в углу есть колодец.

В мечети Азрета, кроме указанных архитектурных украшений, никаких вещей роскоши не видно. Всё убранство мечети состоит в том, что во время намаза по каменному полу расстилают камышовые циновки, ковры и кошмы, и выносят медные подсвечники, позеленевшие от времени; на них, видно, когда-то были надписи, но теперь едва что можно разобрать. Из удавшихся прочесть надписей, надо полагать, что они принесены Тимуром в дар мечети, в одно время с котлом.

Вблизи мечети стоит недооконченный мавзолей с куполом, отделанным голубыми узорчатыми изразцами, по которым белыми буквами написано по-арабски: «Владение Бога». Мавзолей этот, как говорит один из хранителей, строился Тимуром для себя, другие говорят – для правнучки, но никто из них здесь не похоронен. Здание это выведено на два этажа, из коих в нижнем находится гостиница.

Для постройки здания султан Азрета были употреблены изразцы, кирпичи из жжёной глины, местами мрамор и алебастр как связующий материал.

Султан Азрет Ахмед Ясави родился в городе Яссы (ныне Туркестан) в 440 году хиджры (1048 г. по Р.Х.). Отец его Шейх-Ибрагим и мать Тогайбича, хотя происхождение своё вели из Сайрама, где ныне и покоится их прах, но провели всю жизнь в Туркестане, жители которого почитали Шейха-Ибрагима своим ишаном. Ахмед Ясави, прозванный своими мюридами (учениками) султан Азрет, еще в ранней юности высказал большие наклонности к духовной жизни.

Получивший общее мусульманское образование он вступил в мюриды жившего тогда в Туркестане Пира (Ишана) Арслан-Баба, главы секты Джахрия, весьма распространённой во всём мусульманском мире. После нескольких лет пребывания в школе этого учителя, султан Ахмед по ясновиденью, которое ниспослано было Богом Арслан-Бабу, отправился для окончательного укрепления в вере к преподававшему в то время в Бухаре Пиру Насрову (?) Хамадани. Новый наставник с величайшей радостью принял нового ученика, причём, сообщив, что об этом обстоятельстве ему было объявлено свыше, назначил его третьим своим халифом над паствой. После этого Султан до смерти Пира и первых двух халифов его безвыездно пребывал в Бухаре, совершенствуясь в богословских науках, и делал чудеса. После смерти второго халифа ему пришлось принять паству в Бухаре, но он оставался там недолго. Голос свыше повелел...

В школе султана Ахмеда Ясави, как указывают гробницы в мечети, между мюридами его были некоторые из ханов-современников. Так, в коридоре против дверей намазной мечети стоит высокая решётка, увешанная рогами. Это могила святого царя Востока Зюль-Барс-хана, бывшего мюрида Азрета.

Как было замечено, султан держится толку джахрия. Среднеазиатские исследователи этой секты, считающей своим главой Ахмеда Ясави как в г. Туркестане, так и в других городах, каждую пятницу после намаза совершают джахрия, во время которого пир, сидящий в нише, поет и читает деяния султана, написанные на персидском и арабских языка.

Из мечети, по указанию хранителей, я перешел к осмотру дома султана Ахмеда, лежащего саженой на 100 от ограды в городе. Жилище это ничем не отличается от других зданий Туркестана, и с трудом верится, что дом из необожжённой глины смог простоять так долго. Надо полагать только, что на этом месте был дом Азрета. В настоящем виде дом, веро-

ятно, построен недавно, в нём никто не живёт. Он состоит из нескольких комнат. В одной из них в стене ведёт весьма низкий ход саженей три под землю в маленькую квадратную нору, величиной 5 пядей и вышиною в рост человека. В углу этой норы есть небольшая ниша, пол которой покрыт камышовой циновкой. По словам хранителей, султан на 60-м году жизни принял схиму и до конца жизни безвыходно скрывался здесь.

В прочитанных сочинениях о жизни Азрета не встречается подтверждений этому рассказу». (С.237 – 242).

Реклю Э. Россия Европейская и азиатская. – СПб.: Изд. картографического заведения А. Ильина, 1884. – Т.2: Азиатская Россия и среднеазиатские ханства. – 516 с.

«Следуя на северо-запад, через неровную степь, вдоль южного основания гор Каратау, изобилующих залежами каменного угля, свинцовой и железной руды, почтовая дорога из Ташкента в Оренбург проходит через древний город Туркестана, который принял имя всей страны, но который назывался Ясы, когда Тамерлан начал, в 1397 году, постройку знаменитой мечети. Это здание, посещаемое толпами мусульманских богомольцев, построено в честь Хазрета-Ясави, специального патрона киргизов. Возвышаясь посреди крепости, колоссальная мечеть, главная святыня Центральной Азии, носит ещё следы русской канонады, которая поколебала её в 1864 году, и стены её, расшатанные также землетрясениями, дали во многих местах трещины сверху до низу. Впрочем, этот памятник Хазрет-султана, «седьмое чудо света», не был никогда вполне окончен строившим его персидским зодчим; в стене ещё видны дыры, куда упирались балки лесов, и которые теперь служат приютом аистам, птицам, – уважаемым, чтимым правоверными. Но даже в нынешнем своём виде эта громадная руина, почти совершенно потерявшая свою изразцовую обшивку и всякие наружные украшения, производит большой эффект, особенно когда увидишь издали, из степи, её величественную четырёхугольную массу, господствующую над серым городом и его полуразрушенными стенами. Паперть или портик, высотой более 30 метров, ведет в тёмную внутренность мечети, по середине которой стоит

надгробный памятник святого, окружённый другими гробницами и «писаными камнями». (С.461).

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, экономическом и бытовом значении. Под общ. ред. П.П. Семёнова. – СПб. – М.: М.О. Вольв, 1885. – Т. 10: Русская Средняя Азия. – 448, IV с.

«Туркестан – один из больших городов Сыр-Дарьинской области. Он расположен в так называемой абрикосовой полосе. По климату он сходен с укреплением Джулек и фортом Поровским. Зима здесь менее продолжительна, чем в Казалинске. Река Сыр-Дарья в этой полосе бывает покрыта льдом лишь сто дней, но здесь так же, как и в Казалинске, бушуют сильные ветры. Жара доходит до 30°Р. в тени, а холода – до 24°. Снег держится около двух месяцев. В Туркестане около 1,620 дворов и 6,700 жителей обоего пола. Этот город является центром киргизской жизни. Дома выведены из нежжёного кирпича, одноэтажные; но большинство слеплены из глины, и чрезвычайно однообразной архитектуры. Улицы имеют оригинальный и вместе с тем непривлекательный вид. Обыкновенные наши задние постройки, т.е. конюшни, сараи и другие службы выходят на лицевую сторону – на улицу. Жилые же помещения находятся сзади этих построек и лицевую стороною обращены на задний двор. Посреди города находится обширный базар, стены которого выстроены из кирпича, и вместо крыши служат жерди с навешанным на них тряпьём или рогожами, как защита от солнечных лучей и дождя. Город весьма богат садами, что значительно украшает его; особенно он красив издали, именно с восточной стороны: он окружен весь садами, среди зелени которых приютились белые домики сартов, а высоко над городскими стенами виднеется храм, Азрет-Султана, в недоконченном виде. Широкий нижний фасад храма заставляет догадываться о той колоссальной высоте, которой он должен был бы достигнуть, если бы постройка была доведена до конца.

Храм выведен в уровень с высотой входных дверей. В нём настроено множество келий, и, по всей вероятности, сам святой был основателем какой-нибудь секты. До настоящего времени, по свидетельству

путешественников, ежедневно, с четверга на пятницу, ходжи собираются на могиле святого, где эти фанатики в продолжение многих часов читают молитвы, сопровождая их различными кривляньями, бесконечными тяжёлыми вздохами и пляской вокруг могилы.

Необходимо заметить, что эти ходжи, считающиеся родственниками Азрет-Султана, живут доходами с земель, пожертвованных в его пользу (вакуфных земель). Стиль постройки и различные украшения заставляют предполагать, что этот храм, равно и многие другие здания в Средней Азии – сооружения персидских архитекторов». (С.160 – 161).

Мозер Г. В странах Средней Азии: [Путевые впечатления Генриха Мозера. 1882 – 1883] / Отгиски из исторического журнала «Русская старина». Изд. 1886 г. – СПб.: В.С. Балашев, 1888. – 73 с.

«Наконец, показались вдали купола обширной мечети, построенной в самом центре города Туркестана, первого большого сартовского города, где Мозеру пришлось остановиться. Эта мечеть - одно из самых больших и великолепных зданий Средней Азии, построена в XIV веке великим завоевателем Тимуром, чтобы служить могилою его внучке, Размеры мечети столь велики, что её видно в степи за 25 вёрст; изящные купола этого здания, покрытые некогда изразцами бирюзового цвета, значительно пострадали от времени; мозаики и прочие драгоценности, находившиеся в нём, исчезли вследствие нерадивости мулл, приставленных смотреть за мечетью, и можно сказать, что она сохранилась для потомства только благодаря щедрости русского императора. По случаю коронации Александра III-го бухарский эмир послал царю, в числе прочих подарков 100 тысяч рублей золотою монитою; эти средства были пожертвованы государем исключительно на дела мусульманской благотворительности, так напр[имер], медресе, построенное в Бухаре императрицей Екатериной II, получило в дар 40 тысяч рублей; 15 тысяч рублей ассигнованы на поправку и поддержку Газрета Тимура, остальная сумма предназначена на поддержку разных сооружений в Самарканде». (С.22 – 23).

Гедин С. В сердце Азии: Памир –Тибет – Восточный Туркестан: Путешествие Свена Гедина в 1893 – 1897 годах / Пер. со шведского А. и П. Ганзен. – СПб.: А.Ф. Девриен, 1899. – Т.I – VIII. – 487 с.

«Наконец, показались сады Туркестана с высокими тополями, окружённые длинными серыми стенами, кое-где новыми, но по большей части старыми, развалившимися; вот и гордый курган времён Тимура, а вот мы и проехали по пустому, по случаю пятницы, базару к станционному домику, где кузнец киргиз тотчас же взялся за починку тарангаса.

Туркестан, завоёванный в 1864 году генералом Черняевым, сам по себе захудалый и неинтересный город, производил тем более печальное впечатление в дождь и туман. Единственное, что может оправдать здесь остановку на несколько часов, это грандиозная мечеть-мавзолеей, воздвигнутая в 1397 г. Тамерланом в честь одного киргизского святого Хазрет-Султан-Ходжа-Ахмет-Ясеви. Её портал чрезвычайно высок, и украшен двумя живописными башнями, а самая мечеть увенчана множеством дынеобразных куполов. Облицовка фасада из каолина (фарфоровой глины) разрушилась, но боковые и задняя стены прямоугольного здания уцелели и пестреют, как и в Самарканде, голубой и зелёной краской. Мечеть обнесена воздвигнутой Худояром-ханом квадратной крепостной стеной из глины; внутри стены расположены теперь русские казармы. Несколько сартских мальчишек проводили меня через лабиринт узких проходов и по мрачным холодным лестницам на верх одной башни, откуда с головокругительной высоты открылся дивный вид на Туркестан, испорченный, впрочем дождём. Обычное востоку унылое впечатление охватывает вас и здесь: с одной стороны памятники древнего зодчества, ослепляющие вас своей роскошью и подавляющее своим величием, а с другой – современные строения, эти жалкие глиняные лачуги, с плоскими разрушившимися кровлями, эти узкие кривые улицы!

Была, как сказано, пятница, и я посетил мечеть как раз во время «намаза» или богослужения. Сарты в цветных кафтанах и белых тюрбанах собирались толпами и торжественно вступали под гигантские своды мечети, оставив свои громоздкие стучащие «калоши» у входа. Посреди мечети стояла огромная чаша, окружённая множеством туг –

пучков конских волос на длинных древках. Стены белые, украшенные местами изречениями из Корана. Старый ахун вежливо указал мне на дверь, так как звали к молитве. Я взошёл на одну из верхних галерей и оттуда уже стал смотреть на длинные ряды коленопреклонённых и кладущих поклоны сартов; это была красивая картина, напомнившая мне ночь Рамазана в Стамбуле». (С.51 – 53).

Абаза К.К. Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 312 с.

«Туркестан – первый туземный город на пути в Среднюю Азию. Как и все мусульманские города, он обнесён стеною, имеет цитадель и большую мечеть: это знаменитая мечеть Азрета, почему и самый город часто называется «Азрет-султан». Мечеть стоит на этом месте 500 лет, построенная ещё Тимуром в честь святого Азрет-Яссави, которого могила находится тут же. Сохранилось предание, что у грозного завоевателя скончалась в юных годах его прелестная правнучка Рабига-Бигем, которую Тимур любил до безумия. Желая почтить её память, Тимур приказал над могилой Азрета воздвигнуть вековечный храм и возле святого положить тело покойницы. Вызваны были лучшие мастера, которые трудились много лет и успели кончить храм почти в одно время со смертью Тимура. Мечеть сделана из отличного жжёного кирпича, сложенного на алебастре; верхи украшены лепной работой, а снаружи вся мечеть покрыта прекрасной изразцовой мозаикой. Кроме Рабиги-Бигем здесь погребены высшие духовные лица, киргизские султаны и туземные правители. Мечеть очень богата и пользуется в народе большим уважением. Расположенная на высоком месте, она кажется чудом, особенно издали, со степи; окружена стеной, вооружённой в ту пору пушками, почему также участвовала в защите города. Когда же несколько наших снарядов задели её купол, испуганный шейх-эль-ислам, т.е. глава духовенства, не побоялся сам взойти на минарет для того, чтобы выкинуть белый флаг: это означало сдачу. Город же весь глиняный: стены, цитадель, прочие мечети, дома – всё глиняное». (С.78).

Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск. Перовск, Туркестан, Аулие-Ага и Чимкент. – Ташкент: Эл.-пар. типолит. О.А. Порцева, 1912 . – 204 с.

ТУРКЕСТАН [С.108 – 158]

Мечети. В 1864 году в Туркестане было 20 мечетей, в том числе и знаменитая мечеть над могилой св. Ходжи-Ахмеда-Ясави-Хазрет-Султана, построенная известным эмиром Тимуром.

Современник Тимура Шараф-еддин-Али-Язди в своем труде «Зафар нама» (Книга побед) по поводу постройки последней мечети говорит следующее: «После окончания насаждения и сооружения в саду Дилькуша (в Самарканде), эмир Тимур двинул победные знамёна в сторону Ташкента, и высочайший эскорт, переправившись через реку Сейхун (Сыр-Дарью), остановился в раскинутых палатках на Ахангоране (Ангрене), верстах в 50 от Ташкента, в окрестностях селения Чиназ. Решено было зимовать здесь. В этой местности построили зимние помещения и камышовые курии (балаганы). Его величество, господин века (Тимур), изволил отправиться в селение Ясы на поклонение могиле (зиарет) шейха Ахмеда-Ясави, который был из потомков Мухаммеда Ханифы и высоких отцов ислама, и отдал высочайший приказ о сооружении здания над тем благословенным мазаром, и чтобы построили купол окружностью четыре основания с внутренней стороны в 130 гязов и диаметром в 41 гяз, а высоту ... , и затем по окончании надлежащим образом украсили бы стены и купол здания изразцами; двери его устроили бы из сплава *хафт-джуш* (сплав из семи металлов), а посредине водрузили бы хауз тоже из *хафт-джуша*; панель выложили бы из мрамора, доставленного из Тавриза, который красиво отделали бы и украсили чудным орнаментом. Производство работ поручено было старанию Мауляна-Убайдуллы-садра. Согласно приказанию здание было закончено в течение одного года. Выполнив установленный обряд зиарета, эмир наградил царскими милостями, подарками и приношениями жительствовавших при мазаре и других сообразно их достоинству и затем отсюда возвратился в орду». Поездка Тимура в Туркестан закончилась перед началом месяца раби-уль-аввала 800 года гиджры (т.е. в конце ноября

1397 года нашей эры). Из стихотворения на стальном кольце (халка) двери, ведущей из большого зала мечети в усыпальницу, в которой находится могила Ахмеда-Ходжи-Ясави, значится имя мастера этой отличающейся высокохудожественной резной работой двери – Изз-уд-дин, сын Тадж-ед-дина, из Исфагами и год 799. Таким образом, можно допустить, что основание зданию было положено в конце 799 года гиджры, т.е. осенью 1397 года нашей эры. Из надписи на громадном бронзовом котле, напоминающем своим видом нашу купель громадных размеров, видно, что он отлит по распоряжению Тимура для усыпальницы шейха Ахмеда-Ходжи-Ясави мастером Абдул-Азисом сыном мастера Сарваред-дина из Таприза 10 шавваля 801 года (в июне 1399 года нашей эры). Котёл в надписи назван *сакая*, по туркестанскому произношению *шикая*, из чего видно, что он назначался для хранения воды. Из вакуфных документов того времени усматривается, что в то время существовал обычай по пятницам, после праздничного намаза, угощать молящихся сладстями и подслащённой водой, для этой цели делались даже вакуфные пожертвования. Поэтому предполагают, что в этом котле хранилась подслащённая вода для богомольцев. В мечети сохраняются 6 бронзовых подсвечников, подаренных Тимуром, вышиною более аршина и весом от 2 до 4 пудов, украшенных прекрасною, куфическою надписью, и четыре старинных рукописных Корана. Постройку мечети производил Ходжа-Хусейн из Шираза, взятый в плен Тимуром в 1387 году.

Была ли окончена постройкой мечеть Ходжи-Ахмеда-Ясави при жизни Тимура, письменных сведений не сохранилось. Существует мнение и довольно распространённое, что мечеть Ходжи-Ахмеда-Ясави не была окончена ко времени смерти Тимура, но это принимается в том смысле, что оставалась неоконченной только израсчатая отделка стен. По устным преданиям, сохранившимся у туркестанских шейхов, верх арки пештока, остававшийся будто бы неоконченным после смерти Тимура, сведён был при бухарском хане Абдуллахе и на его средства. В мечети и около неё похоронено много высокопоставленных и известных по своей деятельности лиц. Так, например хан Средней киргизской орды Аблай (умер в 1781 г.), хан Большой киргизской орды Жолбарс (зарезан сартами в мечети в г. Ташкенте 5 апреля 1740 года), известный аргынский батыр Джаныбек, много содействовавший принятию киргизами русского подданства России в 1732 году, хан Абулхайр, умерший около 1460 года, Бабур-хан, правнук Тимура, Ондан-султан, отец касимовского царевича Ураз-Мухаммеда, живший во второй половине XVI века, и много других. Кроме того, в Туркестане же, но не около мечети были похоронены дру-

гие исторические личности, как, например, киргизский хан Ишим (Иш-Мухаммед), над могилой которого был построен небольшой мавзолей, теперь совершенно разрушенный.

При взятии русскими Туркестана в 1864 году мечеть немного пострадала от орудийных выстрелов.

При кокандском владычестве мечеть Ходжи-Ахмеда-Ясави неоднократно служила местом склада разных военных припасов, а с 1868 года до 1874 года была занята нашим военным ведомством под провиантский склад».

В последнее время величественный и в высшей степени оригинальный памятник знаменитого Тимура мало-помалу разрушается и имеет довольно плачевный вид. Первую поддержку, правда небольшую, оказал генерал-губернатор М.Г.Черняев, при котором была произведена облицовка новым кирпичом нижней части наружных стен и другие мелкие поправки на сумму до 15000 рублей. Затем вопрос о ремонте здания обсуждался в 1906 году и, между прочим, по этому вопросу имел суждение и местный археологический кружок. Покойный Н.Ф. Петровский по этому поводу высказал следующие и совершенно справедливые мысли. На поклонение (*зиаретъ*) могиле Ахмед-Ходжи-Ясави в Туркестан стекается ежегодно очень значительное число паломников, из которых многие люди достаточные и даже богатые, а так как *зиарет хам тиджарет* (поклониться святому месту и поторговать), то у мечети Ходжи-Ахмеда-Ясави должны вращаться значительные суммы. Обыкновенно паломники режут барана и делают шейху приношения; люди состоятельные лично или через посланных жертвуют (делают *хадия*) деньгами, лошадьми, верблюдами; небогатые люди делают приношения (*худаи*) халатами, лепешками, свечами, деньгами и т.д. В былое время инициаторами такого рода дел были ханы, правители и влиятельные лица, инициативы же народа не было. В настоящее время, когда в Туркестанском крае имеется уже достаточное число видных коммерсантов-мусульман, можно думать, что найдутся люди, которые пожелали бы принять на себя реставрацию и поддержание знаменитой мечети тамерлановской эпохи, и с неперменным обязательством подчинения правительственной власти по отчётности в расходовании собранных денег и по техническому и археологическому контролю.

В 1910 году туркестанские шейхи производили ремонт мечети и даже возобновили часть здания, служащего кухней, под наблюдением морского техника Ивана Антоновича Козловского без всякого контроля правительственной власти по сбору и расходованию денег и без архео-

логического контроля. Насколько такого рода ремонты и частичные реставрации желательны – это вопрос. Израсходовано на ремонт в 1910 году до 12000 рублей, собранных между почитателями могилы Ходжи-Ахмеда-Ясави. Осенью 1911 года правая сторона мечети областным техническим надзором опечатана, как грозящая опасностью для посетителей, но это в сущности детская мера, так как, если рухнет правая сторона, то от сотрясения, произведённого тяжестью в несколько сот тысяч пудов, рухнут и все купола и, вероятно, части стен других сторон и, таким образом, несчастье не будет предупреждено. Какими соображениями вызвана такая мера со стороны технического надзора, покажет ближайшее будущее.

Туркестанской мечетью Ахмеда-Ходжи Ясави интересовались и интересуются многие русские путешественники и учёные. Первое описание мечети сделал переводчик оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского статский советник Бекчурин, осматривавший её в 1865 году (Туркестанская область. Казань. 1872 года); П.И. Пашино (Туркестанский край в 1866 году, С.-Петербург, 1868 года); Лерхом (Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году, С.-Петербург, 1870 года); П.Н. Ахмаровым (в т. XII Известий общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете); Н. И. Веселовским (Известия русского комитета, 1906 года, № 6); С. Г. Маллицким (Историко-архитектурное значение Мечети Хазрета Ясавийскаго в гор. Туркестане, Ташкент, 1908 г.) и др.

В №№ 39 и 41 «Туркестанских Ведомостей» за 1901 г. помещен перевод Абубекра Ахмеджановича Диваева жалованной грамоты (*ина-ят-нама*), данной эмиром Тимуром туркестанской мечети Ходжи-Ахмеда-Ясави-Хазрет-Султана. Содержание грамоты следующее:

«Нет существующего и достойного Бога для поклонения кроме высочайшего и достойнейшего единого Бога и Магомета его посланника, да будет благословение Божие над ним, над его наичистейшим семейством, приверженцами и всеми его последователями, идущими по пути истинной веры».

«Это святое и благословенное здание сделано вечным и ненарушимым вакуфом по повелению величайшего из эмиров, великого государя всех народов, удостоенного милостью и наградою Всевышнего Творца, эмира Тимура-Курягана, да сохранит Бог навсегда владения его, да увекочит Бог добродетель его к его народу».

«После хвалы к Всевышнему и благословения посланнику его, да будет известно, что если дарующий, охраняющий все человечество,

беспредельно величайший, одинаково пекущийся о всех своих рабах, Всевышний Бог, обратит исключительное свое милосердие на одного из своих рабов, открыв ему двери хранилища милосердия, пошлет ему неиссякаемое богатство, то не найдется такая рука, которая бы могла уничтожить это богатство. Если Он, Всевышний Бог, раз возвысил своего избранника, то не дойдут до полы этого избранника стопы человека для уничтожения его богатства, ибо Создатель Всевышний даровал ему богатство, этим самым дал знать человечеству, что Он поставил высоко своего избранника, и избранник этот (Тимур) употребил всё своё великодушие и энергию, дабы посеять, с помощью оружия, все ненаходимые на земле блага Всевышнего Бога. Дальнейшее процветание и изобилие в дни великой эпохи зависит от благоденствия и здоровья царя великих государей, обладателя счастливого созвездия служащего родником чудотворения и благоденствия, эмира Тимура-Курягана-Богадура, сына эмира Торгая, упокоенного в раю».

«И вот в эти счастливые дни, которые совпали со днями, когда Всевышний Бог открывает своим избранным рабам двери хранилища милосердия, он, питая надежду на великое возмездие Всевышнего и прося заступнических молитв святого и благочестивого хозяина могилы (Ходжи-Ахмеда-Ясави-Хазрет-Султана), учредил несколько вакуфов во имя его – пути к истине, Султана правоты и истины, лучшего мистика, мистика предводителя совершеннейших людей, первенствующего в свое время святого, благороднейшего Султана-Ходжи-Ахмеда-Ясавийскаго, да освятит Бог могилу его лучом своего блеска». (С.135 – 142).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. План города Туркестана из архива Д.Г. Мессершмидта
2. План города Бухары из архива Д.Г. Мессершмидта
3. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рисунок из «Военного сборника». 1866 г.
4. В.Н. Татищев (1686 — 1750).
5. П.И. Рычков (1712 — 1777).
6. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Вид с юга. Рисунок предположительно В.В. Верещагина. Из книги Ю. Скайлера «Туркестан». 1876 г.
7. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Вид с севера. Рисунок предположительно В.В. Верещагина. Из книги Ю. Скайлера «Туркестан». 1876 г.
8. П.И. Пашино (1836 — 1891).
9. А.К. Гейнс (1833 — 1891).
10. В.В. Верещагин (1842 — 1904).
11. П.И. Лерх (1828 — 1884).
12. Туркестан. Часть города «Базар-Баши». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
13. Туркестан. Часть города «Ходжалык». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
14. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Главный портал. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
15. Н.И. Веселовский (1848 — 1918).
16. В.Л. Вяткин (1869 — 1932).
17. Н.Ф. Петровский (1837 — 1908).
18. В.В. Бартольд (1869 — 1930).
19. Туркестан. Мавзолей Рабии Султан-Бегим. XV в. Фото М.К. Приорова. 1866 г.

-
20. Концовка главы седьмой из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году».
 21. М.Е. Массон и Турды Мир-Гиязов. 1929 г.
 22. Туркестан. Главная улица. Почтовая открытка. Нач. XX в.
 23. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовые открытки. Нач. XX в.
 24. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рис. В.И. Лузан. 1946 г.
 25. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.
 26. Туркестан. Остатки фортификации второй пол. XIX в. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.
 27. Туркестан. Ворота кокандской крепости XIX в. Реконструкция. Фото А.Ф. Рассказова. 1981 г.
 28. Туркестан. Угловая башня кокандской крепости XIX в. Реконструкция. Фото А.Ф. Рассказова. 1981 г.
 29. Б.Н. Засыпкин (1891 — 1955).
 30. Н.Б. Бакланов (1881 — 1959).
 31. Л.Ю. Маньковская (1932 — 1988).

- с. 61. Туркестан. Вид на мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Литография «с тоном» по фотографии М.К. Приорова. 1866 г. Из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». 1868 г.
- С. 79. Заставка к главе шестой «Г. Туркестан» из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». 1868 г. Рис. В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по фотографиям М.К. Приорова. 1866 г.). В основе композиции две фотографии М.К. Приорова – «сауранских башен» и мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави.
- С. 94. Вид города Туркестана и мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Фото М.К. Приорова. 1866 г. Из «Туркестанского альбома». 1871 г.
- С. 95. Заставка к главе седьмой «От Туркестана до Чимкенда» из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». Рис. В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по рисункам Д.В. Вележева. 1866 г.). В композиции объединены рисунок местного народного типа и панорама Туркестана с мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави на заднем плане.
- С. 97. План первого этажа мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, снятый в 1884 г. инженером А.В. Печенкиным
- С. 103. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Ниша гурханы. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
- С. 112. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Резные деревянные двери главного входа. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

-
- С. 113. Верещагин В.В. У дверей мечети. 1973 г. В основу композиции картины положены резные деревянные двери главного входа мавзолея Ясави.
- С. 114. Верещагин В.В. Нищенствующие монахи ордена Накшбенди у входа в мечеть в Туркестане. Ок. 1882 г. В основу композиции картины положены резные деревянные двери главного входа мавзолея Ясави.
- С. 116. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рис. на дереве А.Н. Писченкова, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Вележева, 1866 г.).
- С. 119. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
- С. 124. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рис. Т. Тейлора. Из журнала «Нива». 1879 г.
- С. 130. Совет секции по охране памятников старины и искусства Средазкомстариса. Слева: 1) архитектор Б.Н. Засыпкин, 2) проф. Э.А. Шмидт, 3) академик В.В. Бартольд, 4) председатель Средазкомстариса Д.И. Нечкин, 5) археолог В.Л. Вяткин, 6) проф. А.А. Семенов, 7) зав. секцией по охране памятников старины и искусства И.И. Умняков (стоит).
- С. 133. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. С фотографии 1907 г.
- С. 135. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. Нач. XX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	Архитектурное наследство. М.
АСУ	Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент.
ВАН	Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ВИРГО	Вестник Императорского Русского географического общества. СПб.
ГРВЛ	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М.
ИАН	Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИЗУ	Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент.
ИМННАНРК	Известия Министерства науки – Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
ИМОННАНРК	Известия Министерства образования и науки – Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
ИНАНРК	Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
МАИ – МАРХИ	Московский архитектурный институт. М.
МАЭРАН	Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук.
МГСУ	Московский Государственный строительный университет.
ОНУз.	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПТКЛА	Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
РА	Российская археология. М.
РКИСВА	Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.

СА.	Советская археология. М.
СВ	Советское востоковедение. М.
СНРПМ	Специализированная научно-реставрационная производственная мастерская. Ташкент.
ТВ	Туркестанские Ведомости. Ташкент.
ТИИАЭАН	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ТСАГУ	Труды Среднеазиатского Государственного университета.
ЦГА РУз.	Центральный Государственный архив Республики Узбекистан. Ташкент.
ЮКОГА	Южно-Казахстанский Государственный архив. Шымкент.
ЮКОМ	Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей.

ТҮЙІН

Қожа Ахмед Ясауи кесенесі – Орта Азия мен Қазақстанның архитектуралық мұрасындағы негізгі ескерткіштердің бірі. Оның орта ғасыр мен қазіргі уақыттың ислам сәулет өнерінде теңдесі жоқ. Сонымен қатар Қожа Ахмед Ясауи кесенесі қасиеттілігінің арқасында бүкіл мұсылман-түрік әлеміне белгілі, яғни әйгілі ақын және сопылық әулие ретінде есімі шыққан оған кесене арнап, орасан үлкен кешеннің құрылысын жүргізген Әмір Темір тарихқа өшпес із қалдырды.

Ясауи кесенесінің тарихын зерттеу – бұл Орта Азия мен Қазақстан сәулет өнері тарихының маңызды бетерінің бірі. Ол жеке ғылыми пән ретінде аймақ архитектурасының қалыптасуы мен даму тарихы үдерісін толығымен бейнелей алады.

Осы кітаптың негізіне түрткі болған библиографиялық және мұрағаттық ізденістер ескерткішті зерттеу уақытында көптеген материалдар кейінге қалдырылып, оны Қожа Ахмед Ясауи кесенесін зерттеушілер мен реставраторлар да толығымен игермегендігін көрсетті.

Бұл көп емес әрі өте қысқа мақалалар Қазақстан архитектурасы тарихындағы осы бос орынды толықтыратын жағдайда емес еді. Дегенмен олар Қожа Ахмед Ясауи кесенесі туралы материалдардың қордалана бастауы, яғни XVIII ғ. бастап 1950-ші жж. ортасына дейінгі археологиялық және тарихи-архитектуралық зерттелу тарихы жөнінде баяндайды. Мұның жазылуы барысында өте маңызды болып табылатын археологиялық материалдар тартылды, бірақ ескерткішті археологиялық тұрғыдан зерттеу ұзақ уақыт шегеріліп келді.

Кітап аталған очерктерді қамтып, зерттеулердің хронологиялық шеңберін кеңейткен біршама негізді және жан-жақты тарихнамалық

зерттеулерге кіріспе ретінде ұсынылып отыр. Ғылыми айналымға бұрын белгісіз болып келген мұрағаттық материалдар, ескерткіш туралы әлдеқашан библиографиялық сирек болып саналатын қазан төңкерісіне дейінгі және кеңестік уақыттаға басылымдарда айтылатын мәліметтер енеді.

Алуан түрлі және аса белгісіз материалдарды баяндауда автор суреттеуден бас тартып, мұндай маңызды құрылысты зерттеудің жалғыз ғана тиімді тұжырымдамалық тәсілі архитектура тарихы мен тарихи шығыстану позициясында жан-жақты және терең тарихнамалық талдау арқылы пайымдау деп есептейді.

SUMMARY

Mausoleum of Khoja Akhmet Yassawi is one of the key monuments in the architectural heritage of Central Asia and Kazakhstan. It has no any analogues in the Islamic architecture of the Middle Ages and modernity. Moreover, the mausoleum of Khoja Akhmet Yassawi is well-known all over the Muslim-Turkic world due to the odour of sanctity surrounding name of the famous poet and Sufi sacred. The mausoleum was devoted to this person and to the name of builder-donor of this vast complex left a lasting trace in the history, emir Timur.

The history of study of Yassawi mausoleum is one of the important pages of the history of art of building of Central Asia and Kazakhstan. To the full extent it reflects a process of formation and development of the region's architecture history as an independent scientific discipline.

Bibliographic and archival investigations laid in the basis of this book show that during study of the monument there has been collected great material underworked by the researchers and restorers of Khoja Akhmet Yassawi mausoleum.

Some very short articles failed in filling of this gap in the history of Kazakhstan architecture. This article speaks about history of archeological and historical-architectural investigations of Khoja Akhmet Yassawi mausoleum beginning from prehistory of collection of material about it from XVIII century to the middle of 1950's. At the writing of the article there was involved archeological material that is very important because archeological study of this monument has been falling for a long time.

The book is a prelude to more profound and complete historiographic study which will cover fragmentarity of the given studies and extend chrono-

logical frames of the research. Then unknown archive material, information on the monument derived in rare pre-revolutionary and Soviet editions which became old bibliographic rarity is implementing into the scientific round.

In presentation of the varied and poorly known material the author tried to avoid descriptiveness considering as the only possible the conceptual approach in the study of such many-valued construction, that assumes comprehensive and deep historiographic analysis from the position of the history of architecture and historical orientalism.

Содержание

Введение	5
Глава I ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ	15
Глава II ПРЕДЫСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА. XVIII ВЕК	49
Глава III ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века – 1917 г.	75
Глава IV К СЛОЖЕНИЮ ИКОНОГРАФИИ МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ (изобразительные источники второй половины XIX – начала XX вв.)	87
Глава V МАВЗОЛЕЙ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ В 1920-е ГОДЫ. ИЗУЧЕНИЕ. РЕМОНТ. РЕСТАВРАЦИЯ	109
Глава VI ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ КОНЦА 1930 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг. и Б.Н. ЗАСЫПКИН	129
Вместо заключения	151
Список использованной литературы	153
Приложения	171
Приложение I СВЕДЕНИЯ ПЕРСИДСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ О МАВЗОЛЕЕ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ	173

Приложение II
СВЕДЕНИЯ ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
О МАВЗОЛЕЕ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ (XVIII – начало XX вв.)179

Список иллюстраций 213

Список сокращений..... 217

Туйін 219

Summary..... 221

Содержание..... 223

ЁЛГИН ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ

Научный сотрудник

*Научно-исследовательский институт «Археологические
исследования» при ЮКГУ им. М.О. Ауезова*

160008, г. Шымкент, ул. Уалиханова, 213в.

Тел.: 8 (7252) 57-47-21,

+7 (777) 654-03-98

E-mail: edmitriy@mail.kz

**Археологические и историко-архитектурные исследования
мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: Вторая половина XIX в.
– середина 1950-х годов: (Очерки и материалы).**

Научное издание

Алматы, 2013

Ответственный редактор Байтанаев Б.А., член корреспондент Национальной
Академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук

Компьютерная верстка и дизайн — Ёлгин Д.Ю.

Корректор — Быкова О.А.

ISBN 978-601-7312-03-9

Сдано в набор хх.хх.2013 г. подписано в печать хх.хх.2013 г.

Формат 84x108 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Уч. печ. листов 13,75. Гарнитура «DS Svetlana».

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «.....»

e-mail: